18+
ИМПЕРИЯ
ВАМПИРОВ
ДЖЕЙ КРИСТОФФ

Джей Кристофф
Империя вампиров
Серия «Миры Джея Кристоффа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67616139
Империя вампиров: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-118802-3

Аннотация

С последнего рассвета прошло двадцать семь лет. Вот уже почти три десятилетия вампиры ведут войну с человечеством; они строят свою бессмертную империю, разрывая в клочья нашу. От человечества остаются немногие крохотные искорки света в море тьмы.

Габриэль де Леон – угодник-среброносец, член священного братства, посвятившего себя защите государства и церкви от созданий ночи. Но даже весь Серебряный орден оказался не в силах сдержать прилив, когда свет дня покинул нас, и вот остался один только Габриэль.

В плену у тех самых чудовищ, которых он поклялся уничтожить, последний угодник-среброносец вынужден рассказывать свою историю. Историю легендарных сражений и запретной любви, утраченной веры и новых друзей, Войн крови и Вечного Короля, а также поисков последней надежды человечества – Священного Грааля.

Содержание

Джей Кристофф 5
На закате 8
Книга первая 24
I. О яблоках и яблонях 24
II. Начало конца 36
III. Цвет желания 46
IV. Агнец на заклание 58
V. Огонь в ночи 66
VI. Обитель в небе 81
VII. Лицо в форме разбитого сердца 97
VIII. Красный обряд 111
IX. Сладчайший и темнейший 123
X. Кровь слабых 138
XI. Как работают истории 146
Книга вторая 156
I. Несправедливость 156
II. Три способа 165
III. Небольшие благословения 173
IV. Об опасностях брака 177
V. Божественное провидение 186
VI. Одни обещания 198
VII. Звезды на вчерашнем небе 210
VIII. У ворот 213

IX. Велленский зверь 223
X. Красный снег 234
XI. Из бури 247
XII. Два бокала 259
Книга третья 266
I. Успешные начинания 266
Конец ознакомительного фрагмента. 274

Джей Кристофф
Империя вампиров

Copyright © Neverafter PTY LTD 2021
Jacket design and art direction by Micaela Alcaino
Cover art © Kerby Rosanes
Maps © Virginia Allyn 2021
Seven-pointed star © James Orr 2021
Interior illustrations © Bon Orthwick 2021
© Нияз Абдуллин, перевод на русский язык, 2022
В оформлении макета использованы материалы
по лицензии ©shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Take hold of my hand,
For you are no longer alone.
Walk with me in hell [1].
– Марк Мортон

---

[1] Англ: «Возьми меня за руку, ибо больше ты не один. Ступай со мной в ад» *(цитата из песни группы Lamb of God «Walk with Me In Hell». Марк Мортон – соло- и ритм-гитарист группы. – Здесь и далее примечания переводчика.)*

Пред ликом Господа и семерых Его мучеников клянусь:

Да узнает тьма имя мое и устрашится.

Покуда горит она – я есмь пламень.

Покуда истекает кровью – я есмь клинок.

Покуда грешит она – я есмь угодник Божий.

И я ношу серебро.

– Клятва ордена Святой Мишон

Не *спрашивай, есть ли Бог; лучше спроси, почему Он такая сволочь.*

То, что есть зло, не отрицает и величайший глупец. Мы живем в тени зла. Лучшие из нас поднимаются над ним, худшие – испивают его до капли, но все мы неизменно и постоянно бредем по жизни, утопая в нем по колено. Проклятия и благословения сыплются на злых в равной мере. Ибо на каждую услышанную молитву приходится по десять тысяч оставшихся без ответа. Святые страдают бок о бок с грешниками, молясь за чудовищ, исторгнутых из самого чрева ада.

Но коли есть ад, разве не должно быть и неба?

А если есть рай, то разве нельзя нам спросить, отчего же все так?

Если Вседержитель желает покончить со скверной, но отчего-то не может, то, значит, Он вовсе не так всемогущ, как внушают нам священники. Если же Он способен положить тьме конец, то почему тогда зло вообще существу-

ет? А уж коли Он не желает и не может расправиться с ним, какой же Он тогда Бог?

Есть, правда, еще догадка: Он может остановить зло, просто бездействует.

Детей вырывают из рук у родителей. Безымянные могилы тянутся до горизонта и дальше. Бессмертная нежить охотится на нас при свете почерневшего солнца.

Ныне мы добыча, топ ami[2]*.*

Мы – пища.

Только Он и пальцем не шевельнет, чтобы все прекратить.

А ведь может.

Просто бездействует.

Ты не думал, отчего Он так возненавидел нас?

---

[2] Друг мой *(фр.)*.

На закате

Во владениях Вечного Короля шел двадцать седьмой год мертводня, и убийца правителя ожидал казни.

Он, как дозорный, стоял у окошка-бойницы и сгорал от нетерпения, сцепив за спиной покрытые запекшейся кровью и бледным, точно свет звезд, пеплом татуированные руки. Узилище располагалось на самом верху одинокой башни, ласкаемой неусыпными ветрами. Окованная железом тяжелая дверь была заперта и неприступна, словно тайна. Убийца следил, как садится готовое незаслуженно отдохнуть солнце, и вспоминал вкус преисподней.

Внизу раскинулась булыжная мостовая внутреннего дворика, обещавшая недолгое падение и вслед за ним – тьму без снов. Впрочем, в узкое окно он бы не смог протиснуться, а в камере для сна почти ничего не оставили: только солому на каменном полу. Было еще ведро, чтобы испражняться, а щель в стене, похоже, позволяла убийце мучиться видом жидкого заката в ожидании настоящих пыток. Одет он был в тяжелое кожаное пальто, стоптанные сапоги и кожаные брюки, покрытые грязью дорог и сажей. Сам он, бледный, сильно потел, хотя очаг у него за спиной не горел. Разводить огонь, даже в тюремной камере, холоднокровки не рисковали.

Скоро они придут за ним.

Замок внизу просыпался. Чудовища поднимались со сво-

их лож в холодной земле, принимая некое подобие человеческого облика. Воздух гудел от пения кожистых крыльев. По зубчатым крепостным стенам прохаживались часовые, солдаты-рабы в броне из вороненой стали; на их черных плащах красовался герб: два волка и две луны. Глядя на них, убийца скривил губы: люди охраняют место, стеречь которое не стала бы и собака.

Небо почернело, словно грех.

Горизонт покраснел, как уста его дамы, когда он последний раз целовал их.

Убийца погладил татуировку на кисти руки, чернильные буквы под костяшками кулака.

– Терпение, – прошептал он.

– Можно войти?

Убийца сделал над собой усилие и не вздрогнул, не доставил удовольствия холоднокровке, он продолжил смотреть в окно – созерцая далекие неровные кулаки гор, покрытые пепельно-серым снегом. Взгляд чудовища скользнул по его шее. Убийца знал, чего оно хочет, зачем явилось сюда. Надеялся, может, все произойдет быстро, хотя в глубине души понимал: палачи захотят растянуть удовольствие, наслаждаясь его воплями.

Наконец он обернулся, чувствуя, как внутри него при виде твари разгорается пламя. Гнев давно стал ему другом, которому он неизменно радовался. С гневом он не чувствовал ноющих жил и старых костей, забывал о тянущей боли в руб-

цах. Глядя на вошедшее чудовище, убийца снова ощутил себя как в молодости, когда чистая и незамутненная ненависть окрыляла и несла вперед.

– Добрый вечер, шевалье, – произнес холоднокровка.

Вампир умер еще мальчишкой. Лет пятнадцати или шестнадцати, не возмужавшим и не утратившим чуть ли не девичьей стройности. Сколько ему лет на деле, знал один только Бог. Щеки вампира окрашивал легкий румянец, а лицо с большими карими глазами обрамляли густые золотистые локоны; на лоб падала искусно отделенная прядка. Губы на фоне идеально гладкой, гипсово-белой кожи казались неприлично красными. Тот же оттенок был и у белков глаз, а значит, кровосос недавно поел.

Не смысли убийца ничего в этих тварях, сказал бы, что эта похожа на живого.

На чудовище был черный бархатный кафтан, расшитый золотыми завитушками. Плечи покрывала мантия из вороньих перьев, стоячий воротник которой напоминал веер лоснящихся черных клинков. На груди был вышит клановый герб: два волка, щерясь, воют на две луны. Портрет дополняли темные бриджи, шейный платок, чулки из шелка да лакированные туфли. Чудовище в облике аристократа.

Оно стояло посреди камеры, хотя дверь по-прежнему оставалась запертой, словно тайна, на крепкий замок. В бледных, как кость, руках, оно сжимало толстую книгу.

– Я маркиз Жан-Франсуа крови Честейн, – сладкой колы-

бельной прозвучал голос вампира, – летописец ее милости Марго Честейн, первой и последней своего имени, бессмертной императрицы волков и людей.

Убийца молчал.

– Ты Габриэль де Леон, Последний Угодник-среброносец.

Убийца, названный Габриэлем, не произнес ни звука. В тишине глаза твари горели, словно свечи; воздух будто бы сгустился, как черная патока. На мгновение Габриэлю показалось, что он стоит у обрыва, и спасти может лишь прикосновение холодных рубиновых губ к его глотке. При одной мысли об этом кожу стало покалывать, а кровь непроизвольно забурлила. Так мотылек стремится к пламени, желая сгореть.

– Мне можно войти? – повторило чудовище.

– Ты и так вошел, холоднокровка, – ответил Габриэль.

Тварь взглянула ему под ремень брюк и понимающе улыбнулась.

– Спрашиваю из вежливости, шевалье.

Она щелкнула пальцами, и окованная железом дверь распахнулась. В камеру скользнула хорошенькая рабыня в длинном, сильно приталенном платье из бархатного дамаста с корсажем. Ее шею прикрывал черный кружевной воротник. На глаза падали похожие на цепочки из вороненой меди рыжие косички. Лет рабыне было за тридцать, как и самому Габриэлю; будь вампир обычным мальчишкой, а она – обычной женщиной, то сгодилась бы чудовищу в матери. Однако

женщина с легкостью внесла и, не поднимая глаз, поставила рядом с холоднокровкой тяжелое, весившее как она сама, кожаное кресло.

Чудовище не сводило с Габриэля глаз. Как и он – с него.

Женщина внесла второе кресло и дубовый столик. Поставив кресло возле Габриэля, а столик между угодником и чудовищем, сцепила руки, словно настоятельница монастыря в молитве.

Вот теперь Габриэль разглядел шрамы у нее на горле: под кружевным воротничком скрывались легко узнаваемые следы укусов. От презрения по коже побежали мурашки. Тяжелое кресло рабыня внесла как пушинку, зато сейчас, в присутствии холоднокровки, стояла чуть дыша, а ее бледная грудь в разрезе платья вздымалась и опадала, как у девицы в первую брачную ночь.

– *Merci* [3], – сказал Жан-Франсуа из клана Честейн.

– К вашим услугам, – пробормотала женщина.

– Оставь нас, милая.

Рабыня встретилась с чудовищем взглядом. Ее рука метнулась вверх, к молочно-белому изгибу шеи и…

– Скоро, – пообещал холоднокровка.

Женщина приоткрыла рот. Габриэль заметил, как участился ее пульс.

– Как скажете, хозяин, – прошептала она.

Даже не взглянув на Габриэля, рабыня сделала книксен и

---

[3] Спасибо *(фр.)*.

выскользнула из комнаты, оставив убийцу наедине с чудовищем.

– Присядем? – предложило оно.

– Предпочитаю умереть стоя, – ответил Габриэль.

– Я не убивать тебя пришел, шевалье.

– Тогда чего тебе, холоднокровка?

Зашелестела тьма. Чудовище неуловимо переместилось в кресло. Сев, оно смахнуло с вышитого бархатного кафтана воображаемую пылинку и опустило книгу на колени. Простейшая демонстрация силы – показ мощи, призванный предостеречь убийцу от проявлений отчаянной дерзости. Однако Габриэль де Леон убивал этих тварей с шестнадцати лет и прекрасно видел, когда перевес сил был не в его пользу.

Он остался без оружия, не спал три ночи, умирал с голоду в окружении врагов и потел от ломки. В голове эхом звучал голос Серорука, звенели обитые серебром каблуки о булыжник двора в Сан-Мишоне.

Закон первый: если сам не жив, то и нежить не убьешь.

– Тебя, наверное, мучит жажда.

Из внутреннего кармана кафтана чудовище извлекло хрустальный флакон, на гранях которого заиграл бледный свет. Габриэль прищурился.

– Это просто вода, шевалье. Пей.

Знакомая игра. Щедрость – прелюдия к искушению.

Но язык во рту наждачкой скреб по нёбу, и, пускай эту жажду ничто унять не смогло бы, Габриэль выхватил флакон

из призрачно-бледной руки и плеснул его содержимого себе на ладонь. Вода, кристально чистая, без следа крови.

Он устыдился облегчения, с которым выпил всю воду, до капли. Его человеческой половине она показалась слаще любого вина, любой женщины.

– Прошу. – Взгляд холоднокровки был острым, точно осколки стекла. – Присаживайся.

Габриэль не сдвинулся с места.

– Сядь, – приказала тварь.

Волей чудовища придавило, точно прессом, и вот уже Габриэль не видит ничего, кроме его темных глаз, как если бы они занимали всю комнату. И стало ему сладостно. Он чувствовал себя шмелем, которого манит аромат цветка, свежие, в каплях росы лепестки. Кровь снова устремилась в низ живота, но Габриэль, как и прежде, слышал в голове голос Серорука.

Закон второй: яд нежити со словами втечет тебе в уши.

Габриэль стоял. Твердо, на подламывающихся, как у жеребенка, ногах. Губ чудовища коснулась тень улыбки. Заостренные кончики пальцев убрали с кроваво-шоколадных глаз золотистую прядку и побарабанили по переплету книги.

– Впечатляет, – сказало оно.

– Не могу сказать того же, – ответил Габриэль.

– Осторожнее, шевалье. Рискуешь ранить мои чувства.

– У нежити чувства зверя, внешность человека, но дохнет она как дьявол.

– А, – холоднокровка улыбнулся, и во рту у него будто блеснула бритва. – Закон четвертый.

Удивление Габриэль скрыл, но в животе у него скрутило.

– *Oui* [4]. – Холоднокровка кивнул. – Мне знакомы принципы Ордена, де Леон. Если не учиться у прошлого, в будущем ждут беды. А будущие ночи, как ты, надеюсь, понимаешь, нежити очень интересны.

– Верни меч, пиявка, и я покажу, чего твое бессмертие стоит.

– Угрозы. – Чудовище присмотрелось к своим длинным ногтям. – Как банально.

– Это клятва.

– *«Пред ликом Господа и семерых Его мучеников клянусь: да узнает тьма мое имя и устрашится. Покуда горит она – я есмь пламень. Покуда истекает кровью – я есмь клинок. Покуда грешит она – я есмь угодник Божий. И я ношу серебро»*, – процитировало чудовище.

Мягко накатила волна отравляющей дух ностальгии. Эти слова Габриэль слышал, казалось, еще в прошлой жизни, когда они эхом звенели под сводами и среди витражей Сан-Мишона: молитвой о мести и кровопролитии, обещанием Богу, который глух. Но услышать их тут, из уст чудовища, было…

– Сядь, во имя любви Вседержителя, – вздохнул холоднокровка. – Того и гляди с ног свалишься.

Воля чудовища продолжала давить, а в его глазах сосредо-

---

[4] Да *(фр.)*.

точился весь свет, который был в камере. Оно словно шептало на ухо, щекоча клыками, обещая сон и отдых после долгой дороги, чистую воду – смыть кровь с рук – и тихий уютный мрак, в котором забудется, как выглядит все, что ты отдал и потерял.

Но тут Габриэль вспомнил лицо своей дамы. Цвет ее губ, когда последний раз целовал их.

И остался стоять.

– Чего тебе, холоднокровка?

Краешек закатного солнца скрылся за горизонтом, а Габриэль ощутил на языке привкус жухлых листьев. Не на шутку разыгралось желание, готовое смениться потребностью. Жажда холодными пальцами прошлась по спине, накрыла его черными крыльями. Когда он курил последний раз? Два дня назад? Или три?

Боже святый, он бы мать родную за трубку убил…

– Как я уже сказал, – ответил холоднокровка, – я летописец ее милости. Хранитель ее рода и смотритель библиотеки. Твоими заботами и стараниями Фабьен Восс мертв. Теперь, когда прочие дворы крови преклонили колени, моя госпожа озаботилась сохранением. Прежде чем Последний Угодник умрет, прежде чем вся мудрость Ордена ляжет в безымянную могилу, моя бледная императрица Марго в своей безграничной щедрости дает тебе возможность выговориться.

Жан-Франсуа улыбнулся виноцветными губами.

– Она желает услышать твою историю, шевалье.

– Смотрю, у вашего брата беда с чувством юмора, – ответил Габриэль. – Обращаясь и восставая из могилы, вы забываете прихватить его из земли. Вместе с душонкой.

– С чего ты взял, что я шучу, де Леон?

– Животные частенько забавляются с добычей.

– Если бы моей императрице хотелось позабавиться, твои вопли было бы слышно даже в Алете.

– Угрозы. – Габриэль присмотрелся к своим обломанным ногтям. – Как банально.

Чудовище склонило голову набок.

– Туше.

– С какой стати мне тратить последние часы на этом свете, рассказывая историю, на которую всем начхать? Я для тебя никто. Ничто.

– Брось. – Тварь выгнула бровь. – Черный Лев? Человек, переживший алый снегопад Августина? Тот, кто спалил дотла тысячу наших и ударил Безумным Клинком по шее Вечного Короля? – Жан-Франсуа цокнул языком, словно школьная мадам, журящая непослушного ученика. – Раньше ты был величайшим из угодников, а сейчас и вовсе единственный. Как же плохо лежит на этих широких плечах мантия скромности.

Холоднокровка ступал по грани между ложью и лестью, выверяя каждый шаг, точно волк, идущий на яркий и острый запах крови. Что же ему нужно на самом деле, почему Габриэль до сих пор жив? Похоже…

– Все дело в Граале.

Лицо чудовища превратилось в неподвижную мраморную маску. Однако Габриэлю почудилось, что взгляд темных глаз слегка дрогнул.

– Грааль уничтожен, – ответило чудовище. – Какое нам теперь дело до чаши?

Габриэль склонил голову набок и процитировал:

– Из чаши священной изливается свет,
И верные руки избавят от бед.
Перед святыми давший обет,
Один человек вернет небу цвет.

В холодных каменных стенах раздался бездушный смех.

– Я хроникер, де Леон. Мне интересна история, а не мифология. Тривиальные суеверия прибереги для скота.

– Лжешь, холоднокровка. Яд нежити со словами втечет тебе в уши. Если надеешься, что я предам…

Голос у Габриэля дрогнул, и он не договорил. Чудовище как будто не двигалось, но в его протянутой руке возник фиал с красновато-коричневым, словно растертый шоколад и лепестки роз, порошком.

Подступило знакомое искушение.

– Подарок, – сказало чудовище, вынимая колпачок.

Послышался запах: насыщенный, приторный, медный. Кожу покалывало. Габриэль невольно приоткрыл рот и охнул. Он понял, что нужно чудовищам. Ясно же, одним ра-

зом он не ограничится, захочется больше. Он словно со стороны услышал собственный голос. И если прошедшие годы, пролитая кровь еще не разбили ему сердце, то вот что точно могло его разбить.

– Я потерял трубку… В Шарбурге я…

Из кармана холоднокровка извлек костяную трубку тонкой работы и положил ее на столик, а рядом поставил фиал. Пристально глядя на Габриэля, он жестом пригласил его сесть напротив.

– Присядь.

Наконец Габриэль, совершенно разбитый, подчинился.

– Угощайся, шевалье.

Габриэль опомниться не успел, как схватился за трубку и насыпал в чашечку липкого порошка. Он так дрожал, что едва не выронил вожделенное угощение. Все это время холоднокровка не сводил взгляда с его рук – покрытых шрамами, мозолями и прекрасными татуировками. На правой была выведена гирлянда из черепов, на левой – коса из роз. Под костяшками поперек пальцев тянулось слово «терпение». На фоне бледной кожи оттененные металлическим блеском чернила казались черными.

Убрав со лба длинный локон черных волос, угодник-среброносец похлопал себя по карманам пальто и кожаных брюк. Огниво, разумеется, отняли.

– Мне нужно пламя. Лампа.

– Нужно.

С мучительной неспешностью холоднокровка сложил изящные пальцы шпилем у подбородка. В целом мире в этот момент не осталось никого и ничего. Только убийца, чудовище да тяжелая, будто свинцовая, трубка в дрожащих руках Габриэля.

– Поговорим о нужде, угодник. Причины неважны. Как и средства. Моя императрица требует, чтобы ты рассказал свою историю. Поэтому мы либо сидим здесь, как аристократы, и ты потакаешь своей мелочной, омерзительной привязанности, либо перемещаемся в недра шато, куда боятся ступать даже дьяволы. Так или иначе моя императрица Марго твою историю услышит. Вопрос в другом: ты поведаешь ее, перемежая слова затяжками или воплями.

Он сдался. Он пал, едва взявшись за трубку.

Он истосковался по аду и страшился возвращения туда.

– Дай, сука, огня, холоднокровка.

Жан-Франсуа снова щелкнул пальцами, и дверь камеры со скрипом открылась. Снаружи ждала все та же рабыня. В руке она держала накрытый длинным узким плафоном светильник, в свете которого казалась просто силуэтом: черное платье, черный корсаж, черный воротник… Это могла быть и дочь Габриэля, и мать, и жена – все равно. Главное – пламя.

Габриэль напрягся с силой двух натянутых луков, смутно уловив тревогу вампира. В присутствии пламени тот тихо, шелковисто шипел сквозь острые зубы. Однако Габриэлю сейчас на все было плевать, кроме огня и темной магии,

силу которой он высвободит: кровь превратится в порошок, порошок превратится в дым, а тот дарует блаженство.

– Давай ее сюда, – велел он женщине. – Да поживее.

Она поставила лампу на столик и только тут взглянула на угодника. Она молчала, но взгляд ее бледно-голубых глаз как бы говорил: «И это я-то рабыня?».

Ну и плевать. Совсем. Габриэль ловко подкрутил ключик лампы, поднимая до нужной высоты пахнущий маслом язычок пламени. Ощутил его тепло в холоде башни, поднес чашечку трубки на нужное расстояние, чтобы порошок начал тлеть. И когда темная алхимия, утонченное волшебство заработало, в животе затрепетало. Кровяной порошок закипел, теряя цвет и выделяя аромат остролиста и меди. Габриэль приник губами к мундштуку с такой страстью, с какой не целовал и возлюбленную, и – Боже милостивый! – наконец затянулся.

Легкие наполнились пламенем, разум взбурлил, как грозовые тучи. Габриэль вдыхал этот дым кристалликов крови, а сердце колотилось о ребра, словно птица – о прутья костяной клетки. Член затвердел и впился в гульфик кожаных брюк. Казалось, еще одна трубка – и Габриэль узрит лик самого Бога.

Рабыня теперь представлялась ангелом в смертном обличье. Захотелось поцеловать ее, выпить ее, умереть в ней, стиснув в объятиях и лаская губами ее кожу. Зачесались клыки; на шее у женщины, прямо под челюстью, столь маня-

ще билась жилка. Живой и грохочущий пульс…

– Шевалье.

Габриэль открыл глаза.

Он стоял на коленях у столика, согнувшись над пляшущим огоньком пламени. Сколько времени прошло?.. Женщина исчезла, будто и не приходила.

Снаружи задувал ветер, в котором угадывались десятки голосов: они нашептывали секреты, пролетая над крышами; выли, сыпля проклятиями, среди парапетов; и тихо-тихо повторяли его имя в ветвях голых черных деревьев. Габриэль мог сосчитать каждую соломинку на полу, ощущал каждый вставший дыбом волосок на теле, слышал запах старого праха, новой смерти и пыли дорог на подошвах. Каждое чувство обострилось, точно клинок, сломанный и окровавленный, который он сжимал в татуированных руках…

– Чья…

Габриэль покачал головой. Слова тянулись, как патока. Белки его глаз налились кровью. Он взглянул на фиал – тот вернулся в руки чудовища.

– Чья… это кровь?

– Моей благословенной госпожи, темной матери и бледной хозяйки, Марго Честейн, первой и последней своего имени, бессмертной императрицы волков и людей.

Холоднокровка смотрел на огонек со смесью тоски и ненависти. Из сырого угла камеры выпорхнул бледный, как череп, мотылек и заметался вокруг лампы. Фарфорово-блед-

ная рука сомкнулась, скрывая фиал из виду.

– Но до тех пор, пока я не услышу твой рассказ, ты больше ни капли ее не получишь. Так что выкладывай и представь, что говоришь с ребенком. Так, будто о тебе станут читать спустя эпохи те, кто ничего об этом месте не знает. Ибо слова, которые я переношу на пергамент, должны прожить столько же, сколько и эта бессмертная империя. Твоя история станет единственной формой бессмертия, которую ты познаешь.

Из кармана холоднокровка достал резной деревянный пенал с изображением двух волков и двух лун. Из него вынул длинное перо – черное, как и ряды перьев, окружавших его шею, – а на подлокотник кресла поставил небольшую бутылочку. Обмакнув перо в чернила, Жан-Франсуа поднял на Габриэля выжидающий взгляд темных глаз.

Ощущая вкус красного дыма на губах, Габриэль сделал глубокий вдох.

– Приступай, – сказал вампир.

Книга первая
Мертвые дни

И так, году в 651 от основания империи явилось нам знамение преужасное. Ибо хоть солнце по-прежнему вставало и заходило, свет его отныне ничего не освещал, а сияние тепла не дарило, утратив привычную яркость. И с тех самых пор, как мрачный этот знак обосновался на небе, люди стали непрерывно страдать от глада, войн и прочих несущих смерть бедствий.
Луи Беттенкур, «Полная история Элидэна»

I. О яблоках и яблонях

– Все началось с кроличьей норы, – сказал Габриэль.

Последний Угодник смотрел на трепещущее пламя лампы, словно на лица давно ушедших. В воздухе, замутняя его, все еще витали остатки красного дыма; слышно было, как горят, потрескивая на разные лады, волокна фитилька. В уме, оглашенном кровогимном, годы, разделявшие тогда и сейчас, казались минутами.

– Вспоминаю это все, – вздохнул Габриэль, – и смешно становится. Я оставил позади гору пепла высотой, наверное, до небес. Соборы в огне, города в руинах, могилы, перепол-

ненные телами праведников и мерзавцев… Но вот с чего все поистине начинается… – Он недоуменно потряс головой. – Так это с небольшой дыры в земле. Люди, конечно же, все запомнят иначе. Барды станут петь о Пророчестве, а священники – трепаться о замысле Вседержителя. Но я еще не встречал ни одного честного менестреля, холоднокровка, и ни одного священника, который не был бы дрянью.

– Ты вроде бы и сам – человек веры, Угодник, – напомнил Жан-Франсуа.

Габриэль де Леон встретил взгляд чудовища со слабой улыбкой.

– До наступления ночи оставалось еще два часа, и Бог решил поднасрать мне. Местные обрушили мост через Кефф, и пришлось тащиться на юг, к броду у Гахэха. Земля суровая, но Справедливый долж…

– Погоди, шевалье. – Маркиз Жан-Франсуа крови Честейн вскинул руку и положил перо между страниц. – Так не пойдет.

– Нет? – удивился Габриэль.

– Нет, – подтвердил вампир. – Это рассказ о том, кто ты есть. Как все это произошло. История не начинается с середины. История начинается с начала.

– Ты хочешь узнать о Граале. Рассказ о нем и начинается с кроличьей норы.

– Как я уже сказал, эта история для тех, кто станет жить спустя долгое время после того, как сам ты отправишься на

корм червям. Начинай потихоньку. – Жан-Франсуа помахал изящной рукой. – Родился… рос…

– Родился я в луже грязи под названием Лорсон. Рос сыном кузнеца. Старшим из троих детей. Ничем не выделялся.

Вампир окинул его взглядом с ног до головы.

– Мы оба знаем, что это не так.

– Что ты знаешь обо мне, холоднокровка? Собери все это в кучу, отожми воду, и получишь, сука, щепотку сведений.

Тварь по имени Жан-Франсуа изобразила легкую зевоту.

– Ну так просвети меня. Твои родители. Они были набожными людьми?

Габриэль хотел уже отчитать его, но слова так и замерли у него на губах, стоило присмотреться к книге на коленях. Холоднокровка не просто записывал за Габриэлем каждое слово, он еще и зарисовки делал: пользуясь своей противоестественной быстротой, набрасывал в миг по несколько штрихов. На глазах у Габриэля линии складывались в образ: портрет мужчины в три четверти. Измученный взгляд серых глаз. Широкие плечи и черные как ночь длинные волосы. Резко очерченная челюсть, покрытая мелкой щетиной и потеками запекшейся крови. Под правым глазом – два шрама, длинный и короткий, похожие на дорожки от слез. Это лицо Габриэль знал так же хорошо, как свое.

Ведь это и было его лицо.

– Какое сходство, – заметил он.

– *Merci*, – пробормотало чудовище.

– А ты рисуешь портреты других пиявок? Вам со временем, поди, уже и не вспомнить своих лиц, раз уж зеркало не желает мараться и отражать вас.

– Напрасная трата желчи, шевалье. Если эту водицу вообще можно назвать желчью.

Габриэль уставился на вампира, водя пальцем по губам. Кровогимн – гудящий, пульсирующий дар того, что он выкурил с трубкой, – усилил каждое чувство в тысячу раз. По его жилам струилась мощь веков.

Он ощущал ее силу, отвагу, шедшую с ней рука об руку – отвагу, что пронесла его сквозь ад Августина, через пики Шарбурга и ряды Несметного легиона. И пусть очень – нет, слишком скоро – от них не останется и следа, прямо сейчас Габриэль де Леон ощущал себя совершенно бесстрашным.

– Ты у меня еще покричишь, пиявка. Я сцежу из тебя кровь, как из хряка, а самое лучшее, что в тебе есть, забью в трубку и приберегу на потом, и покажу, чего на деле стоит ваше бессмертие. – Он пристально посмотрел в пустые глаза чудовища. – Так достаточно желчно?

Губы Жан-Франсуа изогнулись в улыбке.

– Мне говорили, что у тебя тяжелый характер.

– Занятно. А я вот о тебе вообще не слышал.

Улыбка медленно растаяла.

Чудовище заговорило далеко не сразу.

– Твой отец. Кузнец. Он был набожным человеком?

– Он был горьким пьяницей с улыбкой, под чарами кото-

рой монашки сигали из исподнего, и с кулаками, которых страшились даже ангелы.

– Это напомнило мне о яблоках и о том, как далеко они падают от яблонь.

– Не припомню, чтобы спрашивал твоего мнения о себе, холоднокровка.

Говоря дальше, чудовище оттеняло глаза на портрете Габриэля:

– Расскажи о нем. Об этом мужчине, что вырастил легенду. Как его звали?

– Рафаэль.

– Значит, звали его в честь ангела, из тех, которые страшились его кулаков?

– Уверен, это их здорово бесило.

– Вы с ним ладили?

– Да разве же отцы с сыновьями ладят? Чтобы увидеть, каким по-настоящему был тот, кто тебя растил, надо сперва самому возмужать.

– Это не про меня.

– Да, ты же не человек.

Глаза мертвой твари блеснули, когда она подняла взгляд на Угодника.

– Лесть откроет любые пути.

– Руки у тебя белые, как лилии. Локоны золотистые. – Габриэль с прищуром оглядел вампира с ног до головы. – Ты из Элидэна?

– Пусть будет так, – ответил Жан-Франсуа.

Габриэль кивнул.

– Прежде чем мы перейдем к сути дела, тебе надо кое-что знать о *ma famille* [5]: мы северяне. У вас на востоке рождаются красавчики. А в Нордлунде? Свирепые люди. Просторы моей родины мечами секут ветры с хребта Годсенд. Это необузданная, жестокая земля. До Августинского мира к нам вторгались чаще, чем к кому бы то ни было во всей империи. Ты слышал легенду о Маттео и Элейне?

– Разумеется. – Жан-Франсуа кивнул. – Сказание о принце-воине с севера, который женился на королеве Элидэна еще до становления империи. Говорят, Маттео любил свою Элейну со страстью четверых обычных мужей, а когда они умерли, Господь превратил их в звезды и вознес на небосвод, дабы они могли вечно быть вместе.

– Это одна версия легенды, – улыбнулся Габриэль. – Маттео и правда страстно любил свою Элейну, вот только мы в Нордлунде рассказываем о них иначе. Видишь ли, Элейна своей красой славилась на все пять королевств, и от каждого из соседних четырех престолов просить ее руки прибыло по принцу. В первый день принц из Тальгоста преподнес ей табун величественных тундровых пони: умных, словно кошки, и белых, как снега его родины. На второй – принц Зюдхейма преподнес Элейне корону из мерцающего златостекла, которое добывали в недрах гор его отчизны. На третий –

---

[5] Моя семья *(фр.)*.

принц Оссвея предложил ей корабль из бесценной древесины любоцвета, дабы увезти ее за Вечное море. А вот принц Маттео был беден. Уже когда он родился, на его земли совершали набеги и Тальгост, и Зюдхейм, и Оссвей. Ни пони, ни златостекла, ни любооцвета подарить он не мог. И тогда он поклялся Элейне любить ее со страстью четырех обычных мужей, а в доказательство он встал у ее трона и, обещая свое сердце, возложил к ее ногам сердца остальных соискателей. Принцев, грабивших его родные земли. Всего получалось четыре сердца.

Вампир фыркнул:

– Хочешь сказать, что все северяне – кровожадные безумцы?

– Хочу сказать, что мы подвержены страстям, – ответил Габриэль. – И дурным, и прекрасным. Тебе следует помнить об этом, если хочешь узнать *ma famille*. Наши сердца говорят громче наших умов.

– Так что там с твоим отцом? – напомнил Жан-Франсуа. – Он тоже был подвержен страстям?

– *Oui*, но только дурным. Он был болен, насквозь.

Угодник-среброносец подался вперед и упер локти в колени. Тишину в камере нарушало только шуршание пера, с которым холоднокровка рисовал его портрет, да шепотки ветров.

– Он был ниже меня, зато сложением напоминал кирпичную стену. Три года служил разведчиком в армии Филиппа

Четвертого, пока старый император не умер, а во время кампании в горах Оссвея попал под лавину и сломал ногу. Кость так и не срослась как надо, вот он и подался в кузнецы. А работая в крепости местного барона, повстречал мою маму. Красавицу с волосами цвета воронова крыла, статную и горделивую. Он невольно влюбился в нее. Да и кто бы устоял? Дочь самого барона. *La demoiselle* де Леон.

– Так де Леон – фамилия твоей матери? Мне казалось, у вашего вида фамилии наследуются по отцовской линии, а женщины свои, выходя замуж, забывают.

– Родители зачали меня, не обвенчавшись.

Вампир прикрыл рот острыми пальцами.

– Какой скандал.

– Определенно, дед думал так же. Стоило животу начать расти, и он потребовал избавиться от меня, но мамá отказалась. Тогда дед прогнал ее, сопроводив всеми проклятиями, какие только измыслил. Однако мама была тверда, как скала. Ни перед кем не склонялась.

– Как ее звали?

– Ауриэль.

– Красивое имя.

– Как и она сама. Ее красота не потускнела даже в такой помойке, как Лорсон. Мама и папá поселились там, не имея ни гроша за душой. Я появился на свет в местной церквушке, потому что у их хижины еще не было крыши. Спустя год родилась Амели, а потом и моя самая младшая сестричка, Се-

лин. К тому времени мама с папа уже обвенчались, поэтому сестренки получили отцовскую фамилию, Кастия. Я спросил у папá, нельзя ли и мне ее взять, но он отказал. Тут бы мне призадуматься… К тому же обращался он со мной…

Глядя в пустоту, Габриэль провел пальцем по тонкому шраму на челюсти.

– Ты про те кулаки, которых страшились ангелы? – пробормотал Жан-Франсуа.

Габриэль кивнул.

– Говорю же, Рафаэль Кастия был подвержен страстям, и эти страсти управляли им. Мама была женщиной набожной и растила нас в Единой вере, благословенной любви Вседержителя и Девы-Матери. Но папина любовь была иного рода.

Отца поразил недуг. Теперь-то мне ясно: войне он посвятил всего три года, но она не оставляла его до конца жизни. Не попадалось ему такой бутыли, которую он не осушил бы махом. Или хорошенькой девицы, мимо которой он прошел бы. Правду сказать, его невоздержанности мы радовались: отправляясь на охоту за юбками, папа на день-другой исчезал из дому. Но уж если напивался дома… Мы словно жили на бочке черного игниса, пороха. Хватало одной искры.

Как-то ему показалось, что я наколол мало дров, и он сломал топорище о мою спину. А когда я забыл натаскать воды из колодца, пересчитал мне ребра. Маму, Амели и Селин он не тронул ни разу, зато я с лихвой познал его кулачищи. И думал, будто это он меня так любит.

Потом, наутро мама́ ярилась на папа́, а он заводил старую песню: клялся Богом и всеми Его семерыми мучениками, что изменится, непременно изменится. Зарекался пить, и какое-то время мы жили счастливо. Папа брал меня на охоту, рыбалку, обучал фехтованию, в котором поднаторел на службе, и слушать природу. Разводить костер из сырого топлива. Бесшумно ходить по сухим листьям. Ставить ловушки, которые не убьют добычу. А самое главное – он открыл мне тайны льда. Тайны снега: как он падает, как лишает жизни. Похлопывая себя по сломанной ноге, папа рассказывал все про метель, снежную слепоту, лавины. Как спать под звездами в горах. Он учил меня так, как мог учить только отец.

Но длилось это недолго.

– Не война делает из тебя убийцу, – сказал он как-то. – Она – лишь ключ, отпирающий замо́к. В крови у всякого живет зверь, Габриэль. Можешь морить его голодом, запереть в клетке, но в конце концов отдашь ему причитающееся или он сам все возьмет.

Помню, как на свои восьмые именины сидел за столом, а мама смывала кровь у меня с лица. Она меня обожала, моя мама, несмотря на то, чего мое рождение ей стоило. Я чувствовал это так же верно, как тепло солнца на коже. И я спросил: «Раз ты меня так любишь, то отчего папа так ненавидит?» Тогда мама посмотрела мне в глаза и очень глубоко и тяжело вздохнула:

– Ты выглядишь в точности как он. Боже, помоги мне, ты

весь в него, Габриэль.

Последний Угодник вытянул ноги и взглянул на рисунок вампира.

– Забавно, ведь папа был широк в плечах и коренаст, а я уже тогда вымахал дылдой. У него кожа была смуглой, а у меня – призрачно-бледной. Губы и серые глаза у меня от мамы, но вот от папá мне ничего не перепало.

Потом мама сняла с пальца перстень – единственную драгоценность, которую прихватила из отцовского дома. Серебряную печатку, украшенную родовым гербом де Леон: два льва по бокам от щита и два скрещенных меча. Мама надела мне ее на палец и крепко сжала мне руку. «В твоих жилах течет львиная кровь, – сказала она. – И лучше день прожить львом, чем десять тысяч – агнцем. Не забывай, что ты – мой сын. Но в тебе живет голод, остерегайся его, мой милый Габриэль. Не то он проглотит тебя целиком».

– Послушать, так она грозная женщина, – заметил Жан-Франсуа.

– Так и было. По грязным улочкам Лорсона она шествовала, точно высокородная дама – по золоченым коридорам императорского дворца. И пусть я был незаконнорожденным, свое имя она велела мне носить как корону. Отвечать чистым ядом, если вдруг скажут, будто у меня на него нет права. Моя мама знала себе цену, и в этом есть пугающая сила – когда точно знаешь, кто ты есть и на что способен. Думаю, большинство назвало бы это высокомерием, но так ведь

большинство – это дурачье засратое.

– Ваши священники не проповедуют с кафедр о благодати смирения? – спросил Жан-Франсуа. – Не обещают, что кроткие унаследуют эту землю?

– Я тридцать пять лет прожил под именем, данным мне матерью, холоднокровка, и еще ни разу не видел, чтобы кроткий унаследовал хоть что-то, кроме объедков со стола сильного.

Габриэль взглянул на горы за окном. Тьма опускалась на землю, точно грешник – на колени, и в ней невозбранно гуляли страшилища. Крохотные искорки человечества трепетали, точно свечи на голодном ветру, – и вскоре им предстояло угаснуть совсем.

– Да и потом, кому, нахер, сдалась такая земля?

II. Начало конца

В комнату мягкой поступью прокралась тишина. Габриэль пялился в пустоту, затерявшись в мыслях и воспоминаниях о хоре и пении серебряных колоколов, о черных одеждах, под которыми скрывались плавные изгибы бледного тела, пока постукивание пера по бумаге не вернуло его на землю.

– Возможно, нам стоит начать с мертводня, – сказало чудовище. – Ты, наверное, был еще совсем ребенком, когда тень только скрыла солнце.

– *Oui*. Всего лишь ребенком.

– Расскажи.

Габриэль пожал плечами.

– День был самый обычный. За несколько ночей до него, помню, я проснулся от дрожи земли, будто она сама ворочалась во сне, но роковой день ничем не выделялся. Я работал в кузнице с папá, когда это началось: небо мелассой затянула тень, яркая голубизна сменилась серой хмарью, солнце стало угольно-черным. Воздух остывал, а на площади – поглядеть, как меркнет дневной свет, – собралась вся деревня. Мы, разумеется, испугались, будто это ведьмовская порча, магия фей. Дьявольщина. Надеялись, что это пройдет, как и прочие напасти.

Шли недели и месяцы, а тьма все не отступала. Представляешь, какой тогда воцарился ужас. Поначалу мы мно-

го имен ей придумали: Почернение, Пелена, Первое откровение… Но звездочеты и алхимики при дворе императора Александра Третьего назвали ее «мертводнем», и в конце концов мы подхватили это имя. Во время мессы отец Луи проповедовал с кафедры: вера во Вседержителя – все, что нам нужно, с ней мы не пропадем. Однако трудно уверовать в свет Вседержителя, когда солнце сияет не ярче догорающей свечи, а весна холодна, как зимосерд.

– Сколько тебе тогда было?

– Полных восемь лет. Почти девять.

– И когда ты понял, что наш род стал свободно ходить посреди дня?

– Впервые порченого я увидел в тринадцать.

Историк склонил голову набок.

– Мы предпочитаем термин «грязнокровка».

– Прошу простить, вампир, – улыбнулся угодник-сребронос. – Неужели я хоть чем-то намекнул, что мне есть хоть малейшее дело до ваших поганых предпочтений?

Жан-Франсуа молча смотрел на Габриэля, а того снова поразила мысль, что историк высечен из мрамора, а не создан из плоти. Он ощущал темную ауру вампирской воли; перед ним сидело чудовище в облике прекрасного чувственного юноши, но ужасная правда и опасная иллюзия никак не увязывались вместе. В самом дальнем и темном уголке разума Габриэля теплилось понимание того, как легко эти твари могут ранить его, быстро показав, кто же тут на самом деле

хозяин.

Однако это не работает с теми, кого уже всего лишили.

Человек, не имеющий ничего, ничего и не теряет.

– Тебе было тринадцать лет, – напомнил Жан-Франсуа.

– Когда я впервые увидел порченого, – кивнул Габриэль.

С начала мертводня прошло пять лет. Даже ярчайшее солнце напоминало темное пятнышко за поволокой в небе. Отныне снег падал не белый, а темный, и пах он серой. По земле косой прошелся голод, и вместе с холодами он унес в те годы половину деревни. Уже тогда я повидал трупов больше, чем мог сосчитать. В полдень было хмуро, как в сумерки, а сумерки были темны, как полночь, ели мы одни грибы да сраную картошку, и никто – ни священники, ни алхимики, ни юродивые в лужах дерьма – не мог сказать, долго ли это продлится. Отец Луи всё проповедовал, дескать, Бог испытывает нашу веру, а мы, дураки, ему верили.

Но вот пропали Амели и Жюльет.

Габриэль на секунду умолк, погрузившись во тьму внутри себя. В голове звучали отголоски смеха; перед мысленным взором мелькнула милая улыбка и длинные черные волосы да серые, как у него самого, глаза.

– Амели? – переспросил Жан-Франсуа. – Жюльет?

– Амели была средним ребенком в нашей семье, Селин – младшим, я – старшим.

Я любил сестер и дорожил ими, как и моей милой мамá. С Амели нас роднили черные волосы и бледная кожа, но по

характеру мы были далеки друг от друга, словно рассвет и закат. Она, бывало, облизнет большой палец и погладит им морщинку у меня между бровей, прося не хмуриться так сильно. Порой она танцевала под музыку у себя в голове и по вечерам, когда мы с Селин укладывались спать, рассказывала сказки. Ами больше всего любила страшные: о злобных феях, темном колдовстве и обреченных принцессах.

Семья Жюльет жила по соседству. Жюльет было двенадцать, как и Амели, а когда они встречались, то задирали меня до бешенства. Но однажды, когда мы с Жюльет собирали в лесу шампиньоны, я ударился пальцем ноги и всуе помянул имя Всевышнего. Жюльет пригрозила: не поцелуешь-де, расскажу о твоем богохульстве отцу Луи.

Я сразу в отказ: тогда еще девчонки меня пугали – но отец Луи каждый *prièdi* [6] вещал нам с кафедры о преисподней и вечном проклятье, так что небольшой поцелуй показался мне предпочтительней наказания, ожидавшего меня, если бы Жюльет наябедничала.

Она была выше меня, и пришлось встать на цыпочки. Я сперва запутался в волосах, но наконец приник к ее губам. Они были теплые, точно свет потерянного солнца, и нежные, как ее вздох. Жюльет потом сказала, что мне стоит богохульствовать чаще. Я тогда впервые поцеловался, холоднокровка. Украдкой, под сенью умирающих деревьев, из страха перед гневом Вседержителя.

---

[6] День молебна *(фр.)*.

Девочки пропали в конце лета. Ушли за лисичками и не вернулись. Мы поначалу не удивились, ведь Амели частенько опаздывала, против обещаний. А мама наказывала ей: смотри, мол, пропляшешь всю жизнь, витая в облаках. На это сестра отвечала: «Зато там, наверху, я вижу солнце». Однако сгустились сумерки, и мы заподозрили неладное.

Я отправился на поиски вместе с другими селянами. Моя сестренка Селин тоже пошла… уже в одиннадцать она была яростной львицей, и никто не смел ей отказать. Спустя неделю папа сорвал голос от криков. Мама не могла ни есть, ни спать. Тела мы так и не нашли, но спустя десять дней они нашли нас сами.

Габриэль провел пальцем вдоль века, ощущая подушечкой каждую ресничку. Холодный ветер трепал упавшие на плечи длинные волосы.

– Мы с Селин подкидывали топлива в горнило, и тут вернулись Амели с Жюльет. Холоднокровка, что убил их, бросил тела в топь, и платья на девочках сочились грязной водой. Обе стояли на улице, взявшись за руки, у нашего дома. Глаза у Жюльет сделались мертвенно-белыми, а губы, которые были теплы, точно солнце, почернели и приоткрылись в улыбке, обнажив мелкие острые зубы. Мать Жюльет выбежала из дому, рыдая от радости. Она обняла свою девочку, восхваляя Господа и семерых Его мучеников за то, что вернули ей дочурку. А Жюльет у всех на глазах взяла и вырвала ей глотку. Просто… впилась, нахер, зубами и сгрызла, точ-

но спелый плод. Амели тоже припала к телу женщины, стала рвать ее руками и шипеть не своим голосом. – Габриэль тяжело сглотнул. – Никогда не забуду звуков, с которыми она пила кровь.

После того, что произошло дальше, мужики в деревне пили за мою доблесть. Хотел бы и я сказать, будто отважно смотрел, как сестра умывается в темно-красном ручье, но сейчас, вспоминая тот день, понимаю, отчего не сдвинулся с места, когда Селин с воплями бросилась прочь.

– Любовь? – спросил холоднокровка.

Последний Угодник покачал головой, зачарованно глядя на огонек лампы.

– Ненависть, – сказал он наконец. – Ненависть к тварям, в которых превратились моя сестра и Жюльет. К чудовищу, сотворившему с ними такое. Но главное – к тому, что именно такими я девочек и запомню. В памяти останутся не поцелуй украдкой под сенью умирающих деревьев, не сказки Амели на ночь, а то, как девочки стоят на четвереньках, слизывая кровь с земли, словно оголодавшие собаки. В тот момент я испытывал только ненависть, придавшую мне сил. Тем холодным днем она укоренилась во мне и, правду сказать, до сих пор не прошла.

Жан-Франсуа взглянул на мотылька, тщетно бившегося о плафон светильника.

– Излишняя ненависть сжигает человека дотла, шевалье.

– *Oui*. Зато хоть не замерзнешь.

Последний Угодник стрельнул взглядом по татуированным пальцам и сжал кулаки.

– Сестру я бы не тронул, потому что любил ее даже тогда. Поэтому, схватив топор, рубанул им по шее Жюльет.

Удар получился точным, но мне тогда было всего тринадцать, а ведь и взрослый не враз снесет башку человеку. Что уж говорить о башке холоднокровки. Тварь, в которую обратилась Жюльет, рухнула в грязь, цепляясь за торчащий из тела топор. Амели же вскинула голову, роняя кровавую слюну. Я посмотрел ей в глаза – все равно что в лицо преисподней взглянул: я не видел ни огня, ни серы, которыми стращал нас отец Луи. Только… пустоту.

Сраное ничто.

Сестра открыла рот, сверкая длинными, похожими на кинжалы зубами, а потом эта девочка, которая рассказывала мне сказки на ночь и танцевала под музыку у себя в голове, поднялась и ударила меня.

Господи, как она была сильна. Я, правда, ничего не понял, пока не рухнул в грязь. Но вот Амели уселась мне на грудь: ее дыхание разило гнилью и свежей кровью, а когда ее клыки коснулись моего горла, я приготовился умереть. Однако, глядя в ее пустые глаза, испытывая ненависть и страх, я хотел этого.

Ждал.

И тут во мне что-то пробудилось, словно медведь от зимней спячки. И стоило моей сестре распахнуть гнилую пасть,

как я схватил ее за горло. Боже, она была сильна настолько, что раздробила бы кость, но я сумел отстраниться. А когда она ударила меня по лицу окровавленной ладонью, я ощутил жар в руке: от плеча до кончиков пальцев; от него покалывало во всем теле. Это нечто – темное – вылезло из глубины, и Амели с воплем, от которого у меня внутри похолодело, отшатнулась, схватилась за пузырящуюся рану на шее: кожа исходила красным дымом, будто кипела кровь.

Тварь верещала, обливаясь красными слезами, но к тому времени на крик Селин сбежалась вся деревня. Крепкие мужики схватили Амели и отшвырнули ее, а потом олдермен факелом подпалил на ней платье: моя сестра превратилась в пылающий рождественский костер. Жюльет так и корчилась на земле: из ее витых локонов торчал мой топор, – но вот и ее подожгли. Горя, она издавала такие звуки… Боже… в ней кричала нечисть. Я же сидел в грязи, прижимая к себе Селин, и мы смотрели, как наша сестра крутится и вертится живым факелом в жутком последнем танце. Отец держал мать, чтобы та не бросилась в пламя: мама кричала еще громче Амели.

Меня осмотрели раз десять, но на шее и царапинки не осталось. Селин крепко взяла меня за руку, спросила, цел ли я. Я же ловил на себе косые взгляды: люди не понимали, как мне удалось уцелеть, но отец Луи объявил это чудом. Заявил, что Господь спас меня для великих свершений.

Однако девочек погрести эта сволочь отказалась: они,

мол, умерли без исповеди. Тогда их останки отнесли на распутье и разбросали, чтобы больше не нашли обратной дороги. Могила моей сестры навеки осталась пустой, на неосвященной земле, а ее душа была проклята навеки. Сколько бы Луи ни восхвалял меня, за это я его ненавидел.

Меня еще несколько дней преследовал запах пепла Амели. Годами она мне снилась, а порой с ней приходила Жюльет, и тогда обе сидели на мне и целовали всюду черными-пречерными губами. Я понятия не имел, что тогда со мной произошло или как, во имя Господа, я выжил, но ясно было одно.

– Вампиры существуют, – подсказал Жан-Франсуа.

– Нет. Я думаю, что в глубине души, холоднокровка, мы и так в это верили. О, напудренные владыки Августина, Косте и Ашеве сочли бы нас суеверными, но в Лорсоне у костров всегда рассказывали о вампирах. О закатных плясунах, феях и прочей бесовщине. В нордлундских провинциях чудовища были столь же реальны, как Господь и Его ангелы.

Но когда Амели и Жюльет вернулись домой, колокола в часовне били полдень, однако же дневной свет им не помешал. Мы все знали о погибели нежити, оружии, защищавшем нас: огонь, серебро, но главное – солнечный свет.

Габриэль помолчал, задумавшись, и взгляд его серых глаз затуманился.

– Мертводень, вот в чем дело. Даже спустя годы ни один угодник-среброносец в монастыре Сан-Мишон не мог объ-

яснить, откуда он взялся. Настоятель Халид сказал, будто на востоке за морем упала большая звезда, и дым от пожаров поднялся так высоко и так густо, что вычернил солнце. Мастер Серорук сказал, что на небе прошла еще война, и Бог с ненавистью сбросил вниз мятежных ангелов, и земля от удара взметнулась и покровом повисла между адом и Его царствием. Но на самом деле никто не знал, почему пелена скрыла небо. Да и сейчас, поди, не знает.

Жители нашей деревни понимали только, что дни уподобились ночи, дети которой отныне вольно бродили по земле средь переставшего быть белым дня. И вот, стоя у распутья, где развеяли пепел моей сестры, держа за руку Селин и слушая, сука, вопли матери, я все осознал. Отчасти это понимали и остальные.

– Что? – спросил Жан-Франсуа.

– Это было начало конца.

– Утешься, шевалье, все имеет свой конец.

Габриэль поднял взгляд и посмотрел ему в блестящие кроваво-красные глаза.

– *Oui*, вампир. Все.

III. Цвет желания

– Что было дальше? – спросил Жан-Франсуа.

Габриэль глубоко вздохнул.

– После смерти сестры мама так и не оправилась.

Родители больше ни разу не целовались. Как будто призрак Амели убил все, что между ними еще было. Скорбь сменилась упреками, а упреки – ненавистью. Я как мог присматривал за Селин, но та росла хулиганкой: вечно искала неприятности на свою голову, а не найдя их, учиняла сама. Печаль оставила в маминой душе шрамы, опустошила ее и наполнила яростью. Папа искал утешения в бутылке, а его кулаки сделались как никогда тяжелы. Разбитые губы, сломанные пальцы…

Нет горя глубже того, которое постигло тебя самого. Ночей темнее тех, которые прошли в одиночестве. Но к любому грузу можно привыкнуть. Шрамы уплотняются, становясь твоим панцирем. Во мне что-то зрело, точно зернышко в холодной земле. Я-то думал, будто просто мужаю… Знал бы, сука, чем становлюсь на самом деле.

Однако я рос. Здорово вымахал, а работая в кузнице, сам закалился как сталь. Девки засматривались на меня, шептались у меня за спиной. Что-то во мне влекло их, но что? Я научился превращать их шепот в улыбки, а те – в нечто более милое. Больше не приходилось целоваться украдкой: поце-

луи мне теперь дарили.

Когда пришла моя пятнадцатая зима, я стал встречаться с девушкой по имени Ильза, дочерью олдермена и племянницей самого отца Луи. Оказалось, когда надо, я становлюсь тем еще пронырой, могу влезть посреди ночи в дом к деревенскому голове: я взбирался на умирающий дуб под окном Ильзы и шепотом просил впустить меня. Неопытные, мы жадно целовали друг друга, предаваясь суетливым ласкам, от которых у юноши закипает кровь.

Мама не одобряла. Мы с ней нечасто ссорились, но – Боже Всемогущий! – когда речь заходила об Ильзе, от наших криков, сука, небеса дрожали. Раз за разом мама предостерегала, чтобы я держался от этой девки подальше. Однажды вечером мы сидели за столом: папа тихо топил горе в бутылке водки, Селин ковыряла ложкой картофельное рагу, а мы с мама ругались. Снова она предупреждала о голоде у меня внутри. Чтобы я стерегся его, как бы он не поглотил меня целиком.

Страхи родителей, будто я повторю их ошибки, осточертели. Потеряв терпение, я указал на папá и яростно выкрикнул: «Я – не он! Во мне от него нет ни капли!»

Тогда папа посмотрел на меня и – некогда такой красивый, а теперь опухший и размякший от пьянства, – промямлил:

– Ну еще бы, дьявол подери, мелкий ты ублюдок.

– Рафаэль! – вскричала мама. – Не говори так!

Тогда отец перевел взгляд на нее и скривился в горькой

ехидной улыбке. На том бы все и кончилось, но лев внутри меня, рассвирепев, не захотел оставить его слова без ответа.

– И слава Богу, что ублюдок. Уж лучше вообще без отца, чем с таким никчемным, как ты.

– Это я-то никчемный? – вставая на ноги, прорычал папа. – Знал бы ты, чего я стою, сопляк. Пятнадцать лет я безропотно терпел и растил тебя, приблудного.

– Если я от греха, то грех этот – твой. То, что ты имел глупость обрюхатить девушку вне брака, еще не значит…

Договорить я не успел: папа ударил быстро, как и сотни раз до этого. Мама закричала, но в ту ночь кулак цели не достиг. Я перехватил его у самого лица. Папа был ниже ростом, но вот ручища у него была толстенная, что жена пекаря. Он бы прихлопнул меня, как муху, но я оттолкнул его. В голове застучало. И когда папа, уставившись на меня от удивления, треснулся башкой об очаг, мне застило глаза: он рассадил кожу на голове и рухнул, а на полу стало расползаться ярко-красное лоснящееся пятно.

Кровь.

Казалось бы, что такого? Я и прежде видел кровь: размазанную по сломанным пальцам и опухшему лицу. Просто раньше не замечал, какого она яркого цвета, не слышал пьянящего запаха: соль, железо и аромат цветов, – и все эти ощущения переплелись с гимном грохочущего сердца. В горле пересохло, язык стал как старая кожа, в животе от голода будто разверзлась пропасть. Я протянул к расползающемуся

пятну дрожащую руку.

– Габи? – шепнула Селин.

– Габриэль! – закричала мама.

И будто чары, что рушатся с пением петуха, все прошло: боль, сухость, жажда. У меня дрожали ноги; я посмотрел мама в глаза. Увидел по взгляду, что у нее есть некий секрет. Ужасное бремя, становившееся от года к году тяжелее.

– Что со мной, мама?

Она лишь покачала головой и опустилась на колени возле папа.

– В тебе это есть, Габриэль. Я надеялась… молила Бога, чтобы сие миновало.

– Да что во мне такого?

Она молча смотрела на тени на полу.

– Мама, скажи! Помоги мне!

Она подняла взгляд – эта львица, что взрастила меня, научив носить свое имя как корону, – и тогда я увидел в ее глазах отчаяние матери, которая на все пойдет, лишь бы защитить детеныша. Но тогда у нее был только один выход.

– Я не могу, милый. Но, пожалуй, знаю того, кто сумеет.

Я понятия не имел, о чем еще просить. Не знал, какого искать ответа. Больше мама со мной не говорила, а Селин стала плакать. Я присматривал за сестренкой, как и прежде, но с той ночи все изменилось. Я пытался поговорить с папа – Боже милостивый! – и даже попросил прощения, но он в мою сторону и не взглянул. Я наблюдал за его работой: вот

он стучит по наковальне, сжимая в кулаке молот. Его руки воплощали величие и ужас. Я вспоминал, как они, большие и теплые, сжимали мои маленькие ребяческие кулачки; как папа учил меня ставить силки и махать мечом; как он осыпал меня градом ударов. Мой папа умел создавать и ломать, и возможно, среди сломанных им вещей был и я.

Утешение я находил только в объятиях Ильзы и сбегал к ней, когда мог. Взбирался по дереву и стучался в окно, встречаясь с ней там, где слова не имели значения. Нас растили в Единой вере, и над нами витал призрак греха. Но когда парень и девушка желают друг друга, то и Господь не встанет между ними. Ни у какого писания, монарха или закона на этой земле нет силы их разлучить.

Как-то ночью мы подошли особенно близко к грани. Мы горели: Ильза отбросила сорочку, а я расшнуровал брюки; она целовала меня до боли в губах. Голова кружилась, когда наши нагие тела соприкасались, а желание взять ее росло во мне жаждой. Я изнывал, слыша запах ее вожделения. Мои пальцы запутались в ее длинных каштановых волосах, а она просунула свой юркий язычок мне в рот.

– Ты меня любишь? – прошептал я.

– Люблю, – ответила она.

– Хочешь меня?

– Хочу, – выдохнула она.

Мы упали на кровать. Ильза дышала часто-часто; ничего, кроме меня, больше не видела.

– Нельзя, Габриэль. Нам нельзя.

– Это не грех, – умолял я ее, целуя в шею. – Мое сердце принадлежит только тебе.

– А мое – тебе, – прошептала она. – Но у меня лунное кровотечение, Габриэль. Надо подождать.

В животе у меня затрепетало. Она еще что-то говорила, но слышал я только про кровь и тогда же все понял: дело в запахе, дело в желании – это оно сейчас кипело во мне.

Я бы не смог ничего объяснить, да и не думал о причинах. Мои губы скользили все ниже по гладким холмам и долинам ее тела, лаская изгибы; кончиками пальцев я ощущал, как колотится ее сердце. Она задрожала, стоило мне языком очертить ее пупок, и вяло зашептала возражения, а сама раздвинула ноги и запустила мне пальцы в волосы. Я же уткнулся лицом между ее бедер, ощутил ее трепет. В тот момент я был пятнадцатилетним юнцом, тревожным, как молодой барашек, желающим только служить и угождать. Но остальную, большую часть меня переполнял голод, темнее которого я еще не знал.

Ильза зажала себе рот ладонью, сомкнула бедра у меня на голове. А я, запустив язык внутрь нее, ощутил наконец ее вкус, и он – о Боже! – чуть не свел меня с ума. Соль и железо. Осень и ржа. Он омывал мой язык, давая ответы на все вопросы, которые я хотел бы задать. Ведь ответ был неизменен.

Он всегда был один.

Кровь.

Кровь.

Я и не знал, что можно ощущать себя настолько полным. Я познал покой, о котором не ведал. Я ощущал девушку, которая извивалась на простынях, шепча мое имя, и, хотя мгновение назад говорил, будто все мое сердце – ее, без остатка, сейчас она стала для меня лишь тем, что могла мне дать, сокровищем, запертым за дверьми этого нежного храма и взывающим ко мне без слов. У меня зачесались десны и, проведя по зубам языком, я заметил: они стали острыми, как ножи. Я слышал биение крови в бедрах Ильзы, крепко сжимающих мою голову. Повернулся, и она зашептала возражения. Тогда – Господи, спаси! – я впился в нее зубами. Она выгнула спину, напрягла все мышцы и, запрокинув голову и еще крепче вжимая меня в себя, пыталась не закричать.

Тогда же я познал цвет желания. Цвет был красный.

«Что я такое? Что я творю? Что, во имя Господа, со мной происходит?» Казалось, вот какие мысли должны были роиться у меня в мозгу. Их задал бы себе любой разумный человек, но для меня не осталось ничего. Ничего, кроме моих губ, прижатых к коже Ильзы, и истекающей мне в рот прокушенной вены. Я пил с жадностью путника в тысячелетних пустынных песках. Пил так, будто наступил конец света, и спасти мир, меня, всех нас от ожидающего во тьме грандиозного финала мог лишь очередной глоток. Я не мог остановиться. Да и не хотел.

– Стой…

Шепот Ильзы пробился через нескончаемый гимн у меня в голове, сквозь хор наших соединившихся сердец: ее уже почти не билось, теряя силы и слабея, а мое стучало как никогда горячо. Но все же часть меня, любившая эту девушку, сообразила, что творит другая. Я наконец отнял рот от вены и дрожащим от ужаса голосом вскрикнул:

– Боже!

Кровь. На простынях. На ее бедрах и у меня во рту. Чары моего поцелуя развеялись, охватившее Ильзу темное желание прошло, и она увидела, что я наделал. Ее животная часть взяла верх, и я лишь успел вскинуть руки, прося ее быть потише, но с посиневших губ уже сорвался визг. Это был визг девочки, которая поняла: под кроватью чудовища нет. Чудовище уже в кровати, с ней.

Раздались торопливые шаги, приглушенное проклятие. Ильза снова закричала, в ее глазах застыл чистый страх, который передался мне; внутри все похолодело. Это был ужас мальчика, причинившего вред любимой; мальчика в кровати девушки, отец которой уже мчится к ее спальне; мальчика, что проснулся от кошмара и понял: кошмар – это он сам.

Дверь распахнулась. На пороге стоял олдермен: в ночной рубашке, с кинжалом в руке. Глядя, как я, перемазанный кровью, вылезаю из кровати, он заорал: «Боже Всемогущий!» Ильза вопила, и олдермен с ревом взмахнул клинком. Лезвие прочертило огненную полосу у меня на спине, но ловить меня было поздно: охнув от боли, я с быстротой, от ко-

торой все кругом расплывалось, сиганул в окно, во тьму.

Босиком приземлился в грязь. Спотыкаясь, на ходу стал натягивать липкими от крови руками штаны. Деревня проснулась; крики Ильзы звонко разносились над грязной площадью, и во тьме полыхнула огненная цепочка – часовые бежали ко мне с факелами.

Я растерялся. Бежал Бог знает куда, и при этом, к собственному удивлению и ужасу, видел, как оживает, становясь ярче и прекраснее дня, ночь. Ноги у меня были будто стальные, сердце громыхало грозой, и я поистине ощущал себя львом. Во мне кипели жизнь и страх, но в голове уже прояснилось, и я подумал: что со мной творится? Что я сам натворил? Неужели мне как-то передалась доля проклятия Амели? Или же я – нечто совершенно иное?

Пошел снег, зазвенели церковные колокола, и я устремился к единственному прибежищу. Другого я просто не знал. К кому бежит детеныш, если его за пятки кусают волки? Кого зовет солдат, когда он истекает кровью в поле?

– Мать, – ответил Жан-Франсуа.

– Мать. – Габриэль кивнул.

В ту ночь, когда я оглушил папа, когда ко мне впервые воззвала кровь, мама пыталась что-то мне сказать. И вот я ворвался в нашу хижину, окликнул ее. Мама встала с постели, а сестренка в ужасе уставилась круглыми глазами на мои окровавленные руки и лицо. Папа зарычал: «О Боже, что ты натворил, сопляк?» Селин зашептала молитву, но мама об-

няла меня и сказала: «Не бойся, милый. Все будет хорошо».

В дверь заколотили тяжелые кулаки. Раздались гневные голоса. Мама и папа переглянулись, но папа не пошевелил и мускулом. Тогда моя львица, плотно сжав губы, накинула на плечи шаль и, взяв меня за руку, повела назад, на холод.

Нас встретило полдеревни. Пришли кто с фонарями, кто с факелом, а кто с иконой Спасителя. Среди селян был олдермен; отец Луи тоже пришел: в руках он, словно меч, сжимал Заветы. Вскинув священную книгу, он ткнул ею в мою сторону и хриплым от праведной ярости, с которой проклинал еще мою сестру, голосом выкрикнул:

– Мерзость!

Мама попыталась что-то возразить, но ее голос потонул в поднявшемся гвалте. Коваль схватил меня за руку, но в моих жилах еще гудела – горячо и звонко – украденная кровь, и я отбросил его, словно соломинку. Навалилось еще несколько человек, но я отбросил и их: кости трещали, плоть рвалась… Но вот на меня накинулись всей гурьбой под вопли священника:

– Валите его! Во имя Господа!

– Он один из них! – прокричал кто-то.

– Пропал, как и его сестра! – взревел другой.

Мама кричала, Селин сыпала проклятиями, и где-то посреди свалки я услышал рев отца, мол, это же мальчик, всего лишь мальчик. Меня, окровавленного и почти без чувств, подняли на ноги. Тогда я вспомнил Амели, как она горела,

кружась и вопя. Может, и меня ждала эта же участь? Я заглянул в глаза отцу Луи, этой сволочи, отказавшей моей сестре в панихиде. Не удержался и с ненавистью бросил:

– Сраный безбожный трус! Молюсь, чтобы ты подох с воплями.

Грянул выстрел колесцового пистолета, и у меня зазвенело в ушах. Толпа застыла, обернувшись к двум всадникам, неспешно ехавшим по раскисшей дороге.

Они восседали на бледных жеребцах, точно ангелы смерти со страниц Заветов. Впереди ехал тощий малый: худой, что твое пугало, в пальто из плотной черной кожи. На лоб он надвинул треуголку, а зашнурованный поднятый воротник закрывал и рот, и нос; в получившуюся щель проглядывали только пряди сухих соломенных волос и глаза. Таких бледно-зеленых радужек я еще не видел; зато белки налились кровью и казались красными. Поперек спины крепкого тундрового пони лежал мешок, а то, что было в нем, очертаниями напоминало человека. На плече у всадника сидел сокол: серые перья птицы лоснились, глаза золотисто поблескивали.

Второй ездок выглядел моложе, шире в плечах, но его лица я тоже почти не видел. Одежда на нем была такая же, что и на первом всаднике, а на поясе висели ножны с длинным клинком. Взглядом льдисто-голубых глаз из-под низко надвинутой треуголки он окинул толпу.

Снег валил уже гуще, холод впивался мне в голую кожу.

Жирные хлопья отражали свет охотничьих фонариков, подвешенных к седлам незнакомцев. Я заметил, что на груди у обоих всадников сверкали вышитые серебром семиконечные звезды.

Папа снял со стены старый меч, а мама стояла, затаив дыхание, с растрепанной косой. Селин, моя маленькая чертовка, сжала кулачки и вышла вперед, защитить старшего брата от чужаков на пони, которые медленно приближались к нашему дому. Важность момента ощутили все. Я наблюдал за странными пришельцами, отметив про себя, какие у них славные скакуны, какой четкий крой пальто и что звезды у них на груди вышиты вовсе не нитью, а самым настоящим серебром. Тот, что ехал первым, убрал пистолет за пазуху и, перекрикивая пение моего пульса, назвался:

– Я – брат Серорук, угодник-среброносец Сан-Мишона.

Он указал на меня:

– Я приехал за этим мальчиком.

IV. Агнец на заклание

Ветер завывал голодным волком, снег лип к моей окровавленной коже. Я обернулся на отца Луи: тот помрачнел.

– Мсье, – сказал священник, – этот мальчишка – чернокнижник, творит богомерзкие кровавые обряды. Он – зло. Он проклят!

В толпе забормотали, но человек, назвавшийся Сероруком, лишь вынул из-за пазухи пергаментный свиток, скрепленный императорской печатью: единорог и пять скрещенных мечей в застывшей капле яблочно-красного воска.

– По велению Александра Третьего, императора Элидэна и защитника Святой церкви Господней, которому не смеет возразить ни один человек под этим небом, я наделен полномочиями рекрутировать по собственному усмотрению любого и всякого гражданина для нашего праведного дела. И я выбираю его.

– Рекрутировать? – взорвался олдермен. – Это чудовище? Для чего?

Человек достал из ножен меч, и у меня перехватило дыхание. Побитый и в крови, я все же оставался сыном кузнеца: клинок был подлинным предметом вожделения. Полотно стали, точно светлые волокна в темной древесине, пронизывали серебряные прожилки. Навершием служила звезда – семиконечная, по числу мучеников, – окруженная ободом

Спасителева колеса. Меч словно светился в тусклом свете фонарей.

– Мы – Ордо Аржен [7], – ответил Серорук. – Серебряный орден Святой Мишон, и чудовища – именно те рекруты, которые нам требуются, мсье. Ибо враги, с которыми мы сражаемся, еще чудовищней, и если падем мы, падет могущественная Божья церковь, и Его царствие на земле, и весь мир человеческий.

– Кто же эти враги? – строго спросил отец Луи.

Серорук взглянул на священника красными глазами, в которых отражался свет фонарей. Отпустив сокола, он развернулся к мешку на спине скакуна, ослабил державшие груз цепи и спихнул его в грязь. Ударившись о землю, сидевший в мешке фыркнул; сперва мы думали, будто это человек, но то, что выбралось наружу, им не было.

Облаченная в лохмотья, мертвенно худая, тварь походила на обтянутый кожей скелет. Глаза – белые, губы – иссохшие, зубы – длинные и острые, как у волка. Поднявшись, создание издало звук, похожий на шипение кипящего воска. Селяне закричали от ужаса.

Внезапно я снова стал тринадцатилетним мальчишкой, стоящим посреди грязной улицы в тот день, когда Амели с Жюльет вернулись домой. Я, несомненно, испугался, но вместе со страхом пришла и память о сестре. Я ощутил знакомую ненависть, опаляющую грудь изнутри и заставляю-

---

[7] Ordo Argent – «серебряный орден» *(фр.)*.

щую стискивать зубы. Ненависть придает силы, и только гнев выпестует особый род отваги. Я не закричал и не попятился, как прочие мужи вокруг, но встал, широко расставив ноги. Вдохнул и поднял, сука, кулаки.

– Впечатляет, – пробормотал Жан-Франсуа.

– Я не впечатлить хотел, – прорычал Габриэль. – Зная то, что я знаю теперь, я от души жалею, что тогда не побежал. Лучше бы Господь заставил меня обмочиться и взвыть.

Габриэль со вздохом убрал со лба прядь.

– Называй это как угодно: инстинкт, глупость… Такими уж мы рождаемся, и этого не отменить, как не изменить воли ветра или цвета глаз Господа.

Той твари, разумеется, срать было на мои кулаки, но серебряная цепь, которой она была прикована к седлу Серорука, остановила ее: упырь тщетно тянул ко мне руки. Угодник же слез с коня и, клянусь всеми семью мучениками, при звуке, с которым его сапоги коснулись раскисшей земли, тощее и голодное чудовище обернулось и завыло. Серорук вскинул клинок, в темноте блеснула сталь… Боже милостивый, ударил он так быстро, что я почти не заметил.

Серебряное навершие врезалось чудовищу в челюсть. Брызнула темная кровь, полетели зубы. Работал мечом Серорук ужасающе, и я вздрагивал, когда он снова и снова бил чудовище, пока то, скуля, не рухнуло и не сжалось. А когда Серорук втоптал его лицом в грязь и посмотрел на отца Луи, то в его глазах я заметил ту же ненависть, что кипела в моем

сердце.

– Кто наш враг, добрый отче?

Он обвел взглядом красных глаз селян и задержал его на мне.

– Нежить.

Сидя в холодной камере, Габриэль де Леон молча огладил щетинистый подбородок. Голос Серорука в его голове звучал так отчетливо, будто наставник был в узилище вместе с ним. Габриэль чуть не поддался искушению обернуться: ну как старая сволочь стоит за спиной?

– Какая театральность, – зевнул Жан-Франсуа крови Честейн.

Габриэль пожал плечами.

– Сероруку она не была чужда.

Когда он посмотрел на меня своим красными глазами, я понял, что он меня оценивает. Наконец угодник расшнуровал воротник, и я увидел его лицо: кожа – мертвенно-бледная, черты – каменные. После таких, как он, на кровати остаются мозоли.

– Ты уже видел таких прежде, – сказал Серорук, кивнув на чудовище.

Я долго думал, что ему ответить.

– Моя… моя сестра.

Он посмотрел на мою мама, потом снова на меня.

– Тебя зовут Габриэль де Леон.

– *Oui*, угодник.

Он улыбнулся, будто мое имя показалось ему смешным.

– Отныне ты принадлежишь нам, Львенок.

Тогда я обернулся к мама и, видя, что она не возражает, наконец понял: эти люди прибыли по ее зову. Серорук и стал той помощью, о которой я просил, – помощью, оказать которую сама она не могла. В глазах у мама стояли слезы: то была мука львицы, готовой на все, лишь бы спасти детеныша, и не видящей иного выхода.

– Нет! – выкрикнула Селин. – Вы моего братика не заберете!

– Тише, Селин, – шепнула мама.

– Я его не отдам! – заплакала сестренка. – Спрячься за мной, Габи!

Она зло вскинула кулачки, а я заслонил ее собой от всадников и крепко обнял. Я знал: дай ей хоть шанс, и она выцарапает Сероруку его холодные глаза, заглянув в которые я кое-что понял.

– Это Божьи люди, сестра, – сказал я Селин. – И на это Его воля.

– Тебе нельзя уезжать! – отрезала Селин. – Так нечестно!

– Может быть, но кто я такой, чтобы перечить Вседержителю?

Не стану лгать, я испугался. Желания покидать *ma famille*, мой маленький мирок, не было, но нас по-прежнему окружали селяне, глядевшие со страхом и яростью. Зубы у меня снова стали прежними, но во рту все еще стоял привкус

крови Ильзы. И на мгновение мне показалось, будто время застыло на кончике ножа. Душой такие моменты всегда чувствуешь. Эти люди предлагали мне спасение. Путь в жизнь, о которой я и не мечтал. Но я понимал, что заплатить за нее придется ужасную цену. Знала это и мама.

Разве у меня был выбор? Остаться не выйдет, только не после случившегося. Я не знал, во что превращаюсь, но вдруг ответ найдется у этих людей? Да и не мог я, как уже сказал сестренке, перечить воле небес. Бросать вызов своему Творцу. И вот я, тяжело вздохнув, пожал угоднику руку.

Габриэль возвел очи к потолку и вздохнул.

– Так агнец отправился на закланье.

– Они забрали тебя в тот же миг? – спросил Жан-Франсуа.

– Дали проститься с *ma famille*. Папа сказать было почти нечего, но, видя меч у него в руке, я понял: ради меня он сделал бы все, что было в его небольших силах. Я боялся за Селин, которая останется теперь без моего присмотра, но поделать ничего не мог. Но папá я предупредил. Я его, сука, предупредил: «Не забывай о дочери. Больше у тебя детей не осталось».

Мама плакала, когда я целовал ее на прощание. Я и сам плакал, обнимая Селин. Мама велела мне остерегаться зверя. Зверя и всех проявлений его голода. Мой мир трещал по швам, но что мне оставалось? Меня уносила река, однако уже тогда мне хватало опыта понять: есть те, кто плывет с потопом, и те, кто тонет, пытаясь с ним бороться. Просто

одни обладают мудростью, другие – нет.

– Не уезжай, Габи, – взмолилась Селин. – Не оставляй меня.

– Я вернусь, – пообещал я, целуя ее в лоб. – Присматривай тут за мама, Чертовка.

Парень, что ехал следом за Сероруком, отнял меня от Селин и без утешений толкнул к своему пони. Затем он снова обмотал хнычущее чудовище джутом и серебряной цепью и водрузил на спину второго скакуна. Угодник же посмотрел на собрание бледными, налитыми кровью глазами.

– Это чудовище мы изловили в трех днях пути к западу отсюда. Их станет еще больше: грядут темные дни и еще более темные ночи. Зажигайте свечи в окнах. Не пускайте в дом чужаков. Не гасите огни в очагах и любовь Бога в сердцах. Мы победим. Ибо мы носим серебро.

– Мы носим серебро, – отозвался его молодой спутник.

Кроха Селин ревела, и я на прощание вскинул руку. Крикнул мама, что люблю ее, но она смотрела в небо, и на ее щеках замерзали слезы. Я еще никогда не чувствовал себя таким одиноким, как когда покидал Лорсон. Я смотрел на *ma famille*, пока они не скрылись вдали, поглощенные мраком.

– Пятнадцатилетний мальчишка, – вздохнул Жан-Франсуа, оглаживая воротник из перьев.

– *Oui*, – кивнул Габриэль.

– И ты еще нас зовешь чудовищами.

Габриэль посмотрел в глаза вампиру и звенящим, как

сталь, голосом ответил:

– *Oui*.

V. Огонь в ночи

Жан-Франсуа едва заметно улыбнулся:

– Итак, из Лорсона в Сан-Мишон?

Габриэль кивнул.

– Путь занял несколько недель. Мы ехали по Падубовому тракту. Стоял мороз, а плащ, который мне дали, от холода не спасал. Голова так и шла кругом от воспоминаний о том, как я поступил с Ильзой, о темном блаженстве, подаренном ее кровью, о виде чудовища, которое Серорук извлек из мешка, а сейчас вез на спине пони. Я не знал, что и думать.

– Брат Серорук не говорил, что уготовил тебе?

– Рассказал чуть менее, чем нихера. Да я поначалу и побаивался его расспрашивать. В Сероруке ощущался огонь, грозивший спалить, если подойти слишком близко. Кожа да кости, острые скулы и подбородок, волосы – грязная солома. Еду́ угодник пережевывал как будто с ненавистью, каждую минуту свободного времени проводил в молитве, прерываясь лишь время от времени, чтобы ударить себя ремнем по спине, а заговоришь с ним – будет смотреть, пока не заткнешься.

Если к кому он и проявлял теплые чувства, так это к соколу. Сраную птицу он назвал Лучником и сдувал с нее пылинки, точно отец с сына. Но самое странное я увидел в то утро, когда угодник впервые омылся при мне.

Серорук сбросил блузу, собираясь плеснуть на себя водой из ведра, и я увидел татуировки, сплошь покрывавшие его торс и руки. Чернильные рисунки я видел и прежде: спиральные узоры фей на оссийцах, – но ничего подобного меткам угодника не встречал.

Габриэль провел пальцами по собственным расписанным рукам.

– Чернила были вроде этих. Темные, с металлическим, благодаря примешанному серебру, отливом. У Серорука во всю спину красовался лик Девы-Матери. Вдоль рук тянулись спирали свято-роз, мечей и ангелов, а на груди он носил семь волков – в честь семерых святых. У молодого ученика, что ехал с ним, татуировок было меньше, но по груди у него все же вились гирлянды роз и сплетенные змеи. На левом предплечье красовался Наэль, ангел благости, на бицепсе – Сари, ангел казней, раскинувшая прекрасные крылья, как у мотылька. И еще у обоих, ученика и наставника, на левой ладони было выведено по семиконечной звезде.

Габриэль показал вампиру раскрытую ладонь. На ней, вписанная в идеальный круг, среди мозолей и рубцов поблескивала семиконечная звезда.

– Любопытно, – вслух подумал Жан-Франсуа, – ради чего твой Орден так осквернял свои тела?

– Угодники-среброносцы называли это эгидой. Когда сражаешься с чудовищами, которые способны кулаками пробить нагрудник, доспехи носить смысла нет. Броня замедля-

ет. Шумит. Но если крепко веришь во Вседержителя, то эгида делает тебя неприкасаемым. Неважно, кого ты выслеживаешь – закатного плясуна, фею, холоднокровку, – ни один из них не вынесет прикосновения серебра. А твой вид, вампир, Бог ненавидит особенно: вы бежите от одного только вида священных икон, съеживаетесь перед семиконечной звездой, колесом, Девой-Матерью и мучениками.

Жан-Франсуа махнул рукой в сторону ладони Габриэля.

– Так что же я не съеживаюсь, де Леон?

– Потому что меня Бог ненавидит еще сильнее.

Жан-Франсуа улыбнулся.

– Думаю, у тебя есть и другие рисунки.

– Много.

– Можно взглянуть?

Габриэль встретился с ним взглядом. Повисла тишина, продлившаяся три вдоха и выдоха. Вампир облизнул ярко-красные блестящие губы.

– Как угодно. – Угодник-среброносец пожал плечами.

Он встал со скрипнувшего кресла. Не спеша сбросил пальто, расшнуровал блузу и стянул ее с себя через голову, обнажил торс. С губ вампира слетел тихий и нежный, как шепоток, вздох.

Тело Габриэля сплошь состояло из мышц и сухожилий, резко очерченных в свете лампы. Кожу украшали оставшиеся от клинков, когтей и Спаситель знает чего еще шрамы. Но главное – Габриель де Леон был покрыт татуировками:

от шеи до пупа и костяшек пальцев. Если бы летописец дышал, то от вида рисунков у него перехватило бы дух. Вдоль правой руки угодника спускалась Элоиз, ангел воздаяния, с мечом и щитом наготове. На левой была Кьяра, слепой ангел милосердия, и Эйрена, ангел надежды. На груди щерил пасть лев, с семиконечными звездами вместо глаз; а на поджаром животе выстроился круг из мечей. Руки и тело украшали голуби и солнечные лучи, Спаситель и Дева-Матерь. Габриэль ощутил плотный темный ток в воздухе.

– Прекрасно, – прошептал Жан-Франсуа.

– Художник попался уникальный, – ответил Габриэль.

Угодник-среброносец снова надел блузу и сел.

– *Merci*, де Леон. – Жан-Франсуа продолжил набрасывать его портрет по памяти. – Ты рассказывал про Серорука. Что он поведал тебе по дороге?

– Я же говорю, он больше отмалчивался.

Мне оставалось только гадать: сильно ли я навредил Ильзе? Почему вдруг я сумел раскидать взрослых мужиков, точно кукол? Кинжал олдермена вроде бы рассек мне спину до кости, но рана оказалась не такой уж и глубокой. Как все это, во имя Вседержителя, было возможно? Ответов я не находил. – Габриэль снова пожал плечами. – Предела мы достигли, когда наша маленькая разношерстная компания остановилась на ночевку в нордлундской глуши, в тени умирающих сосен, неподалеку от Падубового тракта. В пути мы были уже девять дней.

Юный всадник, сопровождавший Серорука, был инициатом по имени Аарон де Косте. Или, иначе, учеником. Выглядел он по-королевски: густые белокурые волосы, ярко-синие глаза и лицо, при виде которого девки падают в обморок. Он был старше меня, лет восемнадцати. Имя Косте носили бароны в западной части Нордлунда, и мне подумалось, что он связан с ними родственными узами, но сам он о себе ничего не рассказывал. Когда он заговаривал со мной, то лишь отдавал распоряжения. К Сероруку обращался «наставник», а меня звал «пейзаном» – с таким видом, будто кусок дерьма сплевывал.

Если нам случалось устраивать привал на открытом месте, то Серорук вешал на ветку ближайшего дерева порченого. Тогда я задавался вопросом, почему он его просто не убьет? Де Косте велел мне собрать хвороста и разводил костер – да поярче. Хозяин и ученик спали по очереди, а тот, кто бдел, курил трубку, набитую странным красным порошком. Когда они затягивались, глаза у них меняли оттенок: белки так наливались кровью, что становились красными. Как-то я попросил де Косте дать мне попробовать, и он в ответ фыркнул:

– Еще накуришься, пейзан.

В общем, тем вечером де Косте точил клинок. Прекрасный был у него меч. Серебро и сталь с летящим ангелом смерти Манэ на крестовине. Лучник сидел на ветке дерева, поблескивая в темноте глазами. Плененный Сероруком труп

несколько часов провисел на ветке неподвижно, но вот одно поленце в костре стрельнуло, рука де Косте дрогнула, и он сильно порезал палец. Тварь в мешке тут же застонала, забилась пойманной рыбой.

Серорук в это время как обычно молился, и его спина краснела от ударов ремнем. Тогда он открыл глаза и зарычал: «Молчать, пиявка», – но труп задергался сильнее.

– Е-е-е-е-е-е-еда-а-а, – молил он. – Е-е-е-е-е-еда-а-а.

Я взглянул на кровь, что капала из пореза на пальце де Косте, и от одного только запаха в животе у меня свело, а кожа покрылась легкими мурашками. Серорук бросил такое грязное ругательство, которое мне в мои молодые годы еще не доводилось слышать, поднялся с колен и достал из ножен прекрасный посеребренный меч.

Он сердито обошел костер, приспустил мешок и осыпал тварь таким градом ударов, какого я еще, наверное, никогда не видел. Чудовище визжало, когда Серорук бил его навершием меча: серебро шипело, касаясь иссохшей кожи. Угодник не остановился, даже когда крики чудовища перешли в стоны; он колотил его, кроша кости и превращая плоть в месиво, пока – Господь свидетель – оно не заревело, как ребенок.

– Стойте! – вскричал я.

Серорук обратил на меня пылающий взгляд. Считай меня каким угодно – охеренно храбрым или охеренно глупым, – но мне казалось, даже чудовище не заслуживало такой пыт-

ки. Глядя, как оно всхлипывает, вися на суку, я произнес: «С него хватит, брат, во имя всего святого!»

Габриэль вздохнул, уперев локти в колени.

– Господь Всемогущий, а ведь я думал, что видел гнев в моем папа. Однако злость на лице Серорука в тот момент затмила все.

– Святого? – сплюнул он.

Угодник медленно подошел ко мне, глядя так же, как папа, когда тот готовился пустить в ход кулаки. Я попытался оттолкнуть его, но – во имя Господа! – он был силен. Рывком поднял меня на ноги и врезал по лицу наотмашь. Губа лопнула, в глазах полыхнули черные звезды. Затем Серорук за шиворот подтащил меня к твари на суку. Нытье стихло, точно залитый водой костер, и она снова ожила. В глазах трупа загорелось безумие. Невиданный голод. Я в ужасе взревел, но Серорук подвинул меня еще ближе к чудовищу, а оно протянуло к моей кровоточащей губе руки.

– Тебе жаль эту мерзость?

– Прошу, брат, перестаньте!

Он вновь ударил меня – да так крепко, как даже отцу не удавалось, и я распластался на земле. Лежа в мерзлой грязи, я посмотрел на де Косте, ища заступничества, но тот и пальцем не пошевелил. Серорук возвышался надо мной, а его глаза полыхали яростью.

– Избавь свое сердце от жалости, малец. Зажги в груди огонь, и пусть он спалит ее с корнями! Наш враг не знает

любви, не ведает пощады, уз товарищества! Ему известен лишь голод! – Он указал на тварь, которая все еще алкала моей крови. – Доберись эта мерзость до тебя – вскрыла бы от просака до горла и сожрала потроха из твоего брюха, точно свинья – из кормушки. И к завтрашней ночи, а может, и к следующей, ты бы восстал, такой же бездушный, как растерзавшая тебя тварь! Ищущий лишь возможности утолить жажду кровью глупцов, взывающих к жалости!

Его крик звенел, пробиваясь сквозь треск костра, сквозь грохот моего сердца. И глядя в глаза живому трупу, который тянул руки к моей кровоточащей губе, я исполнился той же ненависти, того же отвращения, что и в день, когда вернулась домой моя сестра.

– Что они такое? – невольно прошептал я.

Взгляд Серорука горел костром.

– Мы называем их порчеными, Львенок.

– Но что они такое?

Угодник пристально посмотрел на меня, и я не смог отвести взгляда. Тут он угомонился, и жесткие черты его лица смягчило сожаление. Он подал мне руку, а я, не зная, как еще поступить, принял ее. Угодник отвел меня к костру, усадил у огня и стал смотреть в потрескивающее пламя. Де Косте же продолжал молча бдеть.

– Что тебе известно о холоднокровках, малец? – спросил наконец Серорук.

– Они питаются живой кровью. Не стареют. У них нет ду-

ши.

– *Oui*. А как они появляются?

– Из тех, кого убили подобные им.

Тут Серорук посмотрел на меня.

– Слава Господу и Спасителю, это не так, малец. Иначе нам бы уже пришел конец.

Наступившую тишину нарушало только потрескивание хвороста. В воздухе ощущалось бремя. Кровь кипела. Это были первые ответы, которые Серорук дал мне за девять дней пути, и теперь, когда он наконец заговорил, хотелось, чтобы он не умолкал.

– Прошу, брат, скажите: что они такое?

Серорук смотрел в огонь, поглаживая острый подбородок. Выглядел он лет на сорок, но морщины тревог в уголках глаз и рта старили его намного сильнее. Я все еще побаивался угодника, страшился его кулаков не меньше, чем когда-то – кулаков папа, но при этом гадал, что сделало его таким. Был ли он когда-то живым и юным, как я.

– А теперь слушай, – велел он, – и слушай внимательно. Холоднокровки и правда передают свое проклятие жертвам, но не всегда. Они не выбирают, кому передастся их недуг, и в том, кто из жертв обратится, а кто просто останется мертв, кажется, нет ни порядка, ни смысла. Бывает так, что убитый восстает всего через несколько мгновений после смерти. Но чаще проходит несколько дней или даже недель. Все это время жертва остается просто трупом и поднимается именно

в том виде, в каком ее застало обращение: нетронутая тленом и прекрасная или уже иная. – Он глянул на подвешенное чудовище. – В былые времена, если обращение занимало несколько дней, солнце быстро убивало жертву. Мозг, видишь ли, тоже гниет, и безголовые холоднокровки, ничего не зная, погибали с первым же рассветом. Зато сейчас…

– Мертводень, – прошептал я.

– *Oui*. Солнце им больше не страшно. Вот они и живут дальше. Блуждают. Убивают. И размножаются – все эти семь лет с тех пор, как дневная звезда оставила нас.

– Сколько их теперь? – пробормотал я, облизывая разбитую губу.

– На западе Тальгоста, за хребтом Годсенд? Тысячи.

– Семеро мучеников…

– Ты даже не представляешь, насколько все плохо, Львенок. Старейшие и самые опасные, прекрасные, те, что зовут себя высококровными, прежде жили втайне. Но четыре месяца назад один владыка старшей крови привел к стенам Веллена армию порченых. Он бродил улицами города, словно ангел смерти, – бледный и утонченный, неуязвимый для оружия. Он убил кузена его императорского величества и забрал себе крепость. Он и сейчас посягает на земли Тальгоста, и с каждой резней, учиненной его темным племенем, армия мертвых растет. Некоторые восстают высококровными, вечно молодыми и бессмертными, но большинство становится порчеными, жуткими и гнилыми. И все, кто был убит, покор-

ны его воле. Ходят слухи, будто он – древнейший холоднокровка на земле. Его имя Фабьен Восс, но сам он себя объявил Вечным Королем.

От этой мысли меня замутило. Я попытался вообразить несметные легионы холоднокровок, осаждающие города. Древние, точно само время, эти создания теперь бродили по земле невозбранно, как люди.

– И при чем…

Я покачал головой. В горле пересохло. Я вспомнил, как на язык текла ручьем медово-сладкая кровь Ильзы, вспомнил блаженство, наступившее, когда мои зубы пронзили гладкую кожу ее бедра. Мои клыки уже не были такими длинными, но все же я их чувствовал, и еще – жажду, что таилась во мне. Я гадал, восстанет ли она снова, а точнее – когда это произойдет.

– И при чем же тут я?

Серорук искоса взглянул на меня. В костре щелкнуло поленце, и в темноте брызнул фонтан искр.

– Что тебе известно об отце, Львенок?

– Он был солдатом. Разведчиком в армии Фили…

– Я не о том, кто тебя вырастил, малец. Я о родном отце.

И тогда я все осознал. Озарение обрушилось на меня снежной лавиной: я понял, отчего папа колотил лишь меня, не трогая сестер, и что он имел в виду, говоря, будто вырастил под своим кровом приблудка. Губы у меня словно онемели и распухли. Слова застряли в горле.

– Моим отцом…

– Был вампир.

Это произнес Аарон де Косте, смотревший на меня поверх пламени костра.

– Нет, – выдохнул я. – Нет… нет, моя мама ни за что бы…

– Она надеялась, что ты – не от него. Они оба надеялись. – Серорук похлопал меня по колену, и его взгляд смягчился; в нем теперь читалось нечто вроде жалости. – Не вини ее, Львенок. Для взора, что не видит истины, высококровные прекрасны. Они могущественны. Их разуму под силу сломить даже крепчайшую волю, а их уста источают сладчайший мед.

Мне вспомнилась Ильза, беззащитная перед обуявшей ее страстью, когда я чуть не выпил ее досуха. Тогда я взглянул на труп, подвешенный на суку, а после, с крайним отвращением, на собственные руки.

– Так я… как они?

– Нет, пейзан, – ответил де Косте. – Ты – как мы.

– Ты помесь, парень, – сказал угодник. – Из тех, кого мы называем бледнокровками.

Я посмотрел на этих двоих: у обоих кожа была призрачно-бледная, как и моя.

– Изменения проступают в нас ближе к возмужанию, – сказал Серорук. – И со временем все становится только хуже. От отца мы наследуем кое-какие дары: силу, скорость… прочие блага, смотря к какому клану он принадлежал. Но

также нам передается жажда. Жажда крови, которая толкает их к убийству, а нас – к безумию. Мы – плоды греха, малец, и, не обольщайся, мы прокляты Богом. Единственный способ для нас заслужить Его вечную милость и место на небесах для наших окаянных душ – это сражаться и погибнуть за Его Святую церковь.

– А этот… Серебряный орден, о котором вы говорили?..

– Ордо Аржен. – Серорук кивнул. – Мы – серебряное пламя, отделяющее этот мир от конца всего сущего. Охотимся на чудовищ, которые иначе пожрали бы людской род, и убиваем их. Феи и падшие, закатные плясуны и чародеи, восставшие и порченые. И, *oui*, даже высококровные. Некогда вампиры жили в тени, но теперь не страшатся солнца, а темный легион Вечного Короля растет с каждой ночью. Вот мы, сыны их грехов, и платим немалую цену. Либо мы выстоим, либо все падут.

– Так нам… положено сражаться с Вечным Королем и его армией?

– Армии бьются с армиями, но императрица Изабелла убедила императора Александра, что, помимо молота, ему нужна и бритва. Ордо Аржен – ее лезвие. Традиция нашего братства свята, но никогда еще прежде королевский двор нам не покровительствовал. Генералы императора осаждают крепости и руководят войсками, но голову змее отсечем мы. Перебьем пастырей и посмотрим, как разбегутся овцы.

– Ассасины, – пробормотал я.

– Нет, парень, мы охотники. Охотники с божественными полномочиями. Гоняемся за опаснейшей дичью. – Серорук посмотрел в костер, и в его глазах вновь полыхнуло пламя. – Мы надежда тех, кто отчаялся. Огонь во тьме. Мы станем ходить в ночи подобно им, а они узнают наши имена и устрашатся. Покуда горят они – мы суть пламень. Покуда истекают кровью – мы суть клинки. Покуда грешат они – мы суть угодники Божьи.

А потом Серорук и де Косте в один голос произнесли:

– И мы носим серебро.

Брат Серорук заглянул в мои удивленные глаза, и сердце мне словно стиснули в кулаке. Затем он встал и тихо, будто не было никакой беседы, вернулся к молитве.

Однако он говорил со мной, и теперь его слова занимали мой разум. Я испугался как никогда в жизни. Ужаснулся того, кто я такой. А еще узнал, что вся моя жизнь это, сука, ложь: отец мне вовсе не отец, и я – плод греховной связи с чудовищем, и суть его теперь росла во мне, словно опухоль. Впрочем, и Аарона с Сероруком породила та же тьма, но они с честью стояли на защите императора, церкви, Самого Вседержителя.

Братья Серебряного ордена Святой Мишон.

Мать всегда говорила, будто в жилах у меня кровь льва, но тогда я впервые ощутил, что он не дремлет. От рук холоднокровок погибла моя сестра, и, пусть мне не удалось уберечь ее, теперь я мог за нее отомстить и, возможно, даже спасти

свою проклятую душу. Я был рожден в темнейшем грехе, но впереди забрезжило искупление. И, глядя в пламя костра, я поклялся себе: если мне суждено примкнуть к этим людям, я стану лучшим из них. Самым свирепым и преданным делу. Забуду нерешительность, не подведу их и не познаю покоя, пока не отправлю всех чудовищ до последнего назад в преисподнюю, что породила их, – с приветом сестренке.

Габриэль со вздохом покачал головой.

– Я, сука, понятия не имел, во что ввязался.

VI. Обитель в небе

– В Сан-Мишон, окутанный снежно-серым туманом, мы прибыли в последний *findi* [8] месяца. Брат Серорук ехал впереди, Аарон де Косте – следом; я сидел в седле у него за спиной. Оказавшись в тени монастыря, я растерялся, запутавшись в чувствах. Я испытывал страх из-за собственной греховной природы; тоску по всему, что осталось в Лорсоне; но главное – восторг при виде утесов-столпов. Особенный восторг, с которым взираешь на что-нибудь, раскрыв рот.

Место было сказочное. Сан-Мишон возвели в долине реки Мер, угнездив его на черных скалах: вверх, точно копья великанов из Легендарной эпохи, поднимались семь столпов из замшелого камня. Между гранитных колонн темно-сапфировой змеей текла точившая их река. И вот на этом исполинском пьедестале ждал меня монастырь Сан-Мишон.

Серорук кивнул Аарону, и тот снял с пояса окованный серебром рог, подул в него, и над долиной зазвучала протяжная нота. Сверху ответили колокола, и пока мы ехали по заросшему грибами сланцу к срединному столпу, внутри у меня все трепетало. В основании утеса я увидел полость, вход в нее был забран кованой решеткой с изображением семиконечной звезды. Учуяв запах лошадей, я сообразил, что внутри конюшня.

---

[8] Последний день [недели] *(фр.)*.

Рядом с воротами опустилась широкая деревянная платформа на толстых железных цепях. Передав пони двум юным конюхам, мастер Серорук закинул пленного порченого на плечо и пошел к подъемнику; мы с Аароном – следом. Платформа угрожающе раскачивалась: мы поднялись на сто футов, на двести, и с этой высоты я разглядел на северо-западе Годсенд – величественный хребет из покрытого снежными шапками гранита, отделявший Нордлунд от Тальгоста.

Над нами кружил Лучник, а я вцепился в перила до того крепко, что побелели костяшки пальцев. Так высоко я еще никогда не поднимался и, стараясь не смотреть вниз, поднял взгляд – туда, где, прямо как в сказке, ждал монастырь в небесах.

– Высоты боишься, пейзан? – усмехнулся Аарон.

Я взглянул на блондинчика и крепче стиснул перила.

– Отвали, де Косте.

– Ты вцепился в эти перила, как в мамкину сиську.

– Вообще-то я представлял сиськи твоей мамаши. Хотя мне говорили, что ты предпочитаешь грудь сестры.

Серорук заворчал, веля нам обоим остыть, и остаток подъема де Косте держал язык за зубами, бросая на меня злобные взгляды. Однако мне было плевать. Всю неделю он обращался со мной, словно с приставшей к сапогу грязью, и компания этого засранца-барчука казалась мне столь же привлекательной, как мешок лобковой гниды.

Платформа со скрипом остановилась. В будке слева была

лебедка, которую крутил сварливый тип, затянутый в черную кожу, с сальными патлами. А вот серебра на руках у него я не заметил.

– Светлой зари, привратник Логан, – кивнул ему Серорук.

Худой поклонился и с сильным акцентом оссийского деревенщины ответил:

– С Божьим утречком, брат Серорук.

Я прикинул, что долина лежит под нами примерно в пяти сотнях футов, но под сердитым взглядом мастера Серорука отпустил наконец перила, за которые так цеплялся.

– Не бойся, Львенок.

– Главное вниз не смотреть. – Я выдавил улыбку.

– Смотри перед собой, малец.

Я убрал с лица волосы, что бросал мне в глаза ветер, и вздохнул.

– Вот это вид…

Перед нами вздымался кафедральный собор. Прежде я соборов не видел, а крохотная часовенка в Лорсоне мне, юнцу, всегда казалась внушительной. Однако сейчас я поистине увидал дом Господа: огромный круглый кулак гранита, шпили которого пронзали небо; во внутреннем дворе стоял фонтан с чашей из бледного камня, окруженный кольцом ангелов: Кьяра, слепой ангел милосердия, Рафаил, ангел мудрости, Санаил, ангел крови, и его близнец, мой тезка Гавриил, ангел огня. Кладка местами крошилась, кое-какие окна были заколочены, но все же ничего великолепнее я еще не встре-

чал. По собору, точно облепившие бревно клещи, ползали рабочие, а с парапетов усмехались гаргульи. В восточном и западном фасаде я заметил огромные двойные двери, и над рассветными створками сверкал величественный витраж.

Выполнен он был как семиконечная звезда, каждый луч которой иллюстрировал житие одного из семи мучеников: святой Антуан, разделяющий воды Вечного моря; святой Клиланд, стерегущий врата в преисподнюю; святой Гийом, сжигающий на кострах безбожников. И, конечно же, святая Мишон в ореоле соломенных волос: она держала в руках серебряную чашу и яростным взглядом смотрела прямо мне в душу.

На верхней ступеньке восточного крыльца нас ожидал человек в пальто угодника. Он был из Зюдхейма: темная кожа – как полированное красное дерево; бледно-зеленые глаза – подведены тушью. Он был старше Серорука, а длинные черные волосы заплел в спиральные косички. Из-за жутких шрамов на щеках казалось, будто его губы навечно застыли в мрачной улыбке; на тыльной стороне его ладоней поблескивали прекрасные серебряные татуировки. Он был широк в плечах, как мой папá, но излучал ауру такой власти, которая моему отчиму с его кулаками и не снилась.

Это, решил я, главный.

Серорук и де Косте низко поклонились.

– С возвращением, братья. На мессе нам вас не хватало. – Великан обернулся ко мне и низким, как пение виолончели,

голосом произнес: – Приветствую и тебя, юный бледнокровка. Меня зовут Халид, и я – верховный настоятель Ордо Аржен. Знаю, ты проделал долгий путь, и новая жизнь может не оправдать твоих ожиданий, но отныне это *твоя* жизнь. Ты и благословлен, и проклят, призван Господом Всемогущим на этот священный промысел. Мужайся. Будь беспощаден к себе. Иначе вслед за тобой мы все познаем слабость и отдадимся ей.

Не зная, как ответить, я просто поклонился:

– Настоятель.

– Пока ты не принял обет как полнокровный брат Ордена, наставлений ищи у своего мастера. Инициаты не могут покидать казарму после сигнала к отбою, а также входить в запретную секцию Большой библиотеки. Сегодня состоится закатная месса, и ты впервые примешь серебро. Завтра начнется твое обучение. – Халид взглянул на Серорука. – Можно тебя на пару слов, добрый брат?

– Во имя крови, настоятель. Де Косте, покажи Львенку, что тут да как.

– Во имя крови, наставник. – Аарон обернулся ко мне и проворчал: – Ступай за мной.

Оставив Серорука и Халида, де Косте повел меня по одному из широких каменных мостов. Я сообразил, что некогда, наверное, у семи утесов были природные связки, но руки времени обрушили большую их часть, и теперь их место занимали веревки да дерево. Чтобы не смотреть в ужасающую

пропасть, я обратил свой взор на горизонт, на прекрасные древние строения вокруг и людей, ползавших по стенам.

– На что все эти подъемники? Для рабочих?

– Обращайся ко мне «инициат», пейзан, – ответил де Косте, даже не обернувшись. – В отсутствие брата Серорука я – твой старший.

Я прикусил язык. Я устал от манер Аарона, но в иерархии Ордена он и впрямь был старше меня.

– Что до твоего вопроса, то Серебряный орден только недавно обрел покровительство императора Александра. Монастырь стоит уже много веков, и долгие годы его постройками никто не занимался. Нечасто нам предлагали помощь, какую мы получили сейчас.

Я поразмыслил над этим, оглядывая окружавшие нас строения глазами сельского паренька. Темный камень, мрачная и величавая конструкция, расположенная на пиках, что зубцами корон древних царей высились над долиной Мер. Я сам не знал, чего ожидал увидеть здесь, в священном ордене убийц чудовищ, но, даже запущенный и ветхий, Сан-Мишон был для меня чудеснейшим местом из всех.

Аарон указал на оставшееся позади строение:

– Собор, сердце Сан-Мишона. Дважды в день, на заре и на закате, братья собираются на мессу. Пропустишь службу – и вскоре распрощаешься с яйцами.

Де Косте указал на север – на конструкцию с множеством окон, которую сейчас вовсю ремонтировали.

– Казарма, где мы преклоняем головы. На нижнем этаже – трапезная, а также нужники и баня. Угодники-среброносцы подолгу пропадают на охоте, так что советую воспользоваться оказией и мыться. Вот только, сомневаюсь, что низкорожденный червь вроде тебя узнает кусок мыла, даже если попробует его на зуб.

Я закатил глаза, а де Косте указал на юг – там виднелась круглая постройка, на стенах которой трепетали кроваво-красные стяги с шитьем в виде семиконечной звезды.

– Перчатка. Пока ты в Сан-Мишоне, большую часть времени будешь проводить там. Внутри Звезды тебя обучат фехтованию, рукопашной, стрельбе. Перчатка – это горнило, в котором куют угодников.

Я стиснул зубы и, с мыслями о сестре, кивнул.

– Я готов.

Аарон фыркнул:

– Продержишься две недели, и я направлю великому понтифику личное письмо с известием о чуде. – Де Косте мотнул головой в сторону еще одной постройки, круглой и лишенной крыши. – К северу – Житница, вотчина доброго брата Альбера. В ней мы держим запасы провианта и курятники, там же – теплица, в которой выращиваем травы. К северо-западу – обитель сестер.

– Сестер?

Аарон вздохнул так, будто я удивлялся чему-то очевидному.

– Серебряное сестринство Сан-Мишона. Прежде чем добрая императрица Изабелла взяла нас под свое покровительство, за монастырем ухаживали именно они.

Я разглядел выходящие из величественного готического здания крохотные фигурки в черных одеждах. Полы их ряс трепетали на ветру, а у лиц развевались кружевные вуали.

– Они тоже бледнокровки, как мы? – спросил я.

– Бледнокровок-женщин не бывает. Вседержитель посчитал за нужное избавить Своих дочерей от проклятия. Эти сестры – Божьи женщины, преданные Единой вере невесты Вседержителя.

– Не ожидал застать монахинь в ордене боевых братьев.

– Гм-м-м. – Де Косте искоса взглянул на меня. – И много ты времени провел среди боевых братьев, Котенок?

– Ну… – Я моргнул, застигнутый врасплох.

– Большая библиотека. – Де Косте кивнул на шестой столп, где восседал чертог из витражного стекла и со стрельчатым фронтоном. – Одно из обширнейших собраний знания в империи. Там есть запретная секция, и если архивист Адамо увидит, что ты хотя бы заглядываешься на нее, то пустит твою шкуру на переплет для книги. Я бы посоветовал тебе в свободное время изучить литературу общего доступа, но кажется мне, ты не умеешь читать.

– Я прекрасно читаю, – рассердился я. – Меня мама научила.

– Черкну тебе письмецо, когда мне станет не плевать. –

Аарон махнул рукой в сторону библиотеки. – Книги хранятся на нижнем этаже, а наверху, в переплетной, трудятся сестры. Вместе с братьями очага они создают прекраснейшие тома во всей империи. – Он вскинул руку, предупреждая мой вопрос: – Ордо Аржен делится на две касты: есть братья охоты, бледнокровки вроде меня и Серорука, те, кто марает руки, выслеживая чудовищ во тьме; и есть братья очага – это обыкновенные люди веры, они присматривают за библиотекой, изготавливают нам оружие и… прочие инструменты. Кстати…

Де Косте указал на обширное здание впереди: редкие окна и лес печных труб, из которых валил черный дым. Только одна труба слабо курилась аленькой струйкой.

– Оружейная. – Аарон расправил плечи и пригладил густые светлые волосы. – Иди за мной. Тебе там понравится.

– Погоди, – окликнул я его. – А это что?

Я указал на каменный выступ в утесе с собором. Он напоминал мост, который, однако, не вел никуда и оканчивался площадкой без перил: дальше была только пропасть и река Мер внизу. На площадке стояло крупное колесо от колесницы в каменной раме. Точно на таком освежевали Спасителя, и теперь этот символ носил всякий священник и монахиня в мире.

– Это, – сказал Аарон, – Небесный мост.

– Для чего он?

Барчук стиснул зубы.

– Скоро сам узнаешь.

Де Косте развернулся на окованных серебром каблуках и зашагал в сторону оружейной. Распахнув огромные двойные створки, украшенные кованым изображением семиконечной звезды, он провел меня в огромный аванзал. И там я пораженно охнул.

Помещение озаряли мириады подвешенных к потолку стеклянных сфер. Каждая из них сияла горящей свечой. Как будто погасшие звезды моей юности вернулись на небосвод и изливали на стены медовый свет. Вдоль самих стен на широких стеллажах хранилось множество клинков, на которых лежали теплые блики.

Я разглядел мечи вроде тех, что носили у пояса Серорук и его ученик: сталь с прожилками серебра. Длинномерные мечи, бастарды [9], секиры и боевые молоты. Но было там и более диковинное оружие, о котором я слышал лишь мельком. Колесцовые пистолеты, ружья, многоствольные пистолеты прекрасной ковки, покрытые гравюрами со строчками из Писания:

> *Я есмь меч, что повергает грешных. Я есмь длань, что возносит праведных. И я есмь весы, что в конце взвесят всех. Так говорит Господь.*

В монастырь я влюбился с первого взгляда, но оружейная

---

[9] Длинный меч, предназначенный для фехтования как одной, так и двумя руками. Эфес у него короче рукояти двуручного меча, но длиннее, чем у одноручного.

сразила меня наповал. Не забывай, вампир, ведь я рос одновременно сыном кузнеца и солдата. Упорно занимался с мечом и знал, как ковать столь прекрасное оружие. В этой кузнице трудились настоящие гении…

– Жди тут, – велел де Косте. – Ничего не трогай.

Парень скрылся за внутренними дверьми, и я услышал знакомый звон молота о наковальню. Заметил людей в кожаных фартуках, блестящие в свете горнил мускулистые руки, и от тоски по дому защемило в груди. Мне не хватало сестренки Селин, мама и даже, *oui*, папа. Пора было, наверное, прекратить называть его так в мыслях, но – семеро мучеников! – проще сказать, чем сделать. Всю свою жизнь я считал отцом Рафаэля Кастия, даже не догадываясь, что мой настоящий отец – чудовище.

Когда тяжелые двери закрылись за Аароном, я приблизился к длинномерным мечам, дивясь их красоте. Навершие каждого было украшено семиконечной звездой, крестовина – изображениями Спасителя, распятого на колесе, или ангелов в полете. Но серебряные прожилки в стали походили на завитки в срезе прекрасного дерева, и каждая едва уловимо отличалась от других. Я коснулся лезвия ближайшего клинка тыльной стороной ладони, за что оно вознаградило меня легкой болью и тонкой красной полосой на коже.

Острое как бритва.

– У тебя хороший вкус, – прозвучал у меня за спиной насыщенный бас.

Я испуганно обернулся и увидел молодого зюдхеймца. Проворный, словно кошка, и тихий, точно мышь, он вошел через вторые внутренние двери и теперь наблюдал за мной. Он выглядел лет на двадцать, а кожа его имела эбеновый оттенок, как и у всех его соплеменников. Татуировок он не носил, однако опаленные волосы на предплечьях и кожаный фартук выдавали в нем кузнеца. Он был высок, поразительно красив и носил короткие узловатые косички. Подойдя, он взял у меня меч.

– Кто рассказал тебе о такой проверке меча? – спросил он, кивнув на мой порез.

– Сила мечника в руке, но мастерство – в пальцах. Вот и нечего рисковать, водя ими по лезвию. Это мне сказал папа. – Тут я осекся и стиснул зубы. – То есть… тот, кого я считал папа…

Юноша кивнул, глядя на меня мягко и с пониманием.

– Как твое имя, парень?

– Габриэль де Леон, господин.

Юноша рассмеялся – да так громко и басовито, что даже у меня в груди отдалось.

– Никакой я не господин, но преданно служу Господу. Батист Са-Исмаэль, брат очага и чернопалый Серебряного ордена, к твоим услугам.

– Чернопалый?

Батист улыбнулся.

– Так выражается мастер-кузнец Аргайл. Говорят, что у

тех, кто любит возиться в саду, зеленые пальцы. Поэтому у тех, кто расположен к ковке, огню и закону стали… – Он пожал плечами. Потом, вспоров клинком воздух, нежно ему улыбнулся. – У тебя острый глаз. Этот – из моих любимых.

– Здесь все ты выковал?

– Кое-что. Остальное – работа моих братьев-кузнецов. Каждый клинок в этом зале изготовлен для рекрутов вроде тебя, и в каждый создатель вкладывает частичку сердца. Потом сребросталь, откованная, охлажденная и поцелованная на прощание, ждет здесь руки владельца.

– Сребросталь, – повторил я, катая слово на языке. – Как она получается?

Улыбка Батиста сделалась шире.

– У всех нас в этих стенах есть свои тайны, Габриэль де Леон, и эта принадлежит братьям очага.

– У меня тайн нет.

– Значит, ты мало стараешься, – хохотнул он.

Сперва мне показалось, что кузнец насмехается надо мной, но в глазах его я разглядел теплоту, которая мне сразу полюбилась. Скрестив руки на груди, он оглядел меня с ног до головы.

– Значит, де Леон? Как интересно…

Батист прошелся вдоль стеллажа с оружием и чуть ли не с благоговением снял с нее один меч. Вернулся и вложил его мне в руки.

– Этого красавца я выковал в прошлом месяце. Сам не

знал, для кого… до сих пор.

Я уставился на него с недоумением:

– Правда?

В моих дрожащих руках лежал прекраснейший меч: на рукояти была выкована Элоиза, ангел воздаяния, раскинувшая похожие на серебряные ленты крылья. Полосу темной стали изрезали яркие прожилки серебра, а вдоль клинка тянулась прекрасная цитата из Заветов:

> *Познайте имя Мое, грешники, и трепещите, ибо я хожу среди вас, аки лев среди агнцев.*

Я заглянул в темные глаза Батиста, и он ответил мне улыбкой.

– Вроде бы ты снился мне, Габриэль де Леон. Твой приход сюда был предопределен.

– Боже мой, – пораженно проговорил я. – А у него… у него есть имя?

– Мечи – лишь орудия. Даже выкованные из сребростали. А человек, дающий имя клинку, лишь мечтает однажды прославить свое.

Батист огляделся и, нагнувшись ко мне, лукаво блеснул глазами.

– Я свой называю Солнечный Свет, – шепнул он.

Я покачал головой, не зная, что и сказать. Ни один сын кузнеца на земле не мечтал завладеть столь несравненным клинком, как этот.

– Я… я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

Тут Батист помрачнел. Взгляд его устремился вдаль, затерявшись в неведомой тени.

– Убей им за меня что-нибудь чудовищное, – сказал он.

– Вот ты где… – прозвучало в этот момент.

Я обернулся и увидел Аарона де Косте, стоявшего у дверей, в которые он раньше вышел. Хмурое настроение Батиста как рукой сняло, и он широким шагом направился к Аарону, раскинув руки.

– Живой, змееныш!

Оказавшись в медвежьих объятиях, Аарон широко улыбнулся.

– Рад видеть тебя, брат.

– Ну еще бы! Это же я! – Батист отпустил Аарона и наморщил нос. – Благая Дева-Матерь, да от тебя лошадью разит. Надо бы тебе помыться.

– Я и сам собирался. Вот только пристрою этого грязного пейзана. Ты, – проворчал в мою сторону Аарон, – Котенок. Иди забери свои шмотки.

Де Косте принес одежду из черной кожи, а к ней – пальто и крепкие сапоги с окованными серебром каблуками, как у него. Не церемонясь, он швырнул все это на пол. Однако меня новые сапоги и брюки не занимали; я взвесил на руке, проверяя баланс, великолепный новый меч.

В скудном свете сребросталь поблескивала; ангел на крестовине как будто улыбался мне. Нерешительность, овладевшая мной по прибытии, чуть отступила, а сердце ныло не так

сильно от тоски по дому. Я знал, что мне еще многому предстоит учиться; что в таком месте прежде всего надо встать на ноги. Но, правду сказать, пусть я и был сыном греха и во мне жило чудовище, я чувствовал: со мной Бог. Меч служил тому доказательством. Как будто кузнецы Сан-Мишона знали о моем приезде заранее. Как будто судьба наказала появиться здесь. Я перечитал чудесную гравировку с цитатой из Писания, беззвучно проговаривая слова.

Я хожу среди вас, аки лев среди агнцев.

– Львиный Коготь, – прошептал я.

– Львиный Коготь, – повторил, оглаживая подбородок, Батист. – Мне нравится.

Он выдал мне заодно и пояс с ножнами, и острый кинжал из сребростали под стать подаренному мечу: на его крестовине так же была выкована ангел воздаяния, расправившая прекрасные крылья. Глядя на оружие у себя в руке, я поклялся не посрамить его. Уничтожить им нечто чудовищное. Мне захотелось не просто стоять и ходить. Не просто бегать.

В этом месте я, сука, собирался летать.

VII. Лицо в форме разбитого сердца

Я встретил ее вечером того же дня.

Смыл с себя грязь дороги в бане, переоделся в новую одежду: черные кожаные брюки и блузу, тяжелые сапоги с голенищами по колено и окованными серебром каблуками; на подошвах было тиснение в виде семиконечной звезды – куда бы я ни пошел, всюду оставлю след в виде символа мучеников. Сняв старые вещи, я в некотором смысле отбросил то, чем был прежде, а чем стану, пока не знал. Но, вернувшись в казарму, обнаружил там настоятеля Халида. В его глазах читалась улыбка сродни той, которая застыла на его хищном лице.

– Иди со мной, Львенок. У меня для тебя подарок.

Мы отправились к сторожке у ворот, и по пути я поражался сложению настоятеля: это был человек-гора, на плечах и спине которого дикими змеями чернели длинные косы. Подъемник раскачивался на холодном ветру, когда мы спускались, а я искоса поглядывал на аббата, на шрамы от уголков губ до ушей.

– Гадаешь, откуда они у меня, – подсказал он, продолжая смотреть на хладную долину внизу.

– Прошу простить, настоятель, – потупился я. – Однако брат Серорук… говорил, что мы, бледнокровки, исцеляемся, как ни один простой смертный не умеет. В ночь, когда мастер

забрал меня из деревни, мне ножом рассекли спину до кости, но сейчас от раны и следа не осталось.

– С возрастом, когда твоя кровь станет гуще, ты начнешь исцеляться еще скорее. Но мы наследуем от наших проклятых отцов и кое-какие слабости: серебро, к примеру, глубоко ранит нас, огонь оставляет шрамы. Однако ты гадаешь, что пометило меня?

Я молча кивнул, глядя в его бледно-зеленые, подведенные глаза.

– Тьма полна ужасов, де Леон. В эти ночи холоднокровки с нами пока что считаются, но братья Серебряного ордена охотятся на разное зло, а оно – на них. – Он огладил рубцы. – Этими шрамами меня наградил закатный плясун. Проклятое чудовище, способное обращаться как зверем, так и человеком. Я отправил ее в преисподнюю, где ей самое место. – «Улыбка» стала чуточку шире. – Вот только уходить без прощального поцелуя она не захотела.

Наконец платформа коснулась земли, и Халид, негромко рассмеявшись, похлопал меня по плечу. Мы пошли дальше, а мне так и хотелось задать с сотню вопросов.

Конюшня была вытесана в недрах столпа с собором, и ее потолок подпирали колонны темного камня. Внутри воняло: лошадьми, соломой и дерьмом, – но с той ночи, как я испил крови Ильзы, все мои чувства обострились, и я готов был поклясться, что за привычной вонью угадывается душок смерти. Разложения.

У входа двое мальчишек – темнокожие зюдхеймцы, соплеменники самого Халида, – седлали мохноногую гнедую кобылку. Один был мне ровесником, второй где-то на год младше. Поджарые, они носили домотканую одежду, а темные кудри стригли коротко. Судя по одинаковым ореховым глазам и формам подбородков, они, наверное, приходились друг другу родней.

– Светлой зари, Каспар, Кавэ. – Настоятель кивнул старшему конюху, затем младшему. – Это Габриэль де Леон, новый рекрут Ордена.

– Светлой зари, Габриэль, – сказал Каспар, хватая мою руку.

– Божьего утра, Каспар. – Я кивнул и глянул на его брата. – Кавэ?

– Прошу простить, – извинился Каспар. – Мой брат родился без языка. Он не говорит.

Младший конюх смотрел на меня как будто с вызовом, и я понимал, отчего так. В тех краях империи, где правили предрассудки, подобное увечье сочли бы меткой черной магии и сожгли бы ребенка вместе с матерью. Но мама научила меня, что подобное мышление – глупость, порожденная страхом, что Вседержитель любит всех Своих детей, и мне надо стараться поступать так же. Я протянул Кавэ руку.

– Что ж, я все равно не очень-то настроен болтать. Светлой зари, Кавэ.

Сердитая мина на лице парня смягчилась и, пожимая мне

руку, он улыбнулся. Настоятель Халид что-то одобрительно проворчал и своим мягким баритоном позвал меня за собой вглубь конюшни.

– И тебе светлой зари, настоятельница Шарлотта. Сестры-новиции.

Проследив за его взглядом, я увидел с полдесятка фигур, сидящих на сложенных штабелями мешках: сестры из монастыря наверху, сообразил я. Все в белых рясах и чепцах, кроме сурового вида женщины в черном. Эта стояла там, где остальные сидели. Она была старше и очень худая, можно сказать, даже тощая. Ее лицо уродовали четыре длинных шрама, оставленных когтями.

– Божьего утра, настоятель. – Женщина взглянула на подопечных. – Благословите, девушки.

– Божьего утра, настоятель Халид, – в унисон пропели сестры.

– Это Габриэль де Леон, – представил меня Халид. – Новый сын Ордо Аржен.

Я уважительно склонил голову, но все же присмотрелся к сестрам исподлобья. Молоденькие, они сидели на мешках, положив на колени стопки листов, а в руках сжимали грифельные палочки. До меня дошло: они рисуют лошадей. Среди них я заметил сестру столь маленькую, что она сошла бы за ребенка. У нее были просто огромные зеленые глаза и веснушки. А ближе всех ко мне сидела та, прекрасней которой я не видел, – точно ангел, упавший с небес.

Жан-Франсуа закатил глаза и откинулся на спинку кресла. Габриэль поднял на него сердитый взгляд.

– Тебя что-то не устраивает?

– Я молчу, Угодник.

– Я только что слышал отчетливый стон, холоднокровка.

– Уверяю тебя, это просто ветер.

– Пошел ты, – огрызнулся Габриэль. – Она была прекрасна. Или так: она была не из тех, чьи портреты украшают галереи, и не из тех, кто виснет на руке какого-нибудь свиньи-толстосума. Не из красавиц, которых наряжают в шелка или запирают в золотых будуарах. Но я все еще помню, как увидел ее тем днем. Столько лет прошло, а будто вчера было.

Габриэль застыл и сидел так неподвижно, что мог бы сойти за отражение Жан-Франсуа. Чудовище, похоже, догадалось, насколько ему тягостно, а потому терпеливо ждало, пока угодник-среброносец заговорит вновь.

– Она была старше меня, лет семнадцати.

Справа над губой родинка, будто метка самой Девы-Матери. Одна бровь выгнута чуть сильнее, что придавало лицу выражение постоянного презрения. Кожа как молоко; овал лица – как разбитое сердце. Все в ней было неидеально, но эта ее асимметрия просто… восхищала. На ум сразу же приходили мысли о тайнах, подслушанных перешептываниях. Она сидела, положив на колени стопку пергаментных листов, на верхнем она успела наполовину изобразить крупного вороного мерина.

Настоятель Халид взглянул на ее искусную работу. Из-за шрамов было не угадать, но он, похоже, искренне улыбался.

– У тебя зоркий глаз и твердая рука, сестра-новиция.

Девушка потупила взор.

– Ваш комплимент – честь для меня, настоятель.

– Твою руку направляет Вседержитель, – сказала настоятельница Шарлотта, неодобрительно посмотрев на юную сестру. – Мы всего лишь его сосуды.

Девушка подняла на нее взгляд и кивнула: «*Véris*».

Таращиться на нее мне не стоило. По дороге в Сан-Мишон Серорук предупредил, что угодники-среброносцы дают обет безбрачия – из страха, что могут продолжить порочный род, наплодив еще больше омерзительных бледнокровок. И, клянусь, после Ильзы оспаривать это правило не хотелось. При желании я мог вспомнить ужас в ее глазах, и этот образ до сих пор не оставил меня. Я думал, до конца жизни не прикоснусь больше к девушке, тем более в обители я встретил не просто дев, а новиций Серебряного сестринства. Будущих супружниц Самого Бога.

И все же меня влекло к этой девушке. Она мельком заглянула мне в глаза, но я не отвел взгляда. Как ни странно, не отвернулась и она.

– Ну что ж, божьего утра, дочери мои, – поклонился Халид. – Да благословит вас Дева-Матерь.

– Светлой зари, настоятель. – Шарлотта щелкнула пальцами. – За работу, девушки.

Я отвел взгляд, а Халид, хлопнув меня по плечу, пошел дальше в глубь конюшни. И там, при виде ожидавшего меня подарка все мысли о сестре-новиции с волосами цвета воронова крыла вылетели из головы.

В круглом загоне стоял табун лошадей. Это были тальгостские тундровые пони выносливой породы, сосья. Ростом они уступали сородичам из Элидэна, зато шерсть у них была гуще, а желудки – просто железные. Лишений, принесенных мертводнем, эти зверюги, готовые есть что угодно, как будто не замечали. Знавал я одного человека, который божился, мол, его сосья сожрал к хренам целого пса. В загоне стояли отборные особи, а я, восхищаясь ими, снова уловил душок разложения. Задрав же голову, увидел наконец его источник.

– Матерь и Дева…

С потолка свисали двое порченых: зрелый мужчина, тощий и гнилой, и паренек, мой ровесник. Кожа бледная, вместо одежды лохмотья; они таращились на меня сверху вниз, и их глаза пылали голодным и злобным огнем.

– Не бойся, де Леон, – успокоил меня Халид. – Связанные серебром, они беззащитны, что твои дети.

Вампиры и правда покачивались, словно жуткие люстры, скованные серебряными цепями. Ни конюхам, ни сестрам, ни животным, до них, видно, дела не было никакого. Наконец я сообразил, для чего эти холоднокровки тут висят.

– Вы держите их для коней…

– Именно так, – кивнул настоятель. – Божьи твари не вы-

носят близости ночных чудовищ, но эти скакуны призваны нести нас в битву против тьмы. Мы сразу и надолго помещаем их рядом с нежитью, и так они привыкают к бессмертным. – Халид изобразил одну из своих жутких «улыбок». – У тебя острый ум, Львенок.

Я кивнул, осознав мудрость такого решения. Настоятель же вручил мне несколько кубиков сахара. Это была настоящая роскошь – после наступления мертводня почти ничего не росло, – однако Сан-Мишон с покровительством императрицы, похоже, мог себе ее позволить.

– Выбирай, сынок.

– Что, правда можно?

Халид кивнул:

– Подарок, к предстоящим испытаниям. И выбирай с умом, парень. Конь понесет тебя в битву против ужасов, что называют тьму своим домом.

– Но… как мне определиться?

– Слушай сердце – оно укажет, что твое.

Когда я рос, у *ma famille* даже овцы своей не было, а таких прекрасных животных мог держать лишь благороднорожденный. Дивясь удаче – в один день мне достались и меч, и скакун, – я вошел в кораль. И там, среди табуна, нашел своего мерина: глубокий, словно тьма полуночи, взгляд; мохнатая шкура – темнейший эбен. Грива заплетена в толстые косы, как и хвост, которым он помахивал из стороны в сторону. Именно его рисовала одаренная сестра-новиция; оказалось,

ее темные глаза вновь смотрели на меня: в тот момент, когда я приблизился к коню, она вздрогнула.

– Привет, малыш, – пробормотал я.

Он угостился кубиком сахара у меня с руки. Потом заржал и ткнулся мордой мне в лицо; ему хотелось еще, а я погладил его мохнатую, лоснящуюся голову и радостно засмеялся.

Габриэль покачал головой.

– Циники не верят в любовь с первого взгляда, но я, сука, эту лошадь полюбил сразу же, как увидел. И, скормив ему еще кубик сахара, понял, что обрел друга на всю жизнь.

– Как тебя зовут? – спросил я, ошеломленный его красотой.

– Его зовут Справедливый, – в ярости проговорила сестра-новиция.

Не успел я спросить, чем заслужил ее гнев, как воздух взрезал голос настоятельницы:

– Молчи, сестра-новиция Астрид!

– Не стану! – Она вскочила, уронив рисунки. На всех был один и тот же конь. – С какой стати этот пейзан берет себе Справедливого? Я…

Настоятельница залепила ей пощечину.

– Как ты смеешь мне перечить? Серебряная сестра ничем не владеет, не стяжает земных благ. Подчиняется старшим.

– Я еще не в Серебряном сестринстве, – с вызовом проговорила девушка.

Настоятельница ударила ее снова – так, что даже я вздрог-

нул, а от следующей оплеухи сестра-новиция упала на колени. И без того страшное лицо настоятельницы и вовсе перекосило от злости, когда она пригрозила:

– И не войдешь в него, если не оставишь своего высокомерия!

– Славно! Не больно-то хотелось!

– Кто бы сомневался! Но для приблудной дочери в этом мире есть два места, Астрид Реннье! Либо на коленях у алтаря Господа, либо на спине в борделе!

В конюшне воцарилась пугающая тишина. Астрид свирепо смотрела на настоятельницу снизу вверх. Халид явно не спешил заступаться за новицию, но вот я был тот еще дурень…

– Прошу прощения, – сказал я. – Если конь принадлежит доброй мадемуазель…

– Никакая она не мадемуазель, – отрезала настоятельница. – Она сестра-новиция Серебряного сестринства. Ей принадлежит разве что ряса. Она не заслуживает ничего, кроме наказания, которое и получит, а ты прикуси язык, если не желаешь разделить его с ней.

– Не вмешивайся, де Леон, – велел мне Халид.

Я в нерешительности посмотрел на настоятеля, а Шарлотта тем временем достала из рукава облачения кожаный ремень с коротким и острым наконечником.

– Моли Бога о прощении, – приказала она девушке.

Сестра-новиция ответила ей злобным взглядом.

– Не стану я ни о чем мол…

Не договорив, она задушенно вскрикнула, когда ремень опустился ей на спину.

– Моли, дочь шлюхи!

Астрид вскинула голову и яростно бросила:

– Пошла ты на хер.

Девушки ахнули. Жесткость во взгляде Астрид, ее упрямство потрясли меня, но больше всего удивило жестокое обращение. Я знал, каково это, когда тебя так лупцуют. Знал, сколько мужества требуется, чтобы сносить избиение молча. Плеть еще шесть раз опустилась Астрид на спину, но она не сдалась. Она бы скорее умерла, чем стала просить прощения, и я, испугавшись этого, взмолился вместо нее:

– Настоятельница, прошу, остановитесь! Если надо разделить наказание…

Я вздрогнул от боли, когда руку мне стиснули стальные пальцы, и обернулся.

– Не место тебе говорить, инициат, – предостерег меня Халид.

– Настоятель, эта жестокость переходит гр…

Он еще крепче сжал мне руку, кости чуть не треснули.

– Не. Место. Тебе. Говорить.

Я чувствовал себя трусливым выскочкой. Во рту стоял кислый привкус, в животе похолодело. Однако говорить дальше я не смел: руку ломала сокрушительная хватка, да и сам я, в конце концов, был мальчишкой. Шарлотта про-

должала лупить Астрид с таким усердием, что побагровели шрамы на лице. В тишине удары звучали звонко, и меня замутило, но вот наконец девушка сломалась, как сломался бы любой.

– Бога ради, хватит!

– Ты молишь Вседержителя о прощении, Астрид Реннье?

Щелк.

– *Oui*!

Щелк.

– Тогда моли!

– Прости! – завопила она. – Господи, молю Тебя, прости!

Настоятельница отступила и ледяным голосом велела:

– Встань.

Я беспомощно наблюдал, как плачущая девушка собирается с силами. Обхватив себя руками, она тяжело поднялась. Во взглядах прочих сестер стоял страх, страх перед Господом, и лишь одна из них смотрела с беспокойством – миниатюрная девушка с зелеными газами и веснушками. На Астрид она взирала с жалостью, которую испытывал я сам. Вот только настоятельница Шарлотта этого чувства не разделяла.

– Ты еще запомнишь, где тебе место, дочь шлюхи. Слышала меня?

– *O-oui*, настоятельница, – прошептала девушка.

– Это всех вас касается! – Шарлотта с жаром оглядела подопечных. – Вы все обещаны Богу. Вы будете служить Ему

и Его церкви, как и положено верным женам. Иначе ответите передо мной и самим адом!

Затем она сердито и с вызовом уставилась на меня. Я бы нашел, что сказать ей, но Халид все еще держал меня за руку. Вот я и смолчал.

– Приношу извинения за неподобающую сцену, настоятель, – сказала Шарлотта, плотно сжав губы.

– В этом нет нужды, настоятельница, – ответил Халид. – «Заблудшие овцы – добыча волков».

– Воистину. – Она сдержанно кивнула, услышав цитату из Заветов, и обернулась к новициям. – Идемте, девушки. Проведем этот день в молчаливом созерцании. Сестра-новиция Хлоя, помоги сестре-новиции Астрид.

Кивнув, миниатюрная конопатая девушка помогла товарке собрать вещи. Руки у Астрид дрожали; напоследок она еще успела сквозь слезы бросить на меня короткий взгляд, и когда девушки наконец вышли, Халид отпустил меня.

– Сильная воля сослужит тебе добрую службу на охоте, юный брат, – тихо произнес он. – А доброе сердце щитом закроет от опасностей тьмы. Но если снова ослушаешься моего приказа, я отволоку тебя к колесу и там сниму шкуру у тебя со спины. Ты – слуга Бога, но отныне ты – мой солдат. Понимаешь?

Я посмотрел в глаза Халиду, проверяя, не злится ли он, но говорил настоятель обыденным тоном и взгляд его был спокоен. Гнева аббат Ордо Аржен не испытывал, голоса не

повысил, и в тот момент я понял, что истинному лидеру это и не нужно.

– *Oui*, настоятель, – поклонился я.

Халид кивнул так, словно все уже забыл, а глянув в сторону ворот, за которые вышли сестры, пробормотал:

– Настоятельница Шарлотта – божья женщина, преданно служит Вседержителю и Деве-Матери. Если она сегодня утратила выдержку, ты должен ее простить. Этим вечером на мессе ты познаешь боль, новобранец, но большинство из нас ждет настоящая агония.

– Почему? Что будет на мессе этим вечером?

– Кое-кто умрет, де Леон.

Халид тяжело вздохнул и посмотрел наружу, где стоял холод.

– Один хороший человек.

VIII. Красный обряд

Когда блеклое солнце село, я под пение могучих колоколов вошел в собор.

На призыв стекались служители со всего монастыря, и было их поразительно мало: полдесятка угодников-среброносцев, где-то с десяток учеников, работники и слуги, а также монахини Серебряного сестринства. Но все же, когда мы с Аароном де Косте поднимались по ступеням собора, у меня по коже пробежали мурашки. Пусть храм и был стар, пришел в запустение, в нем ощущалась святость, а стоило войти под его своды, как у меня перехватило дыхание.

Собор вытесали из темного гранита, придав ему округлую форму – точно у печати Святой церкви Господней. По традиции в нем было два прохода с резными дверьми: на востоке, для восхода и живых, и на западе – для заката и мертвых. К куполу поднимались резные колонны выше самых величественных деревьев, а интерьер мягко освещали те же световые шарики, которые висели под потолком оружейной. Многие окна еще только восстанавливали, но от вида уже починенных захватывало дух. Сквозь огромную семиконечную звезду на фасаде с трудом проникал тусклый свет, отбрасывая на пол радужные тени. От каменного алтаря в сердце зала, словно круги на воде, расходились ряды деревянных скамей, а над ним висело огромное мраморное изваяние Спаси-

теля на колесе: руки связаны, кожа со спины содрана, горло вскрыто от уха до уха.

На алтаре горела жаровня, бурлила в стеклянной чаше серебристая жидкость, а перед ним стоял единственный серебряный кубок.

Для чего жаровня, я не понимал, но Грааль признала бы всякая богобоязненная душа. Как и в любой другой церкви Элидэна, в соборе стояла всего лишь имитация, но с ней в зале ощущалось присутствие духа Спасителя. Клянусь, я чувствовал его.

Несмотря на размеры собора, на службу пришло всего четыре десятка человек. Батист Са-Исмаэль сидел рядом со мной, вместе с другими тремя братьями-кузнецами. Мой наставник, брат Серорук, стоял на коленях в переднем ряду, посреди горстки людей в одеяниях угодников-среброносцев: черные пальто, суровые лица. Все они казались мне живыми легендами. Многие были изувечены: у кого-то не хватало кисти руки, у кого-то глаза. В дальнем конце ряда сидел угодник с жидкими седеющими волосами; он еле заметно покачивался взад-вперед. Глаза у него налились кровью, а лицо избороздили морщины боли.

Звучала легчайшая, ангельски прекрасная музыка. Это пели в унисон облаченные в черное сестры на хорах. От звука их голосов я весь покрылся мурашками, а от красоты пения в груди зажегся древний огонь.

По витой лестнице снизу к алтарю поднялся настоятель

Халид: черная ряса, на губах – вечная жуткая «улыбка». Он поднял руки, и на темной коже его предплечий я увидел серебристые татуировки: Санаил, ангел крови, скрещенные мечи и переплетенные розы, Дева-Матерь с младенцем-Спасителем на руках.

– «Я есмь слово и путь, говорит Господь», – напевно произнес Халид. – «В крови Моей грешник да обрящет спасение, а терпеливый – ключи к Моему царствию вечному».

Собравшиеся хором отозвались: «*Véris*». Так всегда отвечали прихожане на мессах. Эта старинная формула в переводе с элидэнского означала «наивысшая истина».

– Мы принимаем нового брата в этом Твоем доме, Господи. – Халид взглянул на меня. – Его рождение – мерзость, жизнь – грех. Его душа обречена на погибель, но мы молим Тебя дать ему сил превзойти порочность своего сотворения и с честью сражаться против бесконечной тьмы.

– *Véris*, – подтвердили братья.

Зазвенел алтарный колокол, а я буквально затылком ощутил дыхание Господне.

– Габриэль де Леон, – скомандовал Халид. – Подойди.

Мастер Серорук кивнул, и я, осенив себя колесным знамением, сам не заметил, как очутился у жаровни с бурлящей серебристой жидкостью.

По лестнице поднялось еще шесть человек, омытых теплым светом висевших под потолком шариков. Настоятельница Шарлотта вела трех женщин в черных облачениях с се-

ребряной окантовкой. За кружевными вуалями угадывалась напудренная кожа и багряные рисунки в форме семиконечной звезды на глазах. Но еще две девушки, шедшие следом, носили белое облачение новиций; их лица были открыты и не накрашены.

Вот они встали передо мной у алтаря, и я сразу же узнал обеих, потому что видел их этим днем на конюшне. Хлоя, миниатюрная зеленоглазая и конопатая девушка, и та самая красавица с волосами цвета воронова крыла, которую настоятельница высекла за неповиновение. Она снова посмотрела на меня своими темными глазами.

Астрид Реннье.

На моих глазах сестра-новиция Хлоя развернула кожаный футляр с оттиском в виде семиконечной звезды; внутри лежал набор игл – длинные, они поблескивали в медовом свете.

– Мы молим Бога, дабы Он ниспослал тебе сил выдержать грядущие страдания ночи, – сказал Халид, – как ниспослал Он их Спасителю. Ибо сегодня ты отведаешь малую их долю.

Я непонимающе уставился на Халида.

– Левую руку на алтарь, – приказал тот.

Как и было велено, я опустил руку на деревянную поверхность, но лишь когда сестра-новиция Хлоя развернула ее ладонью кверху, понял, что меня ждет. Хлоя протерла кожу прохладной влажной тряпицей, и в ноздри мне ударил резкий запах крепкого спирта. Затем Астрид Реннье окунула

иглу в кипевшую на жаровне серебристую жидкость. Заглянув мне в глаза, она стала произносить формулу, а остальные сестры вторили ей эхом:

Се – длань,
Владеющая пламенем,
Что освещает путь,
И обращает тьму
В серебро.

Астрид вонзила иглу мне в ладонь. Ощущение было острым и ярким, но длилось мгновение, и я лишь слегка вздрогнул, а опустив взгляд на руку, увидел капельку крови и втравленное под кожу серебро. Настоятельница Шарлотта наклонилась, изучая прокол, и сдержанно кивнула. Я тяжело сглотнул со вздохом. Было вроде не так уж и больно.

Астрид снова уколола меня в руку. Потом еще. К двадцатому разу неудобство перешло в боль, а к сотому она сменилась страданием.

Габриэль покачал головой, пристально глядя на звезду у себя на левой ладони.

– Странное это дело, когда тебя так отмечают. Чувствуешь исступленную боль, а краткие промежутки между уколами кажутся одновременно раем и адом. В неудачные дни отчим колотил меня, как собаку, но такой муки, какую причинила мне Астрид, я еще не знал. Она… жгла раскаленным железом. Я словно вышел из тела и в горячечном бреду наблюдал

за процессом со стороны.

Я не знал, выдержу ли до конца, но понимал, что это – проверка, одна из многих грядущих. Если я испугаюсь иголок, то как мне сражаться с чудовищами из тьмы? Как мне тогда отомстить за сестру, защитить церковь Господню?

Я пробовал сосредоточиться на хоре, но для меня он звучал, словно погребальная песнь. Потом закрыл глаза, но ожидание следующего укола превратилось в пытку, и я посмотрел на Спасителя.

В Заветах говорится, что его освежевали заживо. Жрецы старых богов отказались принять Единую веру, распяли его на колесе от колесницы, исполосовали шипами, жгли огнем, а затем перерезали горло и бросили в реку. Он мог бы воззвать к Отцу Вседержителю, чтобы Тот спас его, но предпочел принять судьбу, зная: это объединит церковь и распространит Его слово во все уголки империи.

В крови этой да обрящут они жизнь вечную.

И вот империи грозила гибель, а церковь оказалась под натиском нежити. Я посмотрел в глаза его изваянию и взмолился:

– Дай мне сил, брат, и я отдам тебе все.

Я потерял счет времени; к концу моя ладонь превратилась в кровавое месиво, но вот наконец Астрид выпрямилась, а Хлоя плеснула мне на руку обжигающего спирта. Сквозь кипящий туман я разглядел рисунок: метку мучеников, выполненную серебристыми чернилами.

Идеальная семиконечная звезда.

– Брат Серорук, – сказал Халид. – Подойди.

Мастер Серорук осенил себя колесным знамением и приблизился к нам.

– Клянешься ли ты перед Господом Всемогущим, что введешь этого недостойного юношу в догматы Ордо Аржен? Клянешься ли перед святой Мишон, что станешь ему рукой водящей и щитом укрывающим, покуда его окаянная душа не окрепнет, дабы смог он оберегать этот мир самостоятельно?

– Клянусь кровью Спасителя, – ответил Серорук.

Халид перевел взгляд на меня.

– Клянешься ли ты перед Господом Всемогущим посвятить себя догматам нашего Ордена? Подняться над мерзким грехом своей природы и прожить жизнь в служении Святой церкви Гоподней? Клянешься ли перед святой Мишон подчиняться наставнику, внимать его голосу, следовать за его водящей рукой и вести жизнь праведную?

Я вспомнил день, когда вернулась сестра, и понял, что среди этих братьев, в этом святом ордене обрету силы и не дам подобному ужасу повториться.

– Клянусь кровью.

– Габриэль де Леон, нарекаю тебя инициатом Серебряного ордена святой Мишон. Да ниспошлет Всемогущий Отец наш тебе отваги. Да одарит благословенная Дева-Мать тебя мудростью. Да ниспошлет единственный истинный Спаси-

тель тебе силы. *Véris*.

Я посмотрел в глаза аббату, и когда его хищная «улыбка» сделалась чуточку шире, от гордости весь покрылся мурашками. Серорук коротко кивнул – впервые удостоив знака одобрения с тех пор, как спас меня в Лорсоне. Голова шла кругом, а боль казалась благословением, но, несмотря на туман в голове, я ощущал умиротворение, какого прежде не ведал.

Вместе с Сероруком я вернулся на место. Прозвенел колокол, призывая всех встать. Сестры и новиции вокруг алтаря склонили головы. Халид же устремил свой взор на витраж в виде семиконечной звезды.

– От светлейшей радости к глубочайшей скорби. Мы призываем тебя, святая Мишон, в свидетели. Мы молим тебя, Господь Всемогущий, дабы отворил Ты врата Своего царствия вечного. – Он перевел взгляд на седеющего угодника-среброносца в дальнем конце нашего ряда. – Брат Янник, выйди вперед.

Хор смолк. Брат Янник стиснул зубы и возвел очи горе. У него было худое лицо, а у красных глаз залегли морщины, следы бессонных ночей. Сидевший рядом светловолосый парень – ученик, догадался я, – бледный от горя, крепко сжал его руку. Янник же сделал глубокий вдох и вышел к Халиду.

– Ты готов, брат? – спросил Халид.

– Готов, – надтреснутым, будто стекло от удара голосом ответил он.

– Ты твердо решил, брат?

Угодник-среброносец взглянул на семиконечную звезду у себя на левой ладони.

– Лучше умереть человеком, чем жить чудовищем.

– Тогда на небеса, – тихо произнес Халид.

Янник кивнул:

– На небеса.

Хор запел снова, и я узнал слова гимна, который исполняют на панихидах: печальную и прекрасную «*Memoria Di*». Халид двинулся к западному выходу, а Янник поплелся за ним, точно сноходящий. Один за другим во внутренний двор за дверями для мертвых вышли и остальные члены конгрегации. Я не смел заговорить, дабы не испортить момент, такой гнетущий и сакральный. Однако мастер Серорук знал, о чем я думаю.

– Это Красный обряд, Львенок, – шепнул он. – Судьба, что ожидает нас всех.

Снаружи мы выстроились в ряд и теперь смотрели, как настоятель Халид и брат Янник выходят на каменный выступ, примеченный мною ранее, и который де Косте назвал Небесным мостом. Я посмотрел на колесо у края платформы над пропастью, на реку далеко внизу, и некая часть меня догадалась, что будет дальше.

– Мы дети ужасного греха, – пробормотал мне Серорук. – И этот грех в итоге развращает всех бледнокровок. В нас живет жажда наших отцов, Львенок. Есть способы унять ее на

время, дабы мы могли заслужить место в царствии Вседержителя, но в конце концов Бог карает нас за наше кощунственное сотворение. С возрастом мы, бледнокровки, становимся сильнее, однако крепчает и бессмертный зверь, бушующий в наших смертных оболочках. Ужасная жажда, которая требует крови невинных.

– Янник… кого-то убил? – шепотом спросил я. – Выпил…

– Нет. Просто он больше не в силах выносить жажду. Чувствует, как она распространяется в нем, подобно отраве. Слышит ее, закрывая глаза по ночам. – Наставник покачал головой и чуть слышно объяснил: – Мы называем это *sangirè*, Львенок. Красная жажда. Поначалу это шепот, нежный и сладкий, но постепенно он переходит в неумолчный крик, и если не унять его, поддашься, превратишься в голодного зверя. Это хуже, чем быть нижайшим из порченых.

Серорук мотнул головой в сторону Янника и голосом, полным скорби и гордости, сказал:

– Уж лучше окончить жизнь вот так, чем утратить бессмертную душу. В конце концов выбор встает перед всяким бледнокровкой: жить чудовищем или умереть человеком.

Даже здесь слышалось пение хора. Брат Янник скинул пальто и снял блузу. Под одеждой его тело украшали татуировки: образы мучеников и Девы-Матери, ангелов смерти и надежды. Они рассказывали историю жизни, прожитой в служении Богу. Снаружи угодник выглядел крепким и здоровым, но одного взгляда ему в глаза хватило, чтобы понять:

внутри все обстоит иначе. И тогда мне вспомнилась ночь с Ильзой. Как сок ее вен ручьем потек мне в рот. Как с каждым глотком мое неистовое сердце билось только сильнее, а ее – слабее. Я вспомнил жажду, завлекшую меня столь далеко.

Во что она превратится с годами?

Во что превращусь я?

– Молим и призываем Тебя в свидетели, Отец Вседержитель, – воззвал Халид. – Как Твой рожденный сын пострадал за грехи наши, так наши братья пострадают за него.

– *Véris*, – отвечали братья.

Янник обернулся к нам и возложил руки на колесо. У меня во рту сделалось кисло, когда настоятельница Шарлотта подошла к нему с кожаной плетью, украшенной серебряными шипами. Но настоятельница лишь прижала плеть к плечам брата Янника, совершив семь ритуальных касаний, знаменующих семь ночей, в которые терпел страсти Спаситель. Затем к коже Янника прижали свечу, символ пламени, опалившего смертного сына Бога. Наконец Халид, опустив голову, достал серебряный нож. Хор тем временем почти допел гимн.

– Блаженная Дева-Матерь…

Я выдохнул.

– Страдания несут спасение, – напевно произнес Халид. – Служа Богу, обретаем мы путь к престолу Его. По крови и серебру прожил этот угодник, и так он умирает.

– В руки Твои, Господи, – прокричал Янник, – вручаю я свою недостойную душу!

Я вздрогнул, когда в руках Халида блеснул клинок и вспорол брату горло от уха до уха. На землю хлынул поток крови, и Янник закрыл уставшие глаза. Отзвучали последние ноты «*Memoria Di*», мне стало нечем дышать, а Халид осторожно, точно отец, провожающий сына ко сну, столкнул Янника за край платформы – и тот полетел вниз, навстречу водам в пяти сотнях футов под нами.

Собравшиеся осенили себя колесным знамением, а у меня в животе похолодело от страха. Среди новиций я заметил сестру Реннье: она опять смотрела на меня своими темными глазами. Тем временем Халид под звон колоколов огляделся и удовлетворенно кивнул.

– *Véris*, – сказал он.

– *Véris*, – эхом отозвались все.

Я опустил взгляд на свежую татуировку у меня на ладони, в которой пульсировала боль.

Метка жгла огнем.

– *Véris*, – прошептал я.

IX. Сладчайший и темнейший

Той ночью отдохнуть мне так и не довелось. Я лежал в казарме, вслушиваясь в скрип старых деревянных стропил. Посвященные угодники-среброносцы спали в личных кельях этажом выше, а мы, инициаты, делили общую комнату. Коек в ней было больше, чем нужно, – хватило бы на полсотни учеников, но с мессы со мной сюда вернулось человек десять.

Голова шла кругом. Всего за день я получил два прекраснейших подарка, место в святом ордене и обещал Богу свою жизнь. Но еще я видел церемонию, на которой члена этого самого ордена убили, спасая от тьмы в душе. И оказалось, что та же судьба ждет меня.

Это был только вопрос времени.

– Первый день – один из самых странных.

Я обернулся и посмотрел на парня на соседней койке – того, который держал за руку Янника, пока он не вышел к алтарю. Это был ученик погибшего угодника. Крупный, с волосами песочного цвета, а судя по его церемонной манере речи, происходил он из Элидэна. Блеснув воспаленными от слез глазами, парень искоса посмотрел на меня.

– Тот еще денек, – согласился я.

– Я бы сказал, что со временем станет проще, но лгать не привык.

– Я не в обиде. – Я кивнул. – Меня зовут Габриэль де Леон.

– Тео Пети. – Здоровяк пожал мне руку.

– Соболезную по поводу твоего наставника. Помолюсь за его душу.

Тут он сверкнул глазами и ожесточившимся голосом посоветовал:

– Прибереги молитвы для себя, сопляк. Проси Бога о том, чтобы дожить до выбора, который сделал мой учитель. И о таком же мужестве.

Он задул светильник, и комната погрузилась во мрак. Я лежал в темноте, вглядываясь в густую черноту, ворочаясь с боку на бок, пока наконец де Косте не зарычал на меня с койки напротив:

– Спи уже, пейзан. Завтра тебе пригодятся силы.

Я и не знал, насколько его слова были верными. Наутро меня разбудили колокола собора; я будто совсем не спал, а в ожидании грядущего я боялся и одновременно сгорал от нетерпения. Татуировка на ладони болела и кровоточила, но после торжественной утренней мессы брат Серорук дал мне флакон ароматного бальзама.

– «Благосерд», – пояснил он. – Из-за серебра в чернилах рука заживать будет дольше, но бальзам поможет, пока кровь не сделает свое дело. А теперь ступай за мной. И оставь меч тут. Это же не твой член, еще руку себе оттяпаешь ненароком.

Исполнив распоряжение, я вышел с наставником на воз-

дух. От холода в то утро яйца у меня чуть не втянулись в живот. В скудном и прекрасном свете, разлившимся над монастырем, мы по веревочному мосту двинулись туда, где силуэтом очерчивалась Перчатка. Внутри у меня все так и трепетало, а в морозном небе над нами нарезал круги, взывая к хозяину, Лучник.

– Наставник… куда мы идем? – спросил я.

– На твое первое испытание.

– Чего мне ожидать от него?

– Того же, что ждет тебя по жизни, Львенок. Крови.

Серорук взглянул на змеившуюся между столпами реку и вздохнул. Сегодня им владело странное настроение, но в чем причина – во вчерашнем обряде или другой напасти, – я не знал.

– Я даже немного завидую тебе, малец. Первая проба – самая сладкая. И самая темная.

Я понятия не имел, о чем он толкует, но и Серорук, похоже, не собирался отвечать на расспросы. Когда же мы вошли в Перчатку через большие двойные двери, я увидел арену для испытаний: круглую площадку под открытым небом; на мощенной гранитом поверхности бледным известняком была выложена большая семиконечная звезда. Вдоль кромки тянулись учебные манекены и странные механизмы, а на стенах висели стяги с незнакомыми гербами.

В нашу сторону тянулись бледные тени ожидавших в центре звезды людей. Впереди стоял Халид: руки скрещены на

груди, полы пальто трепещут на ветру. За спиной у него висел прекрасный меч из сребростали: двуручный, смертоносный, выше меня. Халид кивнул при нашем приближении, и мы с Сероруком низко поклонились.

– Светлой зари, инициат де Леон. Брат Серорук.

– Божьего утра, настоятель, – ответили мы.

Халид жестом обвел пришедших с ним людей.

– Это люминарии Серебряного ордена, де Леон. Они пришли засвидетельствовать твое испытание крови. Добрую настоятельницу Шарлотту, главу Серебряного сестринства и мастера эгиды, ты уже знаешь.

Опустив взгляд, я поклонился мрачной женщине. Она с головы до пят была затянута в черное монашеское облачение, а ее лицо, отмеченное четырьмя розовыми рубцами, в блеклом свете казалось отлитым из воска. Когда она улыбнулась мне тонкой безжизненной улыбкой, я мельком подумал: кто же это ее так разукрасил?

– Светлой зари тебе, инициат. Да благословит тебя Дева-Матерь.

Халид мотнул головой в сторону пожилого человека в черной рясе.

– Это архивист Адамо, хранитель Большой библиотеки и истории Ордо Аржен.

Тот моргнул, уставившись на меня сконфуженно из-за толстых стекол очков. Кожа его была сморщенной, словно намокшая бумага, волосы – белыми, как снега моей юности.

Спина сгибалась под тяжестью прожитых лет, а на покрытых печеночными бляшками руках я не заметил ни капли серебряных чернил.

– Аргайл а Сав, – сказал Халид, указав на стоявшего рядом великана. – Серафим братьев очага и мастер-кузнец Сан-Мишона.

Посмотрев мне в глаза, здоровяк кивнул в знак приветствия. Судя по ежику рыжих волос и похожей на кирпич массивной челюсти, прибыл он из Оссвея. Его левый глаз скрывало бельмо, а всю левую половину лица уродовал шрам от ожога, но самое удивительное – то, что вместо левой кисти к его руке был пристегнут кожаным ремнем протез из металла с каким-то хитрым механизмом. Бицепсы у Аргайла обхватом потягались бы с ногой иного мужчины, а светлую кожу покрывали оспинки ожогов, как у настоящего кузнеца.

– Инициат, – пробурчал он. – Да ниспошлет сегодня Господь тебе силы.

– Это сестра Ифе, – сказал Халид. – Адептка Серебряного сестринства.

Аббат показал на юную сестру подле Шарлотты, с любопытством смотревшую на меня голубыми глазами: стройная, миловидная; из-под чепца слегка выбился вьющийся локон темно-рыжих волос. В руках Ифе держала плоский ларец полированного дуба, а ее ногти были обкусаны до корней.

– Божьего утра, инициат. – Она поклонилась. – Да благословит тебя Дева-Матерь.

– Добрая сестра будет помогать в сегодняшнем испытании. Что же до мастера испытаний, – Халид со своей хищной «улыбкой» глянул на Серорука, – то он представится сам.

Я взглянул на упомянутого брата. Тот стоял подле Халида, словно резко очерченная тень: темно-серые усы, такие длинные, что можно завязать бантиком на бритой башке; глаза – как два сортирных очка. Выглядел брат старше Халида и Серорука – разменял, наверное, четвертый десяток. Он был худощав, а воротник пальто носил поднятым высоко и туго зашнурованным. Если не считать полированной ясеневой трости, оружия при нем никакого я не увидел.

– Меня зовут Талон де Монфор, я серафим охоты, – с резким элидэнским акцентом представился худой. – Ты станешь ненавидеть меня сильнее шлюхи, что исторгла тебя из своего чрева, и сильнее дьявола, поместившего тебя туда.

Я пораженно глянул на своего наставника, затем на Халида. Талон был серафимом охоты, вторым по чину угодником в Ордене, но отзываться в таком тоне о моей мама я бы этой сволочи не позволил.

– Моя мать не бы…

Хрясь! Трость Талона ударила мне по ногам.

– Ай!

– Во время испытания ты будешь говорить, когда к тебе обратятся. Понятно?

– *Oui*, – выдавил я, растирая бедро.

Хрясь!

– Что – *oui*, ты, неженка и скотоложец, любитель свинок?

– *О-oui*, серафим Талон, – задыхаясь, ответил я.

– Замечательно. – Худой глянул на Серорука, на прочих люминариев. – Можете занять свои места на трибунах, мои братья и сестры во Спасителе. Сегодня стужа, но мы быстро управимся. К концу часа либо завершим испытание, либо справим похороны.

Тут я слега побледнел, но мой наставник лишь похлопал меня по плечу:

– Не бойся. Внимай гимну, Львенок.

Вместе с Халидом и Шарлоттой Серорук двинулся к трибунам. Аргайл помог архивисту Адамо: опершись о железную руку кузнеца, старик медленно шаркал прочь со звезды. Шепчущий ветер бросал мне в лицо волосы; сестра Ифе осталась стоять рядом с серафимом, держа в руках деревянный ларец. Тощий угодник взирал на меня, словно филин, приглядывающийся к особенно сочной мышке, а я смотрел на трость у него в руке, как на готовую укусить гадюку.

– Что ты знаешь о зачавшем тебя холоднокровке, сопляк? – спросил Талон.

Вопрос застал меня врасплох. Во-первых, я не знал, что ответить. Во-вторых, от мысли о матери меня охватило негодование. Все эти годы она предупреждала меня о голоде, но ни словом не обмолвилась о том, кто я такой. Должно быть, стыдилась своего греха. Но ведь могла же как-то намекнуть…

– Ничего, серафим.

Хрясь!

– Ай!

– Говори, баловник неотесанный!

Я взглянул на каменные лица на трибунах и произнес громче:

– Ничего, серафим!

Талон кивнул.

– Ладно. Задавать следующий вопрос у меня желания не больше, чем у земли – носить тебя, но ты хоть что-нибудь понимаешь в божественных тайнах химии?

Сердце забилось чаще. У меня в деревне химия считалась темным ремеслом, поминать о котором решались только шепотом. Мама однажды сказала, что это нечто среднее между алхимией, ведовством и безумием. Не желая рисковать, я мотнул головой.

Талон вздохнул.

– Ну так позволь расширить твой так называемый кругозор, ты, членоголовый жоповлаз. Враги, с которыми тебе предстоит столкнуться на охоте, – самые смертоносные твари под Божьим небом. Холоднокровки, феи, неупокоенные, закатные плясуны, падшие… Однако Вседержитель не оставил тебя безоружным в этой бесконечной ночи. Мы научим тебя создавать нужные инструменты. Черный порошок игнис: одна искра – и он взрывается, обрушивая на чудовищ ярость неба. Серебряный щелок жжет плоть врагов. «Кроно-

щит», «Благосерд», «Мертводух», «Терновник». – Из внутреннего кармана пальто Талон достал фиал с багряным порошком. – И, наконец, величайший дар из всех.

У меня пересохло во рту. Это был тот самый порошок, который Серорук и де Косте курили по пути сюда, на привалах у обочин Падубового тракта. От его дыма глаза у них наливались кровью.

– Что это, серафим?

– Это, ссанина ты безмозглая, санктус. Химическая вытяжка из того, что течет в жилах наших врагов. С ее помощью мы ослабляем жажду, унаследованную от чудовищ, которые нас зачали, и высвобождаем Господние дары, дабы сподручнее было отправить врагов назад в преисподнюю.

– То есть это…

Он кивнул.

– Кровь вампиров.

– В рот меня… – выдохнул я.

– Заветы называют содомию смертным грехом, так что это не ко мне. – Талон коротко улыбнулся. – Хотя ты хорошенький, де Леон, и твое предложение льстит.

Я хихикнул, приняв ответ за остроту.

Хрясь!

– Ай!

– Санктус – священный дар святой Мишон. Величайшее оружие бледнокровки против бесконечной ночи и нашей проклятой природы. Сегодня ты начнешь овладевать им и

своими дарами. Первый шаг, целочка ты рваная, – это определить, к какому из четырех кланов принадлежал бессмертный хер твоего папаши. Но прежде, чем мы начнем… – Он раскрутил трость на пальцах и нахмурился. – Ты должен дать мне на это разрешение.

Я сглотнул, растирая ногу.

– Разрешение, серафим?

– Бледнокровкам запрещено использовать свои дары друг на друге без согласия под страхом наказания плетью. Мы братья по оружию, де Леон, нас роднят и цель, и кровь, и мы должны доверять друг другу как никому другому. Итак, ты согласен?

Я в нерешительно взглянул на сестру Ифе.

– А что будет, если нет?

Хрясь!

– Ай!

– Так. Ты. Согласен?

– Согласен!

Талон кивнул, прищуриваясь, я же ощутил очень странное чувство, словно кто-то легонько провел пальцами мне по черепу. Словно кто-то зашептал у меня в голове. Я поморщился, будто в глаза мне ударил луч света.

– Что… ч-что вы творите?

– У вампиров есть общие способности, которые наследуют все бледнокровки, но есть и уникальные, свойственные отдельным кланам. – Талон указал на один из гербов на сте-

не: белый ворон в золотом венце. – Железносерды, вампиры крови Восс. Их плоть – как сталь, бывает неуязвима для серебра. Старейшины клана выдерживают и яростное пламя, но куда большее опасение вызывает их умение читать мысли слабых людей.

Мне стало ясно, откуда это странное чувство: серафим, сука, залез ко мне в голову, стал тенью в моем сознании. Внезапно он отпустил меня.

– Учись лучше закрывать разум, идиот ты мой слюнявый, – предупредил Талон. – А не то вампиры Восс распотрошат твою никчемную башку.

Я зажмурился и тряхнул головой, сообразив, что Талон унаследовал дары Железносердов. Кем тогда был мой отец? Чем же особенным наградила меня его окаянная кровь? Я немного пал духом от мысли, что серафим так запросто влез ко мне голову, но вместе с этим трепетал в предвкушении, когда же раскроется мой дар.

Серафим тем временем указал на другой герб с шитьем в виде двух черных волков и двух узорчатых красных кругов – лун Ланис и Ланэ.

– Клан Честейн, Пастыри. Этим холоднокровкам подвластны животные. Честейны видят их глазами, управляют зверями, как марионетками. Старейшины клана даже умеют принимать облик облюбовавших мрак созданий: летучих мышей, кошек, волков. Когда охотишься на Честейна, сопляк, зверям доверия нет, ибо те из них, что зрячи во тьме, –

во власти вампиров.

Серафим кивнул в сторону третьего герба: щит в форме сердца, который омывает волна прекрасных роз и змей.

– Клан Илон, Шептуны. Эти – опаснее мешка сифилитических змей. Сломить волю слабого умеет любой вампир, но Илоны играют чувствами: подогревают гнев, усиливают страх, воспламеняют страсть. А если охотник не может положиться на собственное сердце, на что ему опереться тогда?

Талон махнул тростью в сторону последнего герба: белый медведь и разбитый щит на синем поле.

– Клан Дивок, Неистовые. Обладают силой, при виде которой прочие гнилые выблядки ночи обделывают свои нечестивые панталоны. Эти твари голыми руками порвут на части взрослого мужчину. Старожилы их клана кулаками пробивают крепостные стены, а от их поступи дрожит земля. Прочие холоднокровки рядом с ними – беззащитные дети.

У меня закружилась голова, а Талон обратился к стоявшей рядом монахине:

– Добрая сестра?

Ифе открыла ларец, из которого достала фигурную серебряную трубку, выполненную в форме Наэль, ангела благости: сложенные ладони образовали чашечку, в которую Талон отсыпал щепотку санктуса.

– Итак, чудовище, что обрюхатило твою мамашу, принадлежало к одному из этих четырех кланов. И тебе передался его дар крови, пусть и жиденький. Помнишь, как начал про-

являть какие-нибудь странные способности? Ребенком тебя не тянуло к животным? Не получалось делать так, чтобы всегда выходило по-твоему? Или, может, ты заранее знал, что скажут другие?

Я прикусил губу.

– Моя сестра Амели… Ее убил холоднокровка, и она вернулась домой порченой. Я сражался с ней голыми руками.

– Хм-м-м… – Талон кивнул. – Возможно, ты из Дивоков. Та же проклятая кровь течет в жилах нашего настоятеля. Отлично. С этого и начнем.

Я обернулся, и Халид кивнул мне с трибуны. От мысли, что я из одного с ним рода, у меня внутри снова все затрепетало.

Талон трижды ударил о плиты палкой. Заскрипел, смещаясь, промасленный камень, и в центре звезды открылся люк.

К нам на цоколе из темного гранита поднимался тот самый порченый, которого Серорук привез в монастырь из Лорсона. Его серая, покрытая пятнами кожа напоминала пустошь, рот – усеянную лезвиями яму. Он был прикован к полу серебряной цепью, от прикосновения которой шипела и дымилась его плоть. Взглянув в пустые глаза порченого, я будто снова перенесся в тот день, когда домой вернулась сестра.

Открылись и другие секции семиконечной звезды, и на цоколях из них поднялась свора бойцовых волкособов; их тоже крепко держали стальные цепи. Твари заходились бе-

шеным лаем на порченого в центре звезды, но чудовище смотрело только на меня полными бесконечного голода глазами.

Талон поднес к моим губам серебряную трубку с длинным мундштуком.

– Затянись поглубже, – посоветовал он. – Как святая Мишон собрала кровь Спасителя с колеса и обернула грех его смертоубийства на благо святого Божьего промысла, так и мы оборачиваем на благо собственный грех. В величайших ужасах закаляются величайшие герои.

Все еще в нерешительности я посмотрел на наставника, затем на сестру Ифе. Она взглянула на меня ярко-голубыми глазами и прошептала из-за вуали те же слова, которые сказал мне Серорук:

– Внимай гимну.

Сердце колотилось, в животе гнездился страх, но если это испытание, то я не провалю его на глазах у люминариев Ордена. Серафим Талон вложил трубку мне в уста, чиркнул огнивом и велел вдохнуть дым – и поглубже.

Делая наброски у себя в книге, Жан-Франсуа глухо пробормотал:

– Первая проба всегда самая сладкая. И самая темная.

– Как и обещал Серорук. – Габриэль кивнул. – Знал бы я тогда, что он имеет в виду, бросился бы наутек, назад к мама, в ее объятия, захлопнул бы дверь перед тьмой, обитающими в ней ужасами и людьми, ходящими на окованных серебром

каблуках. Ибо в тот день Талон, дав мне затянуться чудесной отравой, ковал не героя. Он ковал цепь, которую мне было не разорвать.

Начиналась она в серебряных ладонях ангела. С тонкой струйки алого дыма, который тянулся у меня на языке. Внутри меня все будто налилось свинцом и в то же время стало легче перышка. Я полыхал, услышав первые нотки симфонии: светлой, как небеса, и красной, как кровь.

Внимай гимну, Львенок.

– Боже, – выдохнул я. – О пресвятой и благой Спаситель…

Не знаю, насколько я забылся, пока с боем пытался оседлать эту волну и, омытый кипящим багрянцем, собирал осколки чувств. Помню только звук, заставивший меня вынырнуть. Ему хватило силы и пронзительности, чтобы пробиться через ноты кровокрасной симфонии. Разбуженный, я слышал металлический звон.

Открыл глаза, и мое грохочущее сердце ушло в пятки.

Порченый несся прямо на меня.

X. Кровь слабых

Ни серафима Талона, ни сестры Ифе нигде не было видно. Я остался один. Без оружия. Мгновения превратились в минуты, минуты – в часы, а на меня, выпростав руки со скрюченными пальцами, летело чудовище. Вблизи холоднокровки волкособы заходились безумным лаем. Сердце мое мчалось галопом, а в левой ладони загорелось серебряное пламя.

Меня воспитывали в Единой вере. Каждый *prièdi* я ходил в часовню и молился перед сном. Я любил Бога, боялся Его. Поклонялся Ему. Но впервые я ощутил Его присутствие. Его любовь. Во мне проявилась Его сила. Я двигался так, словно за плечами у меня развернулись ангельские крылья. Порченый раззявил рот, вывалив распухший язык, но я отшагнул в сторону, и чудовище пронеслось мимо и врезалось в стену.

Я подобрал конец серебряной цепи и ударил им как хлыстом. Тварь обернулась и схватила меня за горло нечестивой хваткой, но я нашел в себе силу – ту самую, которую ощутил в день, когда Амели вернулась домой. Я раз, потом другой крутанул запястьем, наматывая на кулак цепочку. Замахнулся и как следует врезал чудовищу прямо по черному раззявленному рту.

Затрещала кость, полетели выбитые зубы. Тогда я саданул снова, почти не слыша глухих чавкающих звуков, с которыми серебро впивалось в зловонную плоть. На плече у

меня сидел старинный друг – ненависть, а разум осветился образом сестры, танцующей под музыку, которую слышала она одна, под гимн, звучавший теперь и для меня – красный, красный, красный. Когда я закончил, от головы чудовища осталось только черное пятно на стене, бесформенный комок костей и плоти, свисающий со сломанной шеи.

Внимай гимну, Львенок.

Я отпустил порченого, и он упал. Глаза мне застило красным, все ангелы запели в унисон. Моя правая рука превратилась в кровоточащее месиво, кулак сбился до кости. Мне казалось, будто я вырос так, что, привстань я на цыпочках, и саму Деву-Матерь в уста поцелую. Но тут с трибун прокричал Талон:

– Не страшно. Следующий!

Я услышал топот множества лап, скрип когтей по камню, и обернувшись, увидел, как на меня летит свора волкособов. Не зная, куда деваться, я сжал в окровавленном кулаке цепочку. Десяток тварей мчался на меня, выпучив глаза и ощерив пасти. Чувствуя вздымающуюся панику, я раскрутил цепочку, над головой, думал так отпугнуть их. Попятился к стене, а волкособы замедлились, рыча и обступив меня плотным кольцом. Почему они напали на меня? Вредить им желания не было, но и кормом для них становиться – тоже; над головой свистела окровавленная цепь, а в мозгу неистово звучал кровогимн.

– Вели им отойти! – крикнул Серорук. – Командуй ими!

– Пошли нахер! – зарычал я на тварей. – Прочь, ублюдки!

– Не голосом, ты, безмозглый скотоложец! – бросил Талон. – Разумом!

Как сделать то, чего от меня хотел серафим, я даже не догадывался, но все же попробовал. Продолжая раскручивать над головой цепочку, упер взгляд в самого крупного волкособа, зверюгу с кривыми зубами, пятнистой шкурой и сверкающими глазами. Я сам ощерился и мысленно зарычал на него, чувствуя себя последним дураком. И пока я был сосредоточен на самом крупном паршивце, один из мелких рискнул и, прошмыгнув под цепочкой, кинулся мне на грудь.

Выругавшись, я отпихнул его, но мне в бок тут же врезалась туша потяжелее. В предплечье, прокусив кожу и мясо, впились зубы. Заорав, я ударами попытался сбить волкособа с руки. Еще один бросилась мне в ноги и опрокинул, укусил в плечо; по спине потекла горячая кровь. Тогда я снова отмахнулся цепью, и шавки разлетелись в стороны, но их было так много – я даже не знал, куда смотреть. И вот они стали рвать меня, а я закрылся руками и закричал, не понимая, что же привело их в такое бешенство. Они были словно одержимые, будто не владели собой.

– А, – произнес Жан-Франсуа, – понятно.

– *Oui*, – ответил Габриэль. – Потом они резко отступили, а я, весь в крови, перекатился, встал на ноги и снова подхватил цепь. Шавки пятились, облизывая окровавленные зубы и глядя теперь только на брата Серорука: наставник взмахнул

рукой, и волкособы вернулись на звезду, словно послушные северные овчарки по приказу пастуха.

Под взглядами собравшихся серафим Талон снова ступил в круг. Гремя каблуками о гранит, он в сопровождении сестры Ифе шел ко мне. Я едва стоял, по разодранным рукам и ногами стекала горячая кровь. Кровогимн панихидой звучал в голове, санктус все еще бежал по моим жилам вместе с гневом.

– Что ж, ты точно не Честейн. С животными у тебя никакой связи. – Талон взял меня за руку. – И не Восс, как я посмотрю: твою нежную кожицу порвали, как бумажку.

– Руки, нахер, убери!

Талон обратился к Халиду:

– Да он никак расстроился, добрый настоятель!

– Меня чуть не убили!

Талон фыркнул:

– Ты бледнокровка, сопляк. Так просто тебе не сдохнуть. Пара часов – и от ран следа не останется. – Серафим огладил свои внушительные усы и раскрутил в пальцах треклятую трость. – Наши дары проявляются в моменты опасности, которые как раз создает испытание. Так что хорош скулить, ты, мелкий тупорылый говномес.

– Вы сделали это намеренно? – Я посмотрел в глаза собравшихся. – С ума сошли?

– А ты, выблядок? – улыбнулся Талон.

Я заскрипел зубами и сжал кулаки.

– Я бы на твоем месте не стал этого делать, маленький ты мой деревенщина, – предупредил Талон. – Ударишь серафима Серебряного ордена без нужды, и тебе всыплют плетей не хуже, чем инквизитор на День ангела благости. – Он огладил свои длиннющие усы и едва заметно улыбнулся. – Но, возможно… если бы я ударил тебя первым…

– Что?

– Если я ударю первым, можешь дать сдачи. Кровь за кровь, а, настоятель?

Халид кивнул ему с трибуны:

– Кровь за кровь.

– Ну так дай мне повод, ты, бестолковый членосос, – бросил Талон. – Используй гнев. Используй ярость. Используй негодование, от которого так дрожат твои милые губешки, и заставь меня ударить. А если ударю первым, дашь мне сдачи. Вот и разозли меня, парень. Приведи в ярость.

– Я…

Хрясь!

– Давай! Пробуди во мне злость!

– Я не…

Хрясь!

– Да прекрати уже, во имя мучеников!

– Разозли меня! – Талон с пугающей силой толкнул меня на стену. Приблизился почти вплотную, и я увидел его пронизанные венами краснющие глаза. Серафим зашипел, оскалив клыки: – Прими то, что внутри тебя! Проклятие в

твоей крови!

Я стиснул зубы, в висках стучало. Сестра Ифе даже не пошевелилась, чтобы помочь мне, а люминарии взирали на меня с трибун холодно и безучастно. Но мое испытание еще не кончилось, и мне хотелось заслужить место в их рядах, узнать, какие дары оставил мне отец. И тогда я постарался прислушаться к словам Талона. Я принял свою ярость, это пламя северянина в моих жилах, и ощутил его так явственно, будто под кожей у меня и впрямь горел огонь; вообразил, как горит серафим, как из меня вырывается поток пламени и охватывает его. Сжав окровавленные кулаки и тяжело дыша, я сосредоточил весь свой гнев и боль, направил их в Талона.

Выпучив глаза, он коротко втянул воздух.

– Нет, – наконец со вздохом произнес он. – Совсем ничего.

Талон отпустил меня. Поблескивая своими похожими на выгребные ямы глазами, серафим охоты отвернулся, огладил усы и посмотрел на люминариев. Серафим Аргайл, прикрыв рот металлической ладонью, что-то хмуро шептал на ухо Халиду. Лицо Серорука напоминало маску. Архивист Адамо, похоже, уснул, уронив голову на плечо Шарлотте. Меня терзала неуверенность; из-за санктуса боль в ранах ощущалась, как притушенное пламя, с пальцев на сапоги капала кровь. Сестра Ифе взирала на меня обеспокоенно и тем не менее не сделала и шага в мою сторону. Серафим тем временем медленно повернулся на месте, чиркнув каблуками по плитам, и поджал губы.

– Давненько нам твой брат не попадался. Как же это удручает.

– В каком смысле?

– В таком, что ты не особенно-то и одарен. – Серафим махнул уркой в сторону порченого, которому я размозжил башку. – Да, ты силен, как и всякий бледнокровка, но ты явно не потомок клана Дивок. У тебя нет связи с животными, и твоя кожа не противостоит увечьям, так что из списка вычеркиваем еще и Честейнов с Воссами. Но и к управлению чужими чувствами таланта у тебя нет, так что ты не Илон.

– Тогда… кто же я?

Талон окинул меня кислым взглядом.

– Слабокровка.

Я глянул на наставника.

– Кто-кто?

– Отпрыск слишком молодого и слабого вампира, которому нечего было передать тебе, – ответил Талон. – У тебя нет клана. Никаких даров крови, кроме тех, которыми наделены мы все.

Я сразу забыл о боли в ранах. Внутри у меня все опустилось, хотя я даже толком не понимал отчего.

– В-вы уверены? Может, меня еще не до конца про…

– Я уже десять лет как серафим охоты, сопляк. Испытаний провел столько, что слабокровку вижу сразу. – Талон скривился в улыбке. – И один такой прямо передо мной.

Огладив усы, серафим развернулся и пошел прочь по ри-

сунку в виде звезды. Сестра Ифе наконец подошла ко мне и, похлопав по окровавленному плечу, пробормотала:

– Тебе все равно предстоит творить Божий промысел, инициат. Храни любовь Девы-Матери в сердце и учение Вседержителя в голове – и все будет хорошо.

Я взглянул на Серорука и настоятеля Халида. Звучание кровогимна еще не отпустило, разодранные конечности дрожали, а пропитанные потом волосы лезли в глаза.

– Я разочарован, – произнес напоследок Талон, и меня словно ударили под дых.

XI. Как работают истории

Р*азочарован.*

Всю ночь это слово не шло у меня из головы. И если новости о новом ученике как-то обескуражили Серорука, он этого не показывал: держался стойко, ведя меня назад в казарму. А вот сердитая мина мастера-кузнеца Аргайла, поджатые губы настоятельницы Шарлотты, слова серафима Талона меня не оставляли. Его голос так и звучал у меня в ушах, пока я сидел у себя на койке и чистил от крови сапоги.

Разочарован.

– Все равно бы пробил его сраный блок, – прорычал я.

– Вы только посмотрите, что черви не доели, – произнес кто-то.

Я поднял взгляд и увидел в дверях Аарона де Косте в компании другого инициата, высокого брюнета по имени де Северин. Тот держался, как и де Косте, – так, будто он и сват, и брат самому императору. А судя по паршивейшей улыбке на лице Аарона, слух о моем испытании уже разошелся среди инициатов.

– Я знал, что ты худородный, Котенок, – усмехнулся он. – Только не думал, что настолько.

– Хрен тебе в ноздри, де Косте. Предупреждаю, больше я этого терпеть не стану.

– Думаю, это логично, – пробормотал барчук в сторону де

Северина. – Пейзаны-вампиры возлежат с пейзанками. Такой себе мазок в картине о буднях деревенщин.

Его приятель хохотнул, и во мне разгоралось пламя.

– Моя мать не пейзанка. Она из рода де Леон.

– О, хозяйка поместья, не сомневаюсь. И убогая дырень, из которой мы тебя вытащили, это ее летняя усадьба, да? – Аарон задумчиво свел брови к переносице. – Или так, летняя конура?

Де Косте был старше меня, года на два-три, да еще и выше на несколько дюймов. Побить я его вряд ли смог бы, но – готов был Богом поклясться – дерзнул бы, отпусти он еще шуточку про мою мать.

– Да, у меня нет клана, – отрезал я. – Но я все равно бледнокровка. И могу сражаться.

Де Косте рассмеялся:

– Уверен, у Вечного Короля от страха поджилки дрожат.

– Как и положено, сука, – бросил я и снова принялся чистить сапоги.

Барчук подошел к кровати и, не сводя с меня взгляда, взял со столика рядом Заветы.

– Так вот кем ты себя возомнил? Отважный маленький Габриэль де Леон скачет к наваленному из трупов престолу Фабьена Восса, с новеньким серебряным мечом наголо, и в одиночку спасает мир? – Аарон рассмеялся. – Смотрю, ты ни хрена не понимаешь.

– Я знаю то, что мне нужно знать. Мне было предначер-

тано здесь оказаться, а этот орден – единственная верная надежда в войне против Вечного Короля.

– Никакая мы не надежда, Котенок.

Я сердито взглянул на него.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что мой брат Жан-Люк – шевалье в императорской армии, в Августине. Золотое войско. Собранные в столице силы сметут Вечного Короля, не успеют его хромые шавки доковылять до Нордлунда. О, наше дело, может, и правое, но печальная истина в том, что при дворе никто не верит, будто угодники-среброносцы хоть что-то решают. – Аарон, скривившись, обвел казарму рукой. – Единственная причина, по которой на этот монастырь выделяют деньги, в том, что императрица Изабелла очарована мистицизмом, а император Александр любит, когда новая жена ему отсасывает.

– Не пизди, де Косте, – сказал я.

– Тебе-то что об этом знать, слабокровка? – вздохнул де Северин.

– Знаю, что Господь направил меня сюда. Моя сестра погибла от рук этих чудовищ, и если я хоть как-то могу остановить их, то сделаю все возможное.

– Молодец, – ответил Аарон. – Такая вера, такое рвение… и все же ты – лишь ссаки на ветру. Ну, взгляни на себя. *Ma famille* может отследить свои корни до самого Мученика Максимилля. Моя мать – баронесса богатейшей провинции Нордлунда и…

– И все же опустилась до сношания с вампиром.

Де Косте замолк, но тут вошел Тео Пети. Здоровяк был одет в кожаное пальто, но блузу под ней не зашнуровал: я разглядел кусочек поблескивающей металлом татуировки. От костяшек пальцев и до локтя левой руки Тео тянулся прекрасный ангел, а на груди, кажется, виднелся рычащий медведь. С собой ининциат нес тарелку куриных ножек и, плюхнувшись на кровать, принялся шумно грызть их.

– Вот это-то и забавно в высокородных дамах, – вслух подумал Тео. – Встав на четвереньки, они становятся вровень с простыми бабами.

– Вены – канавы, рот – помойка. Кто это? – усмехнулся де Северин. – Тео Пети! Влез, когда его никто не спрашивал.

– Мы все тут бастарды нежити, Аарон. Все мы дерьмо на подошвах императорских сапог. Все мы прокляты. – Тео ткнул в лицо де Косте куриной ножкой и, жуя, договорил: – Так что давай уже заканчивай с этими своим проповедями несчастного барчука, ага?

Аарон ответил ему сердитым взглядом.

– Может, твоего наставника и забрала *sangirè*, но это не повод забывать о манерах, Пети. Тут я старший.

Тео на миг перестал жевать и сверкнул глазами.

– Помянешь моего наставника еще раз, и мы твои слова проверим на деле, Аарон.

Де Косте смерил здоровяка взглядом, но напирать ему, похоже, не сильно хотелось. Вместо этого он улегся на по-

душку и еле слышно пробурчал:

– Куцый хер…

Тео улегся на кровать с ногами и насмешливо произнес:

– Твоя сестрица говорит иначе.

Я тихонько хихикнул, делая в уме пометку.

– Ты над чем это смеешься, Котенок? – прорычал Аарон.

Я метнул в де Косте ядовитый взгляд, но спор, похоже, разрешился. Тогда я посмотрел в глаза Тео и молча кивнул ему в знак признательности. В ответ здоровяк равнодушно пожал плечами – видно, дело было не столько в защите моей чести, сколько в личной неприязни Тео к де Косте. Вот так я, притихший, избитый и без друзей, вернулся к чистке сапог, стараясь не сильно переживать из-за провала в Перчатке. Я не принадлежал ни к одному из кланов, и у меня не оказалось даров, кроме тех, которые наследуем все мы. Об отце я ничего не узнал, но несмотря на слова Аарона, несмотря на испытание, я по-прежнему верил: сюда меня привела судьба. Бог хотел, чтобы я прибыл в Сан-Мишон. Слабокровка я или нет.

Габриэль ненадолго умолк, глядя на сцепленные пальцы рук.

– Хочешь знать, что самое страшное, холоднокровка?

– Ну, поведай мне об ужасах, Угодник, – ответил Жан-Франсуа.

– Позднее той ночью, лежа в постели, когда от ран уже остались одни воспоминания, я обдумывал сказанное де Ко-

сте о его служивом брате. О том, что монастырь восстанавливают лишь по прихоти императрицы. И первым делом мне в голову пришла мысль не о людях, которых удастся спасти, если Золотое войско сокрушит Вечного Короля. Не о солдатах, которые погибнут, атакуя его, и не об ужасе грядущей войны. Первым делом я помолился, чтобы она не закончилась без моего участия.

Габриэль со вздохом посмотрел в глаза летописцу.

– Представляешь? Я боялся, что не успею.

– Разве не о том грезят все юноши с мечами? Добыть славы или героически погибнуть?

– Слава, – фыркнул Габриэль. – Вот скажи мне, вампир, если смерть такая славная, то что же ее раздают так задешево самые недостойные люди?

Последний Угодник покачал головой.

– Я понятия не имел, что грядет и кого из меня слепят. Знал только: отныне это – моя жизнь, и снова поклялся себе стараться изо всех сил. Что бы там Аарон ни говорил, я нутром чувствовал: Сан-Мишон – спасение империи. Искренне верил в свое предназначение, будто все это – убийство моей сестры, Ильза, проклятая и греховная кровь в моих жилах – часть Божьего замысла. И если довериться Ему, молиться, превозносить имя Его и следовать Его слову, то все получится.

Габриэль фыркнул, глядя на ладонь с меткой-звездой.

– Вот ведь я, сука, был дурень.

– Не унывай, де Леон, – тихим, как шуршание пера, голосом произнес холоднокровка. – В своих надеждах ты был не один. Однако никому не дано превзойти врага, которому неведома смерть.

– Снега Августина пропитались не только человеческой кровью. В ту ночь вы гибли толпами, холоднокровка.

Вампир пожал изящными плечами.

– Наши мертвые остаются лежать. А ваши восстают против вас.

– По-твоему, это хорошо? Скажи, ты ведь задумываешься, к чему все это приведет? После того как чудовища, которых вы наплодили, осушат эти земли, выпив мужчин, женщин и детей, вы все подохнете с голоду. Что порченые, что высококровные.

– Отсюда и потребность в жестком правлении. – Вампир огладил бледными пальцами вышитых волков на кафтане. – Императрица, устремленная к созиданию, а не к разрушению. Фабьен Восс поступил мудро, используя в качестве оружия грязнокровок, но их время на исходе.

– Порченые превосходят вас числом, полсотни на одного. Есть четыре крупных клана крови, и у каждого на службе рабы-мертвецы. Думаешь, они вот так без боя отдадут свои легионы?

– Пусть бьются сколько угодно. Все равно проиграют.

Габриэль с холодным расчетом посмотрел на чудовище. В его жилах все еще гремел набатом, обостряя не только

чувства, но и ум, кровогимн. Лицо холоднокровки было каменным, а глаза напоминали жидкую тьму, но даже самая гладкая глыба могла поведать историю – тому, кто обучен ее видеть. Несмотря ни на что – резня, предательство, неудача, – Габриэль де Леон оставался охотником и свою добычу знал. В мгновение ока он увидел ответ, четкий и ясный, словно сам вампир написал его на странице своей проклятущей книжонки.

– Вот для чего вам Грааль, – выдохнул он. – Думаете, чаша дарует вам победу над остальными кланами крови.

– Детские сказки мою императрицу не занимают, Угодник, а вот твоя история ей интересна. – Чудовище постучало по книжке у себя на коленях. – Так что, будь добр, вернись к ней. Ты был пятнадцатилетним юношей, рожденным во грехе от вампира, когда тебя притащили из провинциальной дыры в неприступный монастырь святой Мишон. Потом ты вырос и, сдержав клятву, стал образцовым воином Ордена. О тебе слагали песни, де Леон. Черный Лев, хозяин Пьющей Пепел, убийца Вечного Короля. Как можно подняться с такого дна и стать легендой, – чудовище скривило губы, – чтобы потом пасть так низко?

Габриэль плотно сжал губы и посмотрел на огонек светильника. Красный дым все еще действовал, обостряя не только ум, но и воспоминания, среброносец провел пальцем по буквам под костяшками пальцев, которые складывались в слово «терпение».

Прожитые годы казались мгновениями, и мгновения эти он видел кристально ясно. Он ощущал запах ландыша, а в его мысленном взоре отражалось свечное пламя. Он словно наяву чувствовал, как под его руками покачиваются гладкие бедра, видел вожделение в темных глазах, а вишнево-красные уста касались его губ, и впивались в голую спину ногти. Он услышал горячий, отчаянный шепот и, сам того не ведая, еле слышно повторил за ним:

– Нам нельзя этого делать.

Жан-Франсуа склонил голову набок.

– Нет?

Габриэль моргнул, возвращаясь назад, в холодную башню, к мертвой твари. Во рту стоял вкус пепла, в ушах – крики чудовищ, что веками обманывали смерть, но принимали ее от его руки. А потом он посмотрел в глаза холоднокровки и голосом, в котором угадывались тень и пламя, произнес:

– Нет.

– Де Леон…

– Нет. У меня сейчас нет желания рассказывать о Сан-Мишоне, если не возражаешь.

– Я возражаю. – На безупречном лбу Жан-Франсуа залегла тонкая морщинка. – Хочу послушать о твоих годах в монастыре бледнокровок. О твоем ученичестве, восхождении.

– И наслушаешься, только в свое время, – прорычал Габриэль. – У нас с тобой впереди целая ночь. И, готов спорить, все ночи, сколько потребуется. Но если ты ищешь зна-

ний о Граале, то нам стоит вернуться ко дню, когда я его нашел.

– Истории рассказывают не так, Угодник.

– Это моя история, холоднокровка. Она – последнее, что я расскажу на этом свете, поэтому, если ты принимаешь у меня исповедь, как священник, то поверь: я лучше знаю, в каком порядке мне, сука, перечислять свои грехи. К концу истории мы вернемся в Лорсон, Шарбург, к красным снегам Августина и, *oui*, в Сан-Мишон, но сейчас я расскажу о Граале: как он попал ко мне, как я его утратил. Если я обещаю, что твоя императрица в конце получит все ответы, то так оно и будет.

Жан-Франсуа крови Честейн глухо зарычал с недовольством, едва заметно оскалив клыки. Но в конце концов огладил перья воротника и уступил, дернув подбородком.

– Что ж, ладно, де Леон. Поступай как знаешь.

– Как всегда, холоднокровка. И в этом, сука, полбеды.

Последний Угодник откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком у подбородка.

– Итак, – со вздохом произнес он, – все началось с кроличьей норы.

Книга вторая
Бесконечная ночь

К стенам пришло воинство великое и ужасное, и защитники города дрогнули, ибо среди мертвых увидели они лица тех, кого прежде знали: погибших любимых и павших товарищей. Но Черный Лев воздел меч свой к небесам, и при виде его мрачного царственного лика, при звуке его голоса, сердца их вновь наполнились верой.

– Оставьте страх, – велел он. – Примите ярость.

– Жан-Себастьен Рикар, «Битва при Бах-Шиде»

I. Несправедливость

– До наступления ночи оставалось целых два часа, – сказал Габриэль. – Я ехал на север через разрушенные фермерские угодья, по раскисшей от серой мороси дороге. Ветер доносил первое дыхание суровой зимы, а земля кругом казалась какой-то неживой. Мертвые деревья обвивал бледный грибок, а дорога была просто милями пустой черной каши. Деревни, мимо которых я проезжал, напоминали города-призраки: постройки пустые, зато кладбища полные. Мне уже много дней не встречалось живой души. Прошло десять

лет с тех пор, как я проезжал по землям императора Александра, третьего своего имени, последний раз, и с тех пор все стало только хуже.

– Когда это было точно? – спросил Жан-Франсуа.

– Три года назад. Мне тогда исполнилось тридцать два.

– И где тебя носило?

– На юге. – Габриэль пожал плечами. – В Зюдхейме.

– Что же ты оставил свой любимый Нордлунд?

– Терпение, холоднокровка.

Вампир молча надул губы.

– От дождя меня спасало старое пальто: выцветшие пятна крови, черная кожа. Треуголка натянута на самые уши, а воротник поднят высоко, как учил меня мой старый наставник. Впервые я этот наряд примерил годы назад, а он все сидел как влитой. На поясе в потертых ножнах висел меч, и я, низко опустив голову, ехал навстречу непогоде сквозь жалкую пародию на день.

Справедливый дождь не любил. Он его всегда ненавидел, но как обычно упорно шел дальше через холодную и тихую пустоту. Красавец, а не конь: вороной, отважный и надежный, что твоя замковая стена. Даром что мерин, яйца у него были покрепче, чем у многих жеребцов, которых я видел.

Жан-Франсуа поднял взгляд.

– Ты так и ездил на прежнем коне?

Габриэль кивнул.

– Жизнью нас обоих слегка потрепало, но, как и обе-

щал настоятель Халид, Справедливый оставался мне самым преданным другом. В какой-то момент я перестал считать, сколько раз он спасал мне жизнь. Вместе мы прошли через ад, и он вернул меня домой. Я любил его как брата.

– И оставил ему кличку, которой наградила его та сквернословка, сестра-новиция? Астрид Реннье?

– *Oui*.

– Зачем? Эта девушка что-то значила для тебя?

Габриэль перевел взгляд на лампу, и в его зрачках заплясало отражение пламени.

– Терпение, холоднокровка.

В камере повисла тишина, нарушал которую лишь скрип пера по пергаменту.

Продолжил Угодник не сразу.

– Я уже много месяцев не знал нормального отдыха. Планировал перебраться через Вольту до зимосерда, но дороги оказались не такими удобными, как я рассчитывал, да и карта моя давно устарела. Начнем с того, что местные уничтожили путь в Хафти и обрушили мост через Кефф. Я, сука, милю за милей проезжал, а мне так и не встретилось ни паромщика, ни вообще хоть какой живой души. Вот и пришлось развернуться и ехать вверх по течению.

– Зачем? – спросил Жан-Франсуа.

Габриэль удивленно моргнул:

– Зачем я вернулся?

– Зачем местные обрушили мост через реку Кефф?

– Говорю же, это было три года назад. С начала мертводня минуло двадцать четыре года. Владыки крови к тому времени превратили наш мир в бойню. Нордлунд обернулся пустошью. Оссвей, если не считать нескольких прибрежных замков, пал. Армии Вечного Короля подбирались все ближе к Августину, а север Зюдхейма кишел бродячими порчеными, как тряпки портовой шлюхи – блохами. Вот местные и обрушили мост, чтобы отрезать подступы.

Нахмурив брови, вампир постучал пером.

– Я же просил тебя, де Леон, рассказывай все как ребенку. Так по какой причине местные обрушили мост?

Угодник-среброносец стиснул зубы и жестко посмотрел на чудовище. Он рассказывал все не просто как ребенку, а как ребенку, которого мамка настойчиво и с рвением роняла башкой на пол.

– Вампиры не могут перейти текущую воду. Если только по мосту или если их закопать в холодную землю. Самые могущественные из них, возможно, и способны на это, если сделают над собой неимоверное усилие, но для неоперившейся нежити быстротекущая река – все равно что стена пламени.

– *Merci*. Прошу, продолжай.

– Уверен? Может, есть еще херня, на которую ты и так уже знаешь ответ?

Вампир улыбнулся:

– Терпение, шевалье.

Габриэль сделал глубокий вдох и двинулся дальше:

– Так вот. Я с самого утра не курил, медленно начинала одолевать жажда. За остаток дня далеко я не уеду, но по старой карте определил, где город Гахэх – до него был всего час езды. Я решил, что это место еще держится, а от мысли об очаге и горячем ужине трясучка унялась. И вот, в надежде наверстать упущенное время, я съехал с дороги и двинулся по холмистому ковру снежных шапок, прямо в лес живого грибка и давно погибших деревьев.

Не прошло и десяти минут, как на меня набрел первый порченый.

Женщина. Убитая лет так в тридцать. Двигалась тихо, точно призрак, но Справедливый уловил ее дух и прижал уши к голове. Мгновение спустя я и сам увидел, как она крадется прямо ко мне, словно охотник. Волосы у нее на голове превратились в копну спутанных светлых прядей, кожа вокруг разверстой раны на шее висела влажными лоскутами. Тощая и нагая, женщина напала стремительно, будто волк.

Бежала быстро, куда быстрее иного смертного. Одного порченого я совершенно не боялся, но эти твари – они же как менестрели. Где один, там и другие, и чем их больше, тем они приставучей. Тогда я дал Справедливому шпоры, и мы полетели прочь – сквозь похожие на корабельные обломки деревья.

Заметив справа еще одного порченого, я взялся за меч. Это был маленький мальчик зюдхеймец: он двигался рывка-

ми между высокими ростками корнеплодов и поганок. Потом я заметил еще мертвяка впереди. И еще одного. Все – тихие, словно трупы в могиле. Бежали они быстро, да только куда им до Справедливого. Впрочем, мы наткнулись на стаю, самому младшему члену которой было лет десять.

Жан-Франсуа выгнул бровь и постучал пером.

– Как ребенку, де Леон.

Габриэль вздохнул.

– Пойми меня правильно, новорожденные порченые опасны, но по шкале от одного до десяти, где один – это обыкновенный дебошир из оссийской таверны, а десять – страшнейший кошмар, какой только способно исторгнуть лоно преисподней, я бы дал им четыре балла. Даже старейшие из них не чета высококровным, но нельзя недооценивать старого порченого. Чем дольше густеет кровь вашего брата, тем сильней он становится. Эти порченые были опасны, и их собралось много.

Однако Справедливый нес меня вперед через мертвый лес, на полном скаку огибая заросли грибов. Его копыта гремели, точно гром, а сердце не ведало страха, и вскоре мы оставили этих бескровных паскуд далеко позади.

Через какое-то время мы, мокрые от пота, вылетели из чащи прямо под дождь. Внизу перед нами раскинулась холодная серая долина, затянутая густым туманом, чуть далее на северо-восток темнела во мраке лента дороги, а несколькими милями дальше маячил речной брод и безопасность.

Справедливый понес меня в долину, и я похлопал его по шее, шепнув на ухо:

– Ты мой братишка. Умничка.

И тут он угодил копытом в кроличью нору. Нога ушла в землю, кость со страшным тр-ческом переломилась, и, когда мы падали, я чуть не оглох от ржания. Крепко ударившись о землю и охая от боли, я покатился. В теле сразу что-то хрустнуло, да к тому же я еще ударился о трухлявый пень. Меч вылетел из ножен и упал в грязь. В черепе звенело, а рука полыхала огнем. Я тут же понял, что сломал ее – по ощущению, будто под кожей трется битое стекло. К утру все заживет, чего не скажешь о бедолаге Справедливом.

Габриэль издал протяжный тяжелый вздох.

– Я вылез из-под туши моего скакуна, перепачкав руки и лицо в грязи. Не растеряв храбрости, он еще пытался встать, хотя из путового сустава у него торчал кусок кости.

– О нет, – выдохнул я. – Нет, нет.

Справедливый вновь дико заржал от боли. Я же, чувствуя, как в груди вздымается волна знакомого гнева, обратил лицо к небу. Потом опустил взгляд на друга; по руке у меня стекала кровь, в горле сдавило, а сердце разрывалось. Он был со мной с первого моего дня в Сан-Мишоне. Мы прошли сквозь кровь и войну, огонь и ярость. Семнадцать лет вместе. Кроме него, у меня никого не оставалось. И вот теперь… это?

– Бог охереть как меня ненавидит, – прошептал я.

«Отчего, к-как ты думаешь, к-как думаешь?»

Голос прозвучал серебристо мягкими волнами у меня в голове. Я старался не слушать его, глядя на друга. Тот пытался встать на сломанную ногу, но она выгнулась под неестественным углом, и он снова рухнул, закатывая большие карие глаза. Его агонию я переживал, будто собственную.

«Ты знаешь, как д-должно поступить, Габриэль?» – снова прозвучал серебристый голос.

Я посмотрел на меч у своих ног, обнаженный и забрызганный грязью. Эфес на две руки в кожаной оплетке, посеребренная гарда в форме прекрасной дамы, раскинувшей руки. Клинок имел плавный изгиб, в духе старинных тальгостских традиций, наделенный смертоносным изяществом. Выкованный из темного чрева упавшей звезды еще в Легендарную эпоху. Правда, он был сломан – много, как теперь кажется, жизней назад.

«Не хватает шести дюймов острия».

– Заткнись, – велел я голосу.

«Они его учуют, р-разорвут на части, точно говорю, хлынет кровь, горячая и липкая, а он будет ржать, ржать и рж-ж-ж-жа-а-а-ать. Окажи ему величайшую милость».

– Зачем ты всегда говоришь мне то, что я и так уже знаю?

«А з-зачем ты всегда этого ждешь?»

Я заглянул в глаза своему коню, забыв о боли в сломанной руке. За прошедшие годы из всех, кого я называл другом, остался только Справедливый. Сквозь боль и страх, в темнейшие свои часы он всегда смотрел на меня, своего Габри-

эля. Того, кто повстречал его мальчишкой в конюшне Сан-Мишона, кто выехал на нем, когда никто из так называемых братьев не вышел проститься. Он доверял мне и, несмотря на боль, верил, что я как-нибудь все исправлю.

Я пронзил его мечом в самое сердце.

Не самый быстрый конец, какой я мог даровать ему. У меня был заряженный пистолет, но до наступления ночи оставалось всего два часа, до Гахэха идти пешком предстояло по меньшей мере час. Порченые наверняка уже летели к нам, точно мухи, а всадник без коня для них – готовая пища.

Уж лучше быть сволочью, чем дураком.

И все же я остался со Справедливым, пока он умирал. Истекая кровью прямо в грязь, он тяжело опустил голову мне на колени. Небо потемнело, а мои горячие слезы мешались с ледяным дождем. Свой сломанный двуручник, обагренный яркой кровью друга, я воткнул в землю. Снова глянул наверх, зная, что Бог смотрит в ответ.

– Падла, – сказал я ему.

«Г-габриэль», – прошептал у меня в голове меч.

– И ты падла, – зашипел я на него.

«Габриэль», – уже настойчивей повторил он.

– Чего? – Я гневно воззрился на клинок. В горле сдавило. – Можешь дать мне хотя бы секунду, чтобы оплакать его, сука ты нечестивая?

Когда меч заговорил снова, у меня застыла кровь в жилах.

«Габриэль, они ид-дут».

II. Три способа

Мелкий мальчишка бежал первым. Ему было не больше шести, когда он стал таким. Двигался резво, как олень, мчался по долине прямо ко мне. Следом неслись остальные: светловолосая женщина и двое мужчин, худой и коренастый. В стае теперь было десятка два порченых, не меньше.

Я, охнув, поднялся на ноги. Сломанная рука болталась плетью, и когда я снимал с коня седельные сумки и прятал сломанный меч в ножны, боль вернулась. Я простился с несчастным братом и побежал в сердце долины, туда, где вилась далекой лентой дорога. За ней еще три мили – и брод. Шансов оторваться от порченых было мало, но я знал, что мимо Справедливого они не пробегут. В воздухе густо витал аромат его крови, скопившейся в лужах грязи. Шавки вроде этих устоять не смогут.

Я уже ощущал трясучку: жажду, от которой сбивалось сердце и крутило в животе. Запинаясь и чуть не поскальзываясь, я выхватил из бандольера фиал: на донышке оставалась всего щепотка порошка цвета розовых лепестков и шоколада; от нетерпения рука у меня задрожала еще сильней, а стоило запустить ее в карман пальто, как сердце ушло в пятки: огниво пропало.

– Шило мне в рыло… – прошептал я.

Я пошарил за поясом, в других карманах пальто, хотя ре-

зультат уже знал: огниво потерялось, когда я вылетел из седла. Шансы оторваться все уменьшались.

Я побежал, сунув сломанную руку за бандольер и морщась от боли. Со временем кость должна была срастись сама, но порченые этого времени мне давать не собирались. Одна надежда была на реку, да и то крошечная. Если бы меня настигли, я сгинул бы, как Справедливый.

Жан-Франсуа оторвал взгляд от книги.

– Ты так сильно боялся их?

– Кладбища этого мира полнятся идиотами, которые считали страх своим другом.

– Похоже, что легенда о тебе, переходя из уст в уста, расцветала новыми красками, де Леон.

– Как и любая легенда. И краски всегда не те.

Вампир убрал со лба золотистые кудри и окинул широкие плечи Габриэля взглядом темных глаз.

– Говорят, ты самый грозный мечник из живших на свете.

– Я бы не стал заходить так далеко. – Угодник-сребросец пожал плечами. – Скажем так: будь у меня под рукой что-нибудь острое, показывать мне папаш ты бы не захотел.

Вампир удивленно моргнул.

– Показывать папаш?

Габриэль вскинул правую руку, растопырив пятерню, и накрыл предплечье ладонью левой.

– Старинный оскорбительный жест северян. Подразумевает, что твоя мама делила постель с кем ни попадя, поэтому

уже никак определить, кто твой папаша. А оскорбить мою мама – верный способ получить от меня удар острием в рожу.

– Тогда что же ты бежал? Образцовый воин Серебряного ордена, хозяин Пьющей Пепел, бежал, как выпоротый щенок от стаи грязнокровок.

– Закон третий, вампир.

Жан-Франсуа склонил голову набок.

– Нежить быстронога.

Габриэль кивнул.

– Этих уродов собралось два десятка. Я сломал рабочую руку минимум в двух местах и, как я уже сказал, никак не мог покурить.

Жан-Франсуа взглянул на костяную трубку, что лежала на столике.

– Значит, ты полагался на санктус?

– Я на санктус не полагался, я зависел от него, пристрастился к нему. И, *oui*, у меня в запасе осталось еще несколько трюков, но моя рабочая рука сломалась, да и биться с такой толпой было слишком рискованно.

Правду сказать, спастись от них у меня едва ли получилось бы, но упрямство не позволяло мне просто лечь и подохнуть. И я решил: была не была. Дождь лил в глаза, сердце колотилось у горла, а я перечислял в уме все, что хотел сделать, вернувшись сюда, и гадал, удастся ли хоть что-то из этого. Обернувшись, я увидел: порченые уже почти закончи-

ли со Справедливым. Они поднялись из грязи и бросились дальше: губы красные, зубы сверкают.

Я добежал до дороги, спотыкаясь в грязи под грохочущим в небе громом. Сил почти не осталось, порченые наступали на пятки. В отчаянии я достал меч.

«Ежели т-тебя здесь растерзают, – шепнул он, – *и я окончу с-свои дни, болтаясь на бедре у какого-нибудь б-безмозглого хромого мешка с ч-червями, то сильно на тебя обижусь».*

– Какого же тебе от меня хрена надо? – прошипел я.

«Беги, Львенок, БЕГИ».

И я сделал, как велел мне меч, совершил последний рывок. В небе сверкнула молния, и я, прищурившись, разглядел сквозь пелену мороси… чудо. Карету, запряженную унылой ломовой лошадью и застрявшую посреди дороги.

– Божественное вмешательство? – пробормотал Жан-Франсуа.

– Ну или мне сам дьявол ворожил.

Карету окружало с десяток солдат. С кормом в те ночи была беда, и бедняк не мог позволить себе держать лошадь, а вот у каждого из тех людей имелся собственный скакун: добрые, крепкие сосья, стоявшие, понурив головы, под дождем, пока их хозяева спорили по щиколотку в грязи. Я сразу же увидел, что у них стряслось: из-за непогоды дорогу развезло и карета увязла в жиже по самую ось.

Сытые и хорошо снаряженные, солдаты были облачены в

багряные табарды поверх железной брони. Изгваздавшись в грязи, они пытались сдвинуть карету с места, а на козлах, стегая бедную лошадь – так, будто непогода и заминка случились по ее вине, – сидели две высокие бледные женщины. Выглядели они практически одинаково – наверняка близняшки, – длинные черные волосы с клиновидными челками, на головах – небольшие треуголки с вуалями. Поверх кожаных курток – все те же кровокрасные накидки с розой и кистенем Наэль, ангела благости. Увидев символы, я сообразил, что это совсем не рядовые солдаты.

Инквизиторская когорта.

Увидев мое приближение, солдаты не встревожились, а вот разглядев у меня за спиной свору мертвяков, чуть не обосрались.

– Спасите нас, мученики, – выдохнул один из них.

– Да чтоб меня, – ахнул другой.

У инквизиторов челюсти так и отвисли.

«Габриэль, берегись!»

Шепот прозвучал громом, и в голове полыхнула серебристая вспышка. Я с криком обернулся, как раз когда меня настиг бежавший первым порченый. Я ощутил его смрадное дыхание, разглядел мальчишеское телосложение. Еще не обратившись, он успел изрядно прогнить, однако двигался быстро, словно муха; его мертвые глаза, как у куклы, блестели битым стеклом.

Я ударил мечом – далеко не изящно, лишь бы отбиться, –

и лезвие легко прошло через ляжку чудовища. Нога в фонтане гнилой крови отлетела в сторону. Тварь беззвучно рухнула в грязь, но ей на смену спешили прочие; их было слишком много – не отбиться; и бежали-то они быстро – не уйти. Сосья в ужасе заржали при виде нежити и, гремя копытами, бросились врассыпную. Солдаты в гневе и страхе заорали им вслед.

Габриэль сложил пальцы шпилем и задумался ненадолго.

– Вообще, холоднокровка, есть три реакции перед лицом смерти. Говорят, ты либо бьешь, либо бежишь, но, по правде, ты либо бьешь, либо бежишь, либо застываешь на месте. Солдаты при виде несущихся на них мертвяков повели себя каждый по-разному: кто-то поднял клинок, кто-то обгадил штаны… А близняшки-инквизиторы переглянулись, сняли с поясов жуткие длинные ножи и перерезали упряжь, которая связывала лошадь с каретой.

– Бежим! – заорала одна, взбираясь на спину перепуганному животному.

Вторая вскочила следом и жестко пнула животину.

– Скачи, ты, шлюха!

«Габриэль, ты до…»

Я спрятал меч в ножны, заглушив его голос у себя в голове. Дрожащей левой рукой потянулся к пистолету на поясе: ствол посеребрен, на рукояти красного дерева – тиснение в виде семиконечной звезды. На Справедливого я пулю тогда не потратил. Вот я, довольный, и выстрелил в спину инкви-

зиторше, которая сидела сзади.

Раздался грохот, и серебряная пуля пробила женщине спину. Брызнула кровь. Инквизиторша с криком свалилась с лошади, и та встала на дыбы, сбросив ее сестрицу. Я же, не смея дышать, бросился мимо ошарашенных гвардейцев к животному и запрыгнул на него.

– Стой! – прокричала первая женщина.

– У-ублюдок! – закашлялась другая, лежа в крови и грязи.

Я не стал тратить время и оборачиваться. Вцепившись в гриву лошади здоровой рукой, я уже приготовился ударить ее в бока пятками, но в том не было необходимости: заржав от страха при виде порченых, она сама сорвалась с места. Разбрызгивая комья черной грязи, мы ускакали к реке и даже не оглянулись.

Габриэль умолк.

В холодной камере повисла долгая, растянувшаяся словно бы на годы, тишина.

– Ты их бросил, – сказал наконец Жан-Франсуа.

– *Oui*.

– Оставил умирать.

– *Oui*.

Жан-Франсуа выгнул бровь.

– В легендах тебя не называли трусом, де Леон.

Габриэль подался вперед, к свету лампы.

– Посмотри мне в глаза, холоднокровка. Я похож на того, кто боится смерти?

– Ты похож на того, кто к ней стремится, – признал вампир. – Но ведь угодники-среброносцы служили образцом Единой веры: убийцы гнуснейших чудовищ и благороднейшие воины Божьи. Ты же был лучшим из них. Однако ты сперва рыдал над трупом павшего коня, а потом выстрелил в спину невинной женщине и бросил на растерзание грязнокровкам набожных мужей. – Историк нахмурился. – Что ты за герой такой?

Габриэль со смехом покачал головой.

– Кто наплел тебе, что я герой?

III. Небольшие благословения

– Через некоторое время мы перешли Кефф вброд. Вода в реке поднялась лошади по шею, но та была крепкой, да и, наверное, спешила убраться подальше от инквизиторов и их кнутов. Я не знал ее клички, к тому же сомневался, что она при мне задержится надолго, поэтому, пока мы скакали сквозь тьму, называл ее просто Шлю.

– Шлю? – Жан-Франсуа удивленно моргнул.

– Сокращенно от «шлюха». Нам суждено было провести вместо всего одну ночь.

– А… Шуточки о продажных женщинах.

– Не упади со смеху, холоднокровка.

– Я постараюсь, Угодник.

– Моя рука постепенно заживала, – продолжил Габриэль, – но, чтобы все срослось как надо, требовалась доза санктуса.

А без огнива трубку раскурить не получилось бы. Да и фонарь не зажечь, поэтому в Гахэх мы ехали вслепую, почти не надеясь увидеть город в целости. Я выглядывал в темноте огни, которые послужили бы маяками в черном море ночи, и когда наконец заметил их, жалкое подобие солнца давно уже закатилось.

В темноте Шлю было столь же неуютно, как и мне, и вот она, завидев огоньки, ускорила шаг. О Гахэхе я знал только,

что это небольшой фабричный город на берегах Кеффа, с одной часовней, но место, к которому я подъехал, напоминало небольшую крепость.

Каменных стен горожане себе позволить не могли и потому вдоль границы воздвигли добротный частокол высотой в двенадцать футов, спускавшийся до самого берега реки. Под изгородью тянулся глубокий ров, дно которого было утыкано деревянными кольями, и несмотря на дождь, наверху горели костры. Когда мы остановились у ворот, я заметил в яме опаленные огнем трупы, а на мостках за острыми зубцами – людей.

– Стоять! – громко приказал мне голос с сильным зюдхеймским акцентом. – Кто идет?

– Человек, мучимый жаждой, у которого нет времени трепаться, – крикнул я в ответ.

– Прямо сейчас тебе в грудь нацелено с десяток арбалетов, педрила. На твоем месте я бы говорил учтивее.

– Педрила – это метко. – Я кивнул. – Запомню на случай, когда еще раз залезу на твою жену.

Рядом с говорившим кто-то грубо хохотнул, а сам он ответил:

– Удачи тебе на пути, странник. Она тебе понадобится.

Я тихо вздохнул и, зубами стянув с руки перчатку, вскинул левую ладонь. В свете огней тускло блеснула серебряная звезда. По стенам среди часовых поветрием распространились шепотки:

– Угодник-среброносец.

– Угодник-среброносец!

– Открывай хреновы ворота!

Тяжело стукнуло дерево, и ворота в частоколе распахнулись.

Щурясь на свет факелов, я ударил Шлю в бока. В грязном внутреннем дворике столпился отряд дрожащих, что твой новорожденный ягненок, часовых. Этих явно завербовали в ополчение против воли: одни успели повидать слишком мало зим, другие – уже слишком много. Одетые в броню из вываренной кожи, они вооружились арбалетами, факелами и ясеневыми копьями – и все это наставили сейчас на меня.

Я слез со спины Шлю и благодарно похлопал ее по шее. Затем подошел к каменной купели справа от ворот. Она была вырезана в форме Санаила, ангела крови, что держал чашу чистой воды в протянутых руках. Ополченцы подобрались, держа оружие наготове, а я, глядя им в глаза, обмакнул пальцы в воду и взболтал ее там.

Жан-Франсуа моргнул, как бы задавая вопрос.

– Святая вода, – пояснил Габриэль.

– Оригинально, – ответил вампир. – Но ты скажи: чего ради было оскорблять привратника? Мог ведь сразу показать ладонь и войти без лишнего шума?

– Я только-только убил лучшего друга и чуть не помер от лап трупаков-шавок. У меня рука дрожала, как член девственника перед первой вылазкой в кустистый холмик, я

устал, был голоден, и мне зверски хотелось курить. Я и в лучшие-то дни редкостная сволочь, а тот день вряд ли можно было назвать лучшим.

Жан-Франсуа оглядел Габриэля с ног до головы.

– Боюсь, сегодняшний – тоже?

Габриэль похлопал на пустому кисету у себя на поясе.

– Погляди. Мне интересно твое мнение ровно настолько, насколько, сука, полон этот кошель.

Вампир склонил голову набок и стал ждать.

– Ополченцы разошлись, – продолжил тогда Габриэль.

Почти никто из них, наверное, в глаза не видел угодника-среброносца, но войны к тому времени бушевали много лет, а рассказы об Ордо Аржен слышали все. Молодые смотрели на меня, дивясь; старые – молча и с уважением. Я знал, что они видят во мне. Полукровку-бастарда, ниспосланного Богом безумца. Серебряное пламя, которое полыхало между остатками цивилизации и тьмой, готовой ее проглотить.

– Я не женат, – сказал мне один.

Я удивленно обернулся. Это был оборванец из Зюдхейма: выпирающие передние зубы, смуглый, коротко стриженный и такой молодой, что у него наверняка еще и волос-то на яйцах не выросло.

– Ты сказал, что залезешь на мою жену, – с вызовом напомнил он. – Так вот, у меня ее нет.

– Считай это благословением, малец. Короче, где у вас тут, сука, таверна?

IV. Об опасностях брака

– Вывеска над входом в таверну гласила «Идеальный муж». Выцветшую надпись дополнял рисунок свежевырытой могилы. Я еще не переступил порога заведения, а оно мне уже понравилось.

Городок видывал лучшие ночи, но спустя двадцать четыре года после начала мертводня в империи осталось мало мест, описать которые можно было бы как-то иначе. Правду сказать, ему еще повезло уцелеть: улицы превратились в замерзающую грязь, а дома лепились друг к другу, точно пьяницы под самое закрытие. К каждой двери было подвешено по зубчику чеснока или косичке из волос девственницы, а под окном насыпано грубого серебра или соли, и все – бесполезно. Воняло дерьмом и грибами, улицы кишели крысами, а люди при виде меня кидались прочь сквозь холодный дождь, осеняя себя колесным знамением.

Впрочем, город еще не спал, и мне попалась открытая конюшня. Я слез с лошади, бросил конюху полрояля, и парень спрятал монету в карман.

– Дай ей лучшего корму и хорошенько ототри, – велел я ему, потрепав Шлю по шее. – Сударыня это заслужила.

Конюх с благоговением уставился на звезду у меня на ладони.

– Ты – угодник-среброносец? Ты…

– Просто займись, сука, лошадью, парень.

Дрожащей рукой я передал ему поводья, а боль в сломанной руке и пустой желудок позволили не обратить внимания на его обиженную мину. Не сказав больше ни слова, я быстро зашагал по грязи и, пройдя под высохшим венком из ландышей, вошел в дверь «Идеального мужа».

Несмотря на мрачную вывеску, внутри оказалось уютно, как в старом кресле-качалке. Оштукатуренные стены были завешаны афишами из Изабо, одного из крупнейших городов Элидэна, а может, и из самого Августина. В основном они обещали бордельные представления и бурлеск. Акварели в рамках изображали полуголых девиц в корсаже и кружевах, а портрет в полный рост за стойкой – прекрасную темнокожую зеленоглазку в одном только боа из перьев. Помещение утопало в мягком свете и полнилось посетителями, а почему – я понял сразу. Сколько таверн я ни видал, всюду чувствовалось, что стены пропитаны духом владельца. Местный дух был теплым и нежным, как руки старой любовницы.

Стоило мне войти, и разговоры стихли. Все взгляды устремились на меня, когда я, кривясь, отстегивал меч и стягивал с себя пальто. Я промок насквозь и замерз, блуза и брюки липли к телу. За горячую ванну я бы в тот момент родную бабулю отмудохал, но прежде мне нужно было пожрать. И покурить, мать твою Богу душу.

Повесив пальто и треуголку, я прошел через зал. Ближайший к огню столик занимали трое молодчиков в форме опол-

ченцев. Перед ними стояли пустые тарелки, а главное – в порожней запыленной бутылке горела свеча.

– Присоединиться к нам хочешь, *adii* [10]? – спросил один.

– Нет. И я тебе не дружок.

В зале повисла неприятная тишина, в которой я молча смотрел на юнцов.

Те наконец сообразили, в чем дело, и, извинившись, встали из-за стола.

Жан-Франсуа, хихикнул, продолжая писать.

– Ты редкостная сволочь, де Леон.

– Дошло наконец, холоднокровка?

Габриэль поскреб щетину на подбородке, провел рукой по волосам и продолжил:

– Я стянул сапоги и подставил ноги огню. Уже доставал трубку, когда рядом возникла прислужница.

– Вам удобно, *adii*? – спросила она с легким зюдхеймским акцентом.

Я же, подняв взгляд, увидел темные распущенные волосы, зеленые глаза. Стрельнул взглядом на портрет за стойкой.

– Это моя мама, – объяснила девица с легким оттенком обиды в голосе. Видимо, ей часто приходилось это говорить. Она кивнула в сторону женщины за стойкой: та была в теле, на двадцать лет старше дочери, но портрет явно писали с нее. Я даже мельком подумал, не сохранилось ли у нее боа.

– Еды, – сказал я девице, возясь с трубкой. – И комнату

---

[10] Гость *(веппский)*.

на ночь.

– Как угодно. Выпить?

– Виски? – с надеждой спросил я.

Она фыркнула, закатив глаза.

– Это что, по-вашему, замок лэрды [11]?

Я даже немного восхитился девчонкой: она посмела мне грубить, тогда как парни из ополчения спасовали, как при плохой сдаче карт. А вообще, мне с каждым мгновением становилось все паршивее.

– Тут и впрямь не замок лэрды, а ты – совсем не леди. Так что, мадемуазель, закатай губу и просто говори, что у вас есть.

– То же, что и у остальных, *adii*, – уже холоднее сказала она.

– Мне, сука, водки.

– Ладно.

– Бутылку уж тогда, – сердито уточнил я. – Поприличней. Не какие-нибудь там помои.

Девица изобразила небрежный книксен и развернулась. Мне надо было сразу понять, прежде чем спрашивать: к тому времени напитков из злаков сыскать было так же трудно, как и честного человека в исповедальне. После начала мертводня фермерам оставалось выращивать только то, что могло выжить при скудном свете убогого солнца: капусту, грибы и, конечно, опротивевшую картошку.

---

[11] Лэрд – титул, аналогичный английскому лорду.

Последний Угодник вздохнул.

– Ненавижу, сука, картошку.

– Почему?

– А ты поешь каждый день одно и то же, холоднокровка, и оно тебе поперек горла встанет.

Жан-Франсуа изучил свои длинные ногти.

– Ни разу еще не слышал аргумента против таинства брака лучше, Угодник.

– Девушка принесла мне выпивку, и я кивнул в знак благодарности. Остальные посетители вернулись к своим разговорам, делая вид, будто не замечают меня. В таверне было людно, и среди местных, зюдхеймцев, я заметил иноземцев с бледной кожей, в грязных килтах и с отчаянием в глазах: беженцев из Оссвея, спасавшихся, скорее всего, от войны на севере. Впрочем, мое появление уже не так смущало, и я потянулся за флаконом в бандольере.

Обычно я на людях не курю, но меня от потребности как будто свинцом придавило. Я отсы́пал себе щедрой дозы, потом взял бутылку из-под вина с кровокрасной свечой и поднес к огню трубку.

Курить санктус – это целое искусство. Поднеси его слишком близко к огню, и кровь сгорит. Будешь держать слишком далеко – и она будет плавиться слишком медленно: не испарится, а потечет. Зато если все сделать верно… – Габриэль покачал головой, поблескивая серыми глазами. – Боже Всемогущий, если все сделать верно, то сотворишь настоящую

магию. Вкусишь блаженство ярко-красного рая. Наплевав на чужие взгляды, я приник к мундштуку. Кровь была наихудшего качества: слабая, как жиденький бульон, но все же стоило дыму коснуться моего языка, и я вернулся домой.

– На что это похоже? – спросил Жан-Франсуа. – Любимое таинство святой Мишон?

– Словами не передать. С тем же успехом слепой может попытаться описать радугу. Вообрази момент, первую секунду, когда ты проникаешь между бедер возлюбленной. Спустя час с лишним службы у алтаря, когда все уже прошло своим чередом, а в ее глазах не осталось ничего, кроме желания, и вот наконец она шепчет заветное слово «давай». – Габриэль покачал головой, глядя на трубку на столике. – Возьми это блаженство, умножь его стократно и, возможно, получишь нечто отдаленно похожее.

– Ты говоришь о санктусе, как мы говорим о крови.

– Первое – таинство Серебряного ордена. Второе – смертный грех.

– Не лицемерие ли это? Ваш орден охотников на чудовищ столь сильно зависел от крови так называемых чудовищ, которых сам же истреблял.

Габриэль подался вперед, уперев локти в колени. Длинные рукава блузы задрались выше запястий, обнажив татуировки на предплечьях: Манэ, ангел смерти, Эйрена, ангел надежды. Работа была великолепной, а сами чернила поблескивали в свете лампы серебром.

– Мы были сыновьями своих отцов, холоднокровка. Наследовали их силу, скорость. Отмахивались от ран, которые обычного человека свели бы в могилу. Но тебе ведь знакома ужасная жажда, наше проклятье. Санктус – средство, чтобы унять ее, при этом не поддаваясь нужде или безумию, в которое мы впали бы, отрицая ее вовсе. Нам нужно было хоть что-то.

– Потребность, – произнес Жан-Франсуа. – Слабость твоего ордена, Угодник.

– У каждого внутри есть пустота, – вздохнул Габриэль. – Можно попробовать заполнить ее чем-нибудь: вино, женщины, труд… Однако дыра остается дырой.

– И ты рано или поздно заползаешь назад, в ту дыру, которую облюбовал, – подсказал вампир.

– Очаровательно, – пробормотал Габриэль.

Жан-Франсуа поклонился.

– Едва дым коснулся моих легких, – продолжил Габриэль, – я увидел все в комнате предельно четко. Я ощущал на себе взгляды других посетителей, слышал каждый их шепоток. В очаге пело пламя, по крыше барабанил дождь. Усталость спáла с меня, как промокший до нитки плащ. Рука перестала болеть. Я весь ожил: вкус, осязание, запахи, зрение…

А потом, как всегда, вместе с чувствами обострился и ум. Тяжесть событий дня ударила по мне молотом. Я будто снова увидел бедолагу Справедливого, услышал в голове его ржа-

ние. Лица солдат, брошенных на смерть, инквизиторшу, которую подстрелил. Руины, оставшиеся позади, и следующую по пятам тень. Страх. Боль. Все это усилилось. Кристаллизовалось.

Тогда я приложился к бутылке. Накормив зверя, я хотел забыться. Залпом осушил ее на четверть и за несколько минут допил остатки. Закрыв глаза, я почти задремал, а алкоголь во мне боролся с кровогимном: черное заливало красное, и я тонул в сладостной тихой серости.

Я пил, чтобы забыть.

Пил, чтобы не чувствовать, не видеть и не слышать ничего.

А потом кто-то позвал меня по имени.

– Габриэль?

Этот голос я не слышал уже много лет, и сейчас мысленно перенесся в дни своей молодости. Дни славы. Дни, когда имя мое выкрикивали, будто боевой клич, когда я просто не мог оступиться, когда нежить говорила обо мне со страхом, а простолюдины – с благоговением.

– Габи? – снова раздался этот голос.

Тогда все – и люди, которых я вел, и пиявки, которых мы жгли и резали, – звали меня Черный Лев. Моим именем матери нарекали детей. Сама императрица посвятила меня в рыцари. За несколько лет на службе в Ордене я и правда подумал, что мы побеждаем.

– Семеро мучеников, это правда ты…

Тогда я открыл глаза и понял, что сплю. На меня с недоумением, во все свои большие зеленые глаза смотрела маленькая промокшая женщина.

Ее лицо расплывалось, но я узнал бы его где угодно. Я только не понимал, отчего разум подсунул мне именно этот образ. Из всех лиц, что преследовали меня по ночам, ее я вспомнил бы в последнюю очередь.

Но тут она бросилась обниматься. Я услышал запах кожи, пергамента, лошади и спекшейся крови у нее в волосах. Когда она прошептала «Слава Богу» и крепко прижала меня к себе, та часть моего рассудка, что еще не была затуманена водкой, поняла: это не сон.

– Хлоя?

V. Божественное провидение

– Последний раз я видел Хлою Саваж, когда она носила облачение Серебряного сестринства: накрахмаленный чепец и черную рясу с серебряным шитьем в виде строк из Писания. Тогда она ревела. Теперь же она была одета как воин: стеганое сюрко [12] поверх кольчужной рубахи, кожаные брюки и тяжелые сапоги – все мокрое от дождя. За плечом у нее висело ружье, у пояса – длинномерный меч, а рядом с ним – окованный серебром рог. На шее болталась семиконечная звезда.

Впрочем, Хлоя и сейчас разрыдалась. Так уж я действую на друзей.

– О, пресвятая Дева-Матерь. Я уж думала, что никогда тебя не увижу!

– Хлоя, – пробормотал я ей в грудь.

– В глубине души я, конечно, надеялась, но в тот день, когда ты уехал…

– Х-хлоя, – с трудом пропыхтел я, чуть дыша.

– О, пресвятой Спаситель, прости, Габи.

Она отпустила меня, и я наконец смог вдохнуть. Хлоя похлопала меня по плечу, а я сморгнул черные точки перед глазами.

---

[12] В Средневековье сюрко – накидка, типа сшитого по бокам плаща, который носили поверх кольчуги.

– С тобой все хорошо?

– Живой вроде…

Широко улыбаясь, она стиснула мою руку.

– И за это я благодарна Вседержителю.

Я вяло улыбнулся и пристально оглядел ее. Хлоя Саваж всегда была миниатюрной. Веснушчатая кожа, большие зеленые глаза и упрямые каштановые кудри. Говорила она с чистым, аристократически гордым элидэнским акцентом. На всем сером свете не сыскалось бы женщины, больше подходящей для жизни в обители. Впрочем, сейчас Хлоя выглядела куда круче, чем когда жила в Сан-Мишоне. В ней не осталось ничего от девушки, стоявшей у алтаря в тот вечер, когда меня пометили семиконечной звездой. Хлою явно помотало по свету. С монастырской одеждой она распрощалась, но звезду на шее по-прежнему носила, да и навершие меча у ее пояса имело тот же узор. Клинок явно был для нее тяжеловат.

– Сребросталь, – сообразил я.

Хлоя обернулась, и только тогда я заметил у нее за спиной четверых спутников. Ближе всех ко мне стоял пожилой священник: ежик седых волос на голове, длинная борода клинышком. Это был зюдхеймец, как и большинство посетителей в зале, черноглазый и темнокожий сморщенный старикан. Гладкие руки и очки на кончике острого носа выдавали в нем книгочея. Я же сразу оценил его характер: мягкий, как дерьмо младенца.

Подле него стояла высокая молодая женщина. Ее рыжевато-белокурые пряди с одной стороны были острижены под череп, а с другой заплетены в косы рубаки; от лба и вниз по щеке тянулись две переплетенные ленты. При виде этой татуировки боевого оссийского горца я распознал в девице *Нэхъ*. На ней был ошейник из тисненой кожи, широкие плечи укрывал тяжелый плащ из волчьих шкур, а уж ножами она обвешалась похлеще иного мясника. На ремешке под мышкой у воительницы висел шлем с рогами, а за спиной – секира и щит. Клановых цветов ее килта я не узнал, зато бедрами она легко задушила бы мужика. Тут уж обольщаться не стоило.

Парня позади нее я сразу же принял за барда. Лет девятнадцать, из той породы красавчиков, от которых прячут дочурок: большие синие глаза, квадратная челюсть, покрытая мелкой щетиной. За спиной у него висела шестиструнная лютня из отличного сандалового дерева; на шее болталось ожерелье с музыкальными нотами, а шляпку он носил, лихо заломив набок.

«Дрочила», – подумал я.

Последним в их компании был мальчишка лет четырнадцати: тощий и долговязый, но еще не возмужавший. Бледная симпатичная мордашка выдавала в нем нордлундца, а волосы у него были белые – не просто светлые, а именно белые, как голубиные перья. Лежали они беспорядочно и падали на глаза густыми патлами, и я не понимал, видит ли он

хоть что-то за ними.

По наряду и внешности он походил на барчука: родинка на щеке, кафтан аристократа (иссиня-черный, с серебряными завитушками) – но на кожаных бриджах красовались заплатки на коленях, а ботинки чуть не разваливались. Он явно происходил из трущоб, просто рядился в кого-то знатного.

Увидев, как мы с Хлоей обнимаемся, мальчишка шагнул было к нам, но сестра вскинула руку. Резковато, как мне показалось.

– Нет. Держись остальных, Диор.

Мальчишка заметил ополовиненную бутылку и смерил меня подозрительным взглядом. Тогда я посмотрел на него, а он расправил свои цыплячьи, затянутые в краденый кафтан плечи и уставился в ответ с вызовом. И тут раздался визг владелицы:

– Матерь и благая Дева!

В зале заохали, когда через порог в заведение прокрался последний гость и, встряхнувшись от носа до хвоста, забрызгал половицы водой. Перед нами стоял кот. То есть, сука, лев, родичи которого некогда обитали в оссийских горах, – пока все крупные хищники не вымерли от голода. Его шкура была красновато-коричневой, глаза – в золотую крапинку, а по щеке через всю морду тянулся шрам. Он походил на зверя, что на завтрак глотает новорожденных, заедая их кусками детей постарше.

Мужчины потянулись за оружием, но оссийка с косами рубаки только фыркнула:

– Мацайте лучше сиськи. Феба и мыши не обидит.

Трактирщица указала на зверя дрожащим пальцем.

– Так ведь это горный лев!

– Верно. Ручная, что твоя кошечка.

Словно в подтверждение, зверь уселся у порога и принялся вылизывать лапы. На шее у него я заметил кожаный ошейник с тем же тиснением, что и у хозяйки. Трактирщица же решила перебдеть.

– Ну… нельзя ей сюда!

Оссийка цокнула языком и закатила глаза.

– Ладно, Феба, топай давай отсель. На конюшню.

Крупная кошка облизнула нос и принюхалась.

– Ты мне тут не дерзи, сучка наглая! Правила знаешь. Пшла!

Тихонько зарычав, львица понурила голову и вышла назад под дождь. Оссийка же без лишнего шума устроилась в кабинке, а священник и модник скользнули следом. Дрочила заказал выпивку. Когда в зале восстановилось подобие спокойствия, я снова посмотрел на Хлою и выгнул бровь.

– Дружки твои?

Она кивнула, подвигая стул.

– В каком-то смысле.

Разрумянившись от водки, я с ухмылкой произнес:

– Заходят как-то в кабак монахиня, священник и льви-

ца…

Хлоя коротко усмехнулась, однако ее тон был мрачным.

– Как поживаешь, Габриэль?

– Да вот, цвету и пахну.

– Слышала, ты обосновался в Оссвее.

Я покачал головой.

– На юге. За Алетом.

Хлоя тихонько присвистнула.

– И ради чего вернулся сюда?

– Так, кровососа одного прикончить.

– Одиннадцать лет прошло, а ты все тот же. – Хлоя откинула со лба непослушные кудряшки и широко улыбнулась. Судя по взгляду, ей в голову пришла некая мысль. Неизбежный вопрос.

– Аззи с тобой?

– Нет, – ответил я.

Хлоя вытянула шею и осмотрела кабинки.

– Астрид дома, Хлоя.

– О. – Она кивнула, присаживаясь. – Ну конечно. Где же ей еще быть?

– *Oui*. Где…

Высоко в холодной и тоскливой башне Габриэль де Леон подался вперед, поскреб щетину на лице и очень тяжело вздохнул. Историк молча наблюдал за ним. Под шепот ветра Угодник повесил голову, и длинные пряди чернильно-черного цвета упали ему на покрытое шрамами лицо. Он гром-

ко харкнул.

– Астрид Реннье, – произнес наконец Жан-Франсуа. – Сестра-новиция, что дала кличку твоему коню. Нанесла татуировку тебе на ладонь. Вы и тогда общались? После стольких лет?

Габриэль поднял взгляд на хроникера, своего тюремщика. Заметил, что Жан-Франсуа иллюстрирует очередную страницу портретом Диора: кафтан, жилетка, тонкие черты лица, светлые глаза.

– У тебя талант, – неохотно признал Угодник.

– *Merci*, – пробормотал вампир, продолжая рисовать.

– Ты видишь его у меня в глазах? Или у меня в голове?

– Я же из клана Честейн, – ответил, не поднимая взгляда, Жан-Франсуа. – Мы владычествуем над тварями земными и птицами небесными, не над разумом, и ты это знаешь, Угодник.

– Я знаю, что Марго неспроста величает себя императрицей волков и людей, но кровь переменчива. Древние холоднокровки со временем проявляют… и другие дары.

– Пытаешься выведать мои секреты, де Леон? Но ключник здесь я, а не ты. В Сан-Мишон ты прибыл семнадцать лет назад, а с тех пор, как разъезжал по дорогам империи, прошло больше десяти. Так кем была для тебя Астрид Реннье?

В ответ зазвенела тишина, нарушали которую лишь скрип вампирова пера да пение горного ветра. Рассказывая дальше, Габриэль не стал отвечать, а продолжил историю с того

места, на котором остановился.

– Значит, охотишься на пиявку? – спросила Хлоя. – Где он?

– В Элидэне. Где-то под Августином.

– Выходит, едешь на север. – Она возвела очи горе. – Слава Богу.

Я отхлебнул из бутылки и поморщился, когда водка обожгла горло.

– За что это Ему слава?

Малышка Хлоя мотнула головой в сторону товарищей в кабинке. Священник склонил голову в молитве, а пепельноволосый мальчишка курил сигариллу из ловикорня и смотрел на меня как на приставшую к сапогу грязь.

– Мы едем в том же направлении, – сказала Хлоя. – Можем разделить дорогу.

– Ох-х-х, – вздохнул я, отхлебнув еще водки. – Разве это не чудесно?

Хлоя нахмурилась, не зная, как понимать мой тон.

– Чем нас больше, тем безопаснее. Оссвей – страна суровая, поверь мне, а среди наших преследователей есть и бессмертные.

– Среди?

Хлоя замолчала, когда пришла девица и бросила передо мной ключ от комнаты и заодно поставила миску грибного супа с ломтем картофельного хлеба. Удостоив хлеб презрительного взгляда, я принялся за суп.

– Еще что-нибудь, *adii*? – спросила девица.

Я снова отхлебнул из бутылки и, чуть не поперхнувшись, сказал:

– Еще водки.

Девица взглянула на меня с нескрываемым сомнением.

– Уверены?

– Более чем, мадемуазель.

Она посмотрела на Хлою и, пожав плечами, ушла в глубь вращающейся комнаты. Я с улыбкой проводил ее взглядом и подвинул бутылку Хлое.

– Выпьешь?

Сестра смотрела на меня как-то странно. Милые зеленые глаза скользили по моему лицу, по мечу на столе, по следам от эмблемы на пальто – там, где прежде красовалась семиконечная звезда. Хлоя молча ждала, пока я доем – под конец я даже запихнул в себя картофельный хлеб, – и наконец заговорила:

– С тобой все хорошо, Габриэль?

– Все, сука, чудесно, сестра Саваж. – Я со стуком опустил пустую бутылку на стол. – Но что это мы обо мне? Последний раз, когда мы виделись – одиннадцать лет назад и в тысяче миль отсюда, – ты сидела в стенах монастыря святой Мишон. Так какого хрена тебе понадобилось в Зюдхейме?

Хлоя опасливо огляделась – на нас еще посматривали, – потом придвинула стул поближе и ответила заговорщицким тоном:

– Божий промысел.

Я присмотрелся к ее снаряжению, к компаньонам.

– Вот уж не знал, что сестрам Серебряного сестринства дозволяется покидать Сан-Мишон без сопровождения серебряных угодников. И уж тем более обряжаться рядовым наемником.

– Все… сложно. – Хлоя понизила голос до шепота. – Здесь я об этом говорить не стану. Вот только в монастыре все сильно переменилось после того, как вы с Астрид…

Она осеклась под моим сердитым взглядом.

– Продолжай, – велел я. – После того, как мы – что?

Хлоя убрала с щеки мышасто-каштановую прядку. Говорила она медленно, тщательно подбирая слова:

– Вы с Аззи не заслужили такого обращения. Мне потом каждый день тошно было, и жаль, что…

– Так жаль, что ты даже не пришла попрощаться?

– Ты же знаешь, я хотела. Не будь ты сволочью, Габриэль.

– Живи так, как нравится.

Хлоя нахмурилась.

– Ты пьян.

– А ты наблюдательна.

Вернулась девица со второй бутылкой. Я театрально поклонился, и этот жест, видно, вышел очаровательным, потому как девица выдавила улыбку. Рука у меня больше совсем не болела.

– *Merci, chérie* [13], – вздохнул я, ломая воск на горлышке. – Твою кровь стоит выкурить.

– Пожалуй, я оставлю тебя. – Хлоя окинула меня взглядом с ног до головы, пока я делал первый глоток. – Продолжим разговор завтра утром, когда у тебя в голове прояснится.

– О чем?

– О пути, который нам предстоит разделить. Когда захочешь…

– Вряд ли мы в ближайшее время разделим дорогу, *mon amie*.

– Ты же говорил, что едешь на север.

– *Oui*. – Я вскинул руку с бутылкой, как бы поднимая за нее тост. – Только я планировал плыть, а не идти.

Хлоя нахмурилась еще сильнее.

– Габи, это не шутки. Дороги через Зюдхейм и Оссвей кишат мертвецами. Мне пригодится меч вроде твоего.

– Именно сейчас?

Сестра опустила взгляд на меч, что лежал на столе между нами, покрытый грязью и кровью.

– Сегодня я не случайно вновь повстречала Пьющую Пепел. Не слепая удача свела меня с ее обладателем после стольких-то лет. – Она подняла на меня пылающий взгляд. – На то была воля Господа Всемогущего, и мы благословлены, раз Его рука ведет нас обоих.

– Гип-гип ура! – Я кивнул, глотая обжигающее пойло.

---

[13] Спасибо, голубушка *(фр.)*.

Хлоя снова огляделась. Подалась ближе и едва слышным из-за гула других голосов шепотом сказала:

– Габи, у меня получилось. Я его нашла.

– Поздравляю, сестра. – Передо мной сидело уже три Хлои, и спрашивал я ту, что была посередке. – А… что ты, собственно, нашла?

– Ответ. – Она схватила меня за руку своей миниатюрной ручкой. – Оружие, с которым мы победим в войне и прервем эту бесконечную ночь.

– Оружие?

Она кивнула.

– Перед которым не устоит ни один холоднокровка на земле.

Брови у меня сошлись к переносице.

– Клинок какой-то?

– Нет.

– Значит, некое химическое вещество?

Хлоя снова стиснула мою руку и заговорила с жаром:

– Это Грааль, Габриэль. Я тебе, дураку, о Граале толкую.

Я посмотрел Хлое Саваж прямо в большие милые глаза.

Медленно откинулся на спинку стула.

Да с хохотом брякнулся с него на пол.

VI. Одни обещания

– Грааль святой Мишон, – пробормотал Жан-Франсуа.

– *Oui*, – подтвердил Габриэль.

– Чаша, в которую собрали кровь вашего Спасителя, когда тот умирал.

– Так сказано в Заветах.

– Представь, что ты лучше моего разбираешься в Писании, Угодник, и растолкуй.

Габриэль пожал плечами.

– В общем, аколиты единственного рожденного Сына Вседержителя предали его, и его схватили жрецы старых богов. Потом, после семи дней пыток они его распяли на колесе от колесницы, содрали со спины кожу, дабы успокоить Брата Ветра, спалили плоть под ней, дабы ублажить Отца Пламя, перерезали ему горло, дабы насытить Матерь Землю, а в конце сбросили его тело в Вечные Воды. Однако самая преданная последовательница, охотница Мишон, не смогла смотреть, как кровь учителя пропадает в пыли, и собрала ее в чашу. Этот сосуд и стал первой реликвией Единой веры, а Мишон – первой мученицей. – Габриэль хмыкнул. – Такая себе работенка, доложу я тебе.

– Детские сказки, – задумчиво пробормотал вампир.

Последний угодник-среброносец откинулся на спинку кресла и сцепил руки за головой.

– Как угодно.

– Эта женщина, Саваж, наверно, была дурочкой.

– Правду сказать, я таких рассудительных сучек еще не встречал.

– Она принимала на веру крестьянские суеверия.

– Двадцать семь лет назад большинство считало крестьянскими суевериями вас, пиявок. Да и твоя бессмертная императрица тоже верит в наши сказки, иначе я был бы уже мертв.

Жан-Франсуа окинул Габриэля сверкающим взглядом.

– Ночь молода, шевалье.

– Одни обещания…

– Ты и сам сперва насмехался над этой историей, как и я сейчас.

– Было дело.

Вампир провел острым ногтем по кромке пера.

– Как повела себя сестра Хлоя, услышав твой смех?

– Ну, от радости скакать не стала. Правда, я тогда так напился, что мне было плевать.

Хлоя смотрела со смесью жалости и гнева во взгляде, как я катаюсь по полу «Идеального мужа» и хохочу так, словно она – придворный шут самого императора Александра.

Тогда к нам, пряча руки в рукава рясы, подошел старый священник-зюдхеймец. Его морщинистая кожа, темная, как сумерки, напоминала скорлупу грецкого ореха. На шее у него висел символ Спасителя, колесо – идеальный круг из чистого серебра. В те ночи он стоил целого состояния.

– Все хорошо, сестра Хлоя? – спросил он, глядя на меня с недоумением.

– О, даже лучше, чем просто хорошо, отче, – просмеялся я, смахивая слезы. – Вы разве не знаете, что наша Хлоя отыскала ответ?

– Попридержи язык, Габриэль, – пробормотала сестра.

– Она знает, как оборвать эту сраную бесконечную ночь, никак не меньше!

– Закрой рот! – приказала Хлоя, пнув меня в голень.

Болтовня в таверне стихла, все с увлечением следили, как я выставляю себя полнейшим мудаком. Прислужница горестно посмотрела на устроенный мной беспорядок. Паренек по имени Диор взирал на меня с чистым презрением из-за сигарильного дыма, а вот юный бард с улыбкой поднял за меня кружку.

И как раз в этот момент дверь таверны открылась, впуская брызги ледяного дождя и пухлого элидэнца средних лет. Лицо у него раскраснелось, напудренный парик съехал набок. Пальцы-сосиски, в которых он сжимал посох с навершием-завитком, были унизаны серебряными перстнями, а красная мантия – покрыта шитьем в виде строк из Писания; на шее висел символ колеса. Пришел мужчина в сопровождении ополченцев, дежуривших у ворот.

Он обвел кабак злым взглядом, который остановил на владелице.

– Мадам Петра, – сказал он. – Неужто к вам в заведение

так часто заглядывает почтенное дворянство, что никто и не думает послать за мной с известием о приезде угодника?

– Мы побоялись тревожить вас во время молитвы, епископ дю Лак, – потупившись, ответила женщина. – Прощу прощения.

Я присмотрелся к священнику. Заметил, как с его появлением упало настроение в зале. Он явно заправлял в этом городке. В ночи голода и страданий после начала мертводня не осталось в империи никого, кто процветал бы больше Святой церкви. Когда ад разверз свои врата, простонародью оставалось только обратиться за руководством к священникам. Но я знавал монахов, холоднокровка, и знавал политиков. Обручальное кольцо поставил бы на то, что этот ублюдок был из последних: слишком уж хорошо одет, слишком уж сыт, и явно считает, будто ему везде рады. Я убрал с лица волосы и с трудом ткнул в его сторону пальцем.

– Какое у тебя платьишко милое.

– Вам бы следить за языком, мсье, – предупредил епископ, – иначе вас погонят по улице плетьми, как непослушного пса.

– Как-то это не очень вежливо.

Он оглядел меня, лежащего на полу в обнимку с водкой, небритого, босого и с грязными ногами.

– А вы как-то не похожи на того, кто заслуживает вежливого обращения.

Опершись на свой посеребренный посох, он раздулся,

точно индюк.

– Я Альфонс дю Лак, епископ Гахэха. Мне донесли, что среди вас присутствует член Ордо Аржен. – Он присмотрелся к посетителям. – Молю, укажите на этого доброго брата. У меня к нему разговор, не терпящий отлагательств.

Прислужница кивнула в мою сторону.

– Вон он, ваша милость.

Епископ так и раскрыл рот.

– Вот… этот?

Епископ взглянул на стоявшую подле меня Хлою, но та лишь пожала плечами. Я кое-как встал, и тут у меня в животе протестующе заурчало. Пожалуй, не стоило браться за вторую бутылку местной водяры: как бы не пришлось заказывать ужин по новой.

Епископ, к своей чести, быстро подошел ко мне и затряс руку с таким рвением, что чуть не потерял парик.

– Какая честь, святой брат.

– Как угодно, – прорычал я, прекращая пожатие.

Дю Лак же, сильно взволнованный, поправил парик.

– Прошу у вас прощения. Если бы я знал, что вы едете к нам, встретил бы у ворот. Уже много месяцев назад я молил великого понтифика Гаскойна прислать нам помощь против бесчинствующих мертвецов. Думал, его святейшество выделит несколько отрядов, но не знал, что он вышлет целого угодника-среброносца…

В животе снова заурчало, на сей раз угрожающе, и я, по-

качиваясь, накрыл его ладонью.

– Зря я съел картофельный хлеб…

Хлоя придержала меня под руку.

– Габи, ты бы сел.

– Брат, прошу вас, – молил епископ, – я бы хотел, если можно, поговорить с вами наедине.

Я с прищуром оглядел его напудренные кудряшки.

– Да у вас котик сдох.

– Габриэль, тебе надо выпить воды, – предупредила Хлоя.

– Прошу простить. – Вспыхнув, епископ обернулся к Хлое. – Я веду официальный церковный разговор. Кто вы, собственное, такая, мадам?

– Что ж, во-первых, никакая я не дама. Я девушка.

– Простите. Я подумал, что вы, быть может, замужем. Женщина ваших лет…

– Прошу прощения?

– Неважно он выглядит, – заметил, глядя на меня, один ополченец.

– Чувствует он себя тоже херово, – признался я.

– Габриэль, ты только что выпил бутылку водки, – сердито посмотрела на меня Хлоя.

– А ты что, моя мама?

– Видит Бог, жаль, что нет. Научила бы не позориться на людях.

– Живи так, как тебе нравится.

К толкучке в зале присоединились и спутники Хлои. Ос-

сийка с косами рубаки встала рядом с сестрой, положив руку на один из ножей. Пижон остановился позади, все еще пряча глаза за пепельной мочалкой волос. Так и подмывало смахнуть ее на хер у него с лица.

Симпатяжка торчал у стойки, болтая с прислужницей.

– Добрый брат, – обратился ко мне епископ, – нам следует отужинать у меня дома. Надолго ли вы к нам? Понтифик Гаскойн не передавал послания?

– С какой стати мне вести письмо от этого пузатого засранца?

Хлоя ткнула меня локтем в ребра.

– Прошу прощения, епископ дю Лак, но добрый брат в Гахэхе не с поручением от его святейшества. Утром он уезжает вместе с нами.

– Нет, не уезжает, – заголосил пижон.

– Диор. – Хлоя обернулась к нему. – Дай мне, пожалуйста, самой все уладить.

– Он с нами не поедет.

– Ты хоть знаешь, кто он такой?

– Не знаю и знать не хочу.

– Диор, это сэр Габриэль де Леон.

В зале заохали. По рядам ополченцев пробежала дрожь, а епископ посмотрел на меня с еще большим изумлением и осенил себя колесным знамением.

– Черный Лев…

– Этот человек убил больше холоднокровок, чем само

солнце, – пояснила Хлоя. – Он – меч империи. Посвящен в рыцари самой императрицей Изабеллой. Он герой.

Мальчишка затянулся сигариллой и смерил меня взглядом.

– Пусть поцелует меня в мои мягкие булки…

– Диор…

– Он с нами в путь не отправится.

– Правильно, сука. Не отправлюсь, – прорычал я.

– Вот видишь? Он сам же ехать не хочет.

– Еще как, сука, не хочу.

– Да и на кой нам вообще пьяная свинья?

– Вот именно, су… Стой, че ты там вякнул?

– Ты пьяная свинья. – Мальчишка в модном кафтане затянулся и выпустил мне в лицо струю дыма. – Нужен ты нам, как быку – титьки.

– Иди в жопу, говноед мелкий, – прорычал я.

– Хрю-хрю-хрю.

– Свиньи не так визжат.

– Тебе виднее.

– Туше, – хихикнул в бороду священник-зюдхеймец.

– А тебя кто, сука, спрашивал, поп?

– Довольно! – Епископ топнул каблуком начищенного сапога. – Все, кто не имеет прямого отношения к этому делу, немедленно покиньте заведение! Алиф, живо очистите зал!

Стоявший рядом с ним мужчина кивнул, и его бойцы принялись выгонять клиентов. Горожане бурчали, но ополчен-

цы не слушали. Один из них потянулся к острому на язык пижону, и тут разразился ад.

Оссийка перехватила руку солдата и, без усилий вывернув ему запястье, дала такого пинка под зад, что ополченец отлетел на товарищей.

– Не трожь.

Вояки, как и следовало ожидать, схватились за дубинки, но девица из горного клана достала из-за спины секиру – прекрасную и сверкающую. Мсье Сердцеед, только что трепавшийся с девкой у бара, вскочил на стойку и снял со спины арбалет. Хлоя же с невиданной для монахини скоростью вскинула меч из сребростали.

– Ни шагу ближе, – предупредила она, сдувая упавшую на глаза челку.

– Я епископ этого прихода, и мое слово – закон! – взревел дю Лак. – Сложите клинки, или, клянусь Вседержителем, прольется кровь!

Солдаты схватились за стальное оружие, а посетители попрятались под столами. Еще чуть-чуть, и началось бы насилие; кровогимн загремел в разгоряченной спиртом крови, а к тошноте примешалось жжение в брюхе от нахлынувшего адреналина. От духовных дел мы удалялись быстрее, чем дрочат в подворотне.

И тогда я со вздохом обнажил собственный меч.

Сталь зазвенела, подобно песне, а в зале затихли, уставившись на мое оружие. Вдоль клинка тянулись неизвестные

глифы, а сам он поблескивал, словно нефть на воде. Лезвие меча было изогнуто, острие выщерблено – не хватало полфута с конца. Прекрасная дама на эфесе развела руки; посеребренная, она, как всегда, улыбалась.

– Пьющая Пепел… – выдохнул повеса.

«Они знают нас, Габриэль, – прозвучал у меня в голове ее голос. – *К-клинок, рассекший тьму надвое. Муж, которого страшилась нежить. Они п-помнят нас… даже спустя столько лет».*

Я описал медленный круг, убедившись, что присмирели все.

«Ты, между прочим, выглядишь как растоптанный кусок дерьма».

– Заткнись, – прошептал я.

– Я ничего не говорил, шевалье, – проговорил вспотевший епископ.

– Вот и дальше молчи. – Я взглянул на Хлою, потом снова на клинки ополченцев. – Похоже, тебе и твоим товарищам тут больше не рады, сестра Саваж.

– Похоже. – Она кивнула, пятясь к двери. – Где твоя лошадь?

– Я с вами не еду, – фыркнул я.

– Но Габриэль…

– А, прелестно. – Епископ улыбнулся, промокнув губы платочком. – Этот сброд ничего собой не представляет. Предлагаю прийти ко мне в дом, шевалье, у нас…

– И с тобой не пойду, поп.

– Но… – Дю Лак оглядел своих людей. – Куда же вы тогда денетесь?

– Спать, сука, пойду.

В комнате внезапно забормотали.

– Но шевалье, мертвецов становится больше с каждым д…

– Наша встреча – не случайность, Габриэль, это Божья в…

«Черт тебя возьми, Габриэль, прислушайся к…»

– Молчать! – взревел я, стискивая рукоять.

В зале и – слава Богу – у меня в башке повисла звенящая тишина.

– Я сегодня уже потерял старого друга, ваша милость, – предупредил я епископа. – И мне, как вы понимаете, от этого сильно плохо. Поэтому советую вам и вашим людям отпустить с миром другого моего друга. – Я посмотрел в грустные красивые глаза. – Это самое большее, что я могу для тебя сделать, Хлоя.

– Габи…

– Шевалье…

– Отстаньте уже от него, – прозвучал кристально-чистый голос, и в зале снова воцарилось молчание. В странной тишине взоры собравшихся обратились на Диора в окружении спутников. Малец затоптал окурок сигариллы, мотнул головой, отбрасывая с лица пепельные волосы, и я впервые увидел, что глаза у него бледного, пронзительно-голубого цвета.

– Диор… – начала было Хлоя.

– Как ты не видишь? – фыркнул малец. – Ему плевать на тебя. Ему нет дела до этого города и его бед. Он не герой. Просто пьяница. И ходячий мертвец.

В голове зашептало серебро:

«Устами м-младенца…»

Однако я заткнул его, грубо сунув Пьющую Пепел в ножны. Слегка покачиваясь, подошел к очагу и подобрал там сапоги. Морщась, выпрямился и оглядел комнату, остановился на размытой тройне трактирщиц за стойкой.

– Я буду завтракать в полдень, мадам, если вы не против.

Хлоя взглянула на меня с болью, епископ и его люди – с недоумением. А я, ни разу не оглянувшись, потащился наверх спать.

VII. Звезды на вчерашнем небе

– Я проснулся, когда в темнейшем небе не было видно ни проблеска надежды.

Открыл глаза, окутанный бархатной тьмой. Во рту все еще ощущался привкус водки, а во мраке неисполненным обещанием висели запахи свечного дыма, кожи и пыли. Рука больше не болела. Я не сразу понял, где я и что меня разбудило? Но вот снова послышался звук, от которого сердце неизменно принималось колотиться о ребра и который вытаскивал меня наверх сквозь разодранную пелену сна.

За окном кто-то скребся.

Я сел, высвобождая ноги из скомканных простыней, и прищурился на утопающий в тени карниз. Моя комната располагалась на верхнем этаже таверны, но там, снаружи ждала меня она. Парила, будто плавая в темной воде, широко разведя руки и царапая ногтями по стеклу. Бледная, как лунный свет. Холодная, как смерть. Когда она приблизила к окну свое лицо в форме разбитого сердца и прошептала «Мой лев», оно ничуть не запотело.

Нагая, она была окутана ветром. Волосы струились шелковистой смолой, черными лентами, приливом в безлунную ночь, обтекая все тело. Бледная кожа сияла, точно звезды на вчерашнем небе, а красота была сплетением паучьих песен и снов голодных вольчих стай. Мое сердце пронзила страшная,

невыносимая боль, после которой остается лишь пустота.

Она смотрела на меня глазами полными темного притяжения. Прошептала:

– Впусти меня, Габриэль.

Огладила свое тело, задержавшись на знакомых обнаженных округлостях. Бескровными губами вновь шепнула:

– Впусти меня.

Я подошел к окну, открыл щеколду и принял ее в свои объятия. Ее кожа была холодна, как неглубокая могила, а рука, огладившая мои волосы, – тверда, точно надгробие. Зато губы – мягки, словно перины. Она увлекла меня вниз, вздохнула, и мои веки затрепетали и смежились. По щекам покатились слезы, придавая поцелую вкус соли и сожаления.

Ее руки скользили по моему телу, уста жадно впивались в мои; я ощущал привкус пожухлых листьев и павших империй. Потом ее зубы, острые и белые, сомкнулись у меня на губах; я почувствовал приводящую в экстаз боль и вкус теплой крови, а она задрожала всем телом и плотнее прильнула ко мне. Подталкивая меня к кровати и скользя зубами по горлу, она срывала с меня одежду, разделявшие нас кожу и ткань. С каждым поцелуем лишала защиты.

И вот она уже на мне, прижимается нагим телом – воплощенные тень и молочная белизна, утробно рычащие от голода. Целуя меня, она постепенно опускалась все ниже; шипела от смеси боли и удовольствия, когда ее губы касались обжигающего серебра татуировок. Зато ниже пояса рисунков

не было, уже ничто не стояло на пути к вожделенной цели, и наконец она со вздохом стянула с меня брюки, коснулась холодной рукой горячей от вожделения плоти. Погладила, дыша холодом, скользнула по всей ее длине губами, которые прежде увлажнила языком; я застонал, дрожа и изнывая.

– Мне не хватает тебя, – вздохнула она.

Ее губы коснулись моего навершия, изогнулись в темной улыбке; язык дразнил меня, и я распалялся от нежных прикосновений.

– Я люблю тебя…

Рубиновые губы заглотили меня целиком, и я выгнулся, хватаясь за скрипучую кровать так отчаянно, будто от этого зависела моя жизнь. Беспомощный, я, словно течению, отдался движениям ее руки и языка, ритму – старому, как мир, глубокому, как могилы, и жаркому, как кровь. Меня несло все выше в беззвездное полыхающее небо, а я забыл обо всем, кроме нее, голодных стонов и трепетных шелковистых касаний, подводивших меня к самой грани.

И вот когда я рухнул, где-то между вздохами, ослепительными вспышками, когда фонтан моей маленькой смерти ударил ей в уста, я ощутил укол двойных лезвий. Капельку боли посреди моря блаженства, красный ключ, открывшийся, когда я все отдал.

И она стал пить.

Силы мои давно уже иссякли, а она все пила и пила.

VIII. У ворот

– Поутру в голове у меня разгулялся легион маленьких дьяволят.

Они по очереди пинали меня в мозг утыканными ржавыми гвоздями ботинками, но вот один, похоже, пролез мне в рот, проблевался там и сдох. Когда я рискнул приоткрыть глаза, наградой мне стал клин такого ослепительного света, что на мгновение я решил, будто мертводень наконец прошел и солнце вновь вернулось на небосвод во всей славе и благости.

– Шило мне в рыло… – простонал я.

Рука зажила, будто ее и не ломали вовсе. Я коснулся шеи, запустил руку в брюки, но ни следа от ран не заметил. На плече у меня сидела нежеланным другом жажда, сорока и пересмешник. Я прогнал воспоминание о бледных изгибах и устах красных, как кровь, когда в дверь ко мне заколотили так, будто в нее забил копытами разъяренный жеребец.

– Шевалье де Леон?

Петли скрипнули, и в комнату заглянула прислужница. Я лежал на кровати без рубашки, в расшнурованных и опасно низко спущенных брюках. Щеколда на окне была открыта. Бросив стыдливый взгляд на мою татуированную кожу, девица потупилась.

– Простите, шевалье, но за вами прислал епископ.

– К-который час?

– Уж заполдень.

Я прищурился на кувшин у нее в руках.

– Еще в-водка?

– Вода, – ответила девица, протянув ее мне. – Подумала, вам пригодится.

– *Merci, mademoiselle*.

Я сделал большой и неторопливый глоток, а остальное выплеснул себе в лицо. Задушенный дневной свет раскаленным добела копьем бил в открытое окно. Изнутри у меня донеслись такие звуки, будто потроха просились наружу и если я их не выпущу, то дорогу они пробьют себе сами.

– Шевалье, – нетвердым голосом обратилась ко мне девица. – У ворот мертвые.

Я со стоном выпрямился и убрал с лица мокрые волосы.

– Не бойтесь, мадмуазель. У вас тут полно людей, крепкие стены. Парочка порченых…

– Это не порченые.

Тут я поднял на нее взгляд. Мой вялый пульс участился.

– Правда?

Девица, выпучив глаза, покачала головой.

– Епископ просит вас явиться как можно скорее.

– Ладно, ладно… Где мои брюки?

– На вас, шевалье.

– …Семеро мучеников, я ног не чувствую.

Я прижал кулаки к глазам. Череп пульсировал так, будто

меня в него трижды трахнули. Девица подошла и помогла мне встать на дрожащие ноги, а я, зашипев от боли, схватился за лоб.

– Мне принести еще воды?

– Как вас зовут, мадмуазель?

– Нахия.

Я со вздохом покачал головой:

– Просто подай мне мою трубку, Нахия.

Десять минут спустя я плелся по грязи к южным воротам Гахэха; сверху лил ледяной дождь, а внизу, под ногами вертелись крысы. Нахия шла следом, заламывая руки. Я накинул пальто – оно было сухое, и это радовало, – и натянул сапоги – они еще были влажные, и это удручало. Облачаясь, я, однако, не мог не вспомнить молодые годы, дни моей славы и, опоясанный Пьющей Пепел, надеялся, что выгляжу, сука, внушительней, чем чувствую себя.

У ворот ждал епископ. Парни из ополчения при жиденьком, как водица, свете дня выглядели еще менее впечатляюще, чем вчера ночью. Слух о моем имени, без сомнения, разошелся по их рядам. Как и разговорчики о вчерашнем дебоше.

– Хвала Вседержителю, – начал епископ. – Шевалье, конец пришел…

– Соберите яйца в кулак, ваша милость.

Из-за частокола донесся крик – голос, от которого люди вокруг меня задрожали.

– Сюда его! У нас в распоряжении, может, и вечность, но на мычащий скот мы ее тратить не собираемся!

Я по старым скрипучим ступеням поднялся на грубые, занозистые мостки. Там нырнул, словно в объятия старых друзей, в тень за самыми высокими зубцами изгороди; следом за мной неохотно плелся епископ. На стене стояло с десяток человек в старой кожаной броне и ржавых шлемах. Среди них был давешний козел, посмевший дерзить мне, и еще один мужчина, который, видно, был у стражей за главного: грузный, с опухшим лицом и сильно морщинистой кожей, державший во рту трубку из китового уса. Мозолистые руки, подбородок в шрамах. Единственный настоящий солдат в этой толпе.

– Капитан, – кивнул я ему.

– Шевалье, – пропыхтел он, глядя за стену. – Отличный день для встречи с Создателем.

Говорил он твердо, сквозь сжатые зубы, а вот его ребятушки готовы были наложить в штаны. Выглянув в щель между бревнами, я увидел источник их страха.

Посреди дороги стоял экипаж превосходной отделки: черный лак и золотое окаймление; два фонаря под дождем излучали бледный, как луна, свет. Только вместо лошадей карета была запряжена десятком порченых – и каждый до обращения был девчонкой-подростком. Оборванные и подгнившие, они смотрели на часовых, и в мертвых глазах не читалось ничего, кроме голода. На ко́злах же сидело создание куда го-

лоднее.

Тварь тоже носила облик девчонки, но, в отличие от холоднокровок в упряжке, осталась идеально красивой и была одета в кожаный корсаж, полуюбку и высокие сапоги. Покрытые темной помадой губы блестели, насыщенно-синие глаза были подведены, а лицо – обрамлено длинными черными волосами. Кожа мертвенно-белого оттенка, а на подбородке еще виднелись следы недавнего убийства.

– Готов поспорить, она из клана Дивок, – проворчал капитан.

– Нет, – ответил я, осматривая холоднокровку. – Она из клана Восс.

– Старожил? – задрожав, спросил епископ.

Я покачал головой.

– С виду так еще птенец.

Историк внезапно постучал пером о книжку у себя на коленях.

– Серьезно? – вздохнул Габриэль. – Опять?

– Как с ребенком, де Леон, – напомнил вампир. – Как ты сумел определить ее родословную с первого взгляда?

– Может, потому что не с луны свалился? Вы, Честейны, редко странствуете в каретах. Дивоки тогда были заняты резней в Оссвее, а Илоны слишком уж утонченные, чтобы заявляться с такой помпой. Зато потомство Вечного Короля после успеха семьи в Нордлунде стало зазнаваться. Их кредо теперь гласило: «Все падут на колени», а дети Фабьена виде-

ли себя вампирскими королями, которым суждено править бесконечной ночью, сидя на престолах из костей старой империи. Подкатить к сельской дыре на вычурной карете, запряженной десятком трупов, было как раз в духе Воссов.

Жан-Франсуа кивнул.

– А этот термин… птенец?

– Ты и сам, сука, в курсе, что значит «птенец».

– Тем не менее я бы хотел пояснений.

– А мне хотелось бы стакан односолодового виски и чтобы куртизанка с сиськами на тысячу роялей прочитала мне сказку на ночь. Хотеть не вредно.

Вампир зарычал:

– Марго Честейн, первая и последняя своего имени, бессмертная императрица волков и людей, всегда получает желаемое.

Габриэль проглотил ругательство и сделал глубокий вдох, успокаиваясь.

– Становление холоднокровки проходит в три стадии. Ваша так называемая жизнь имеет три периода. Новые мертвяки называются птенцами. Молодые, относительно слабые, они все еще хранят остатки человечности и только ищут свой путь во тьме. Спустя век убийств птенец может считаться матерым: это вампир, полностью овладевший своими дарами, чрезвычайно опасный и лишенный всяческой человеческой морали. Последние и самые смертоносные – это старожилы. Старейшины.

– Ты на глаз умеешь определить разницу?

– Птенцов иногда вижу. – Угодник пожал плечами. – Они хоть и не дышат больше, но порой выдают себя чем-то вроде удивленных охов и ахов. Моргают по привычке. Некоторые обманываются, внушая себе, будто видят в смертных нечто большее, чем пищу. Но потом все размывается, отмирает, и к возрасту матерого они становятся чем-то совершенно иным.

– Чем-то большим. – Жан-Франсуа кивнул.

– И гораздо, гораздо более пустым, – добавил Габриэль.

Вампир огладил оперение на лацканах. В его глазах отражалось пламя лампы.

– Сколько мне, по-твоему, шевалье?

– Достаточно много, чтобы в тебе ничего не осталось, – ответил Габриэль.

И, не желая больше продолжать игру, угодник-среброносец вернулся к рассказу:

– Я присмотрелся к холоднокровке с высоты частокола, оценивая ее.

Она же тем временем слезла с козел и пошла, увязая в прихваченной морозцем грязи, мимо бездушных порченых девчонок в упряжке, к стенам Гахэха под снегом с дождем. Нацеленных ей в грудь стрел она словно не видела.

Я прикинул, что она погибла лет так в тринадцать, и ее тело застыло во времени, всего года или двух не дотянув до берегов зрелости. Когда она посмотрела вверх на ополченцев,

на ее лице лезвием бритвы сверкнула улыбка. Страх окутал стены бледным туманом.

– Вы все умрете, – объявила она.

Тут один из молодых не выдержал: резко звякнула тетива арбалета, стрела угодила точно в цель, но врезалась в грудь девчонке с глухим стуком, будто та была вырезана из железного дерева. Глядя на паренька, вампирша выдернула болт из груди и облизнула наконечник длинным юрким языком.

– Ты первый, мальчик, – пообещала она.

– Пли! – скомандовал капитан.

Запели арбалеты, и еще десяток стрел полетело вдогонку первой. Однако холоднокровка не сошла с места. Болты хоть и попали в нее, вреда опять не причинили: один даже чиркнул ее по лицу, оставив лишь царапинку на фарфоровой щеке. После залпа вампирша скорбно оглядела дыры в своем наряде. Выдернула еще стрелу и бросила ее в грязь.

– Мне нравилось это платье…

– *Oui*, – пробормотал я. – Она точно из Воссов.

– Смоленые! – приказал капитан. – На изготовку!

Ополченцы перезарядили оружие, только на этот раз наконечники их стрел были обмотаны просмоленной ветошью. Стрелки собрались у бочек с огнем, готовые запалить их.

Тут холоднокровка замерла. Под залпом стрел она, может, и выстояла, но если и есть то, чего боятся все мертвяки, так это огонь. При виде ее нерешительности на стенах слегка оживились.

Однако тут открылась дверца экипажа.

Пассажир вышел под дождь со снегом, ступив в грязь и аккуратно притворив за собой дверцу. Сквозь потоки воды я разглядел его наряд аристократа: черный кафтан, шелковая сорочка и прекрасная сабля у пояса. С плеча свисала длинная бретерская накидка из пушистой волчьей шкуры, подбитая красным атласом. Напомаженные черные волосы были убраны назад, открывая бледный лоб с вдовьим пиком. Этот вампир был прекрасен, как полная падших ангелов постель, однако кромка плаща была в красных брызгах, а глаза напоминали две раны от ножа. Подойдя к спутнице, он взял ее за ручку, а я весь, от макушки до пяток, задрожал от чистейшего гнева.

– Вот это старожил, – тихо произнес я.

– Знаешь его? – спросил капитан.

Я кивнул, не веря собственной удаче:

– Велленский Зверь.

На стенах зашептались, а дю Лак побледнел, как кости младенца.

– Меня зовут Дантон Восс, – назвался вампир. – Сын Фабьена и принц вечности.

Холоднокровка расправил пышные манжеты рукавов, убрал со лба выбившуюся прядку. Порченые девчонки, тянувшие карету, застыли неподвижно, храня мертвенное молчание. Теперь-то я знал, что они – его выводок, покорный его бессмертной воле. Мелкая вампирша, скорее всего, то-

же была обращена им, но успела восстать до начала распада. Взгляд чудовища остановился на дю Лаке, и его губы изогнулись в улыбке при виде колеса на тонкой серебряной цепочке, свисавшей с шеи епископа.

– Приведите его ко мне, ваша милость. Иначе я войду и заберу его сам.

В голосе вампира ощущалась власть. Он был холоден, как могила, и непостижим, как вечность. Ополченцы неловко воззрились на меня. Вдоль укреплений на колья были насажены мертвяки, а значит, эти люди и прежде сражались с нечистью, однако я понял, что прежде им не попадался враг вроде этого, к тому же никто не станет погибать ради меня.

– По-вашему, он это серьезно? – спросил епископ.

– Думаю, да.

Капитан оглядел парней и стариков у себя под началом: все дрожали. Посасывая мундштук трубки, он выпустил клуб сизого дыма.

– Тогда нам каюк.

IX. Велленский зверь

– Я смотрел вниз на холоднокровок и гадал, правда ли это мой последний день или же это день, когда все началось. Я проверил бандольер: фиалы, запасы черного игниса и серебряного щелока, святой воды. Затем кивнул на облачко дыма, выпущенное дородным капитаном.

– Огниво одолжите?

Спускаясь по ступеням, я высек искру и закурил трубку. Наполнил легкие дымом из мертвых, и к тому времени, как мои сапоги коснулись грязи, в жилах громыхал кровогимн: жажда забылась, похмелье развеялось; пульс бил барабаном в первобытном яростном ритме, гоня за ограду и не давая думать ни о чем, лишь о твари, что ждала меня там. Я спрятал трубку, зашнуровал воротник под нос и кивнул привратнику.

Ворота со скрипом отворились. Я вышел за пределы укрытия, дарованного стенами Гахэха, и ветер подхватил полы моего пальто. Когда створы позади меня снова захлопнулись, я опустил голову.

Велленский Зверь смотрел на меня через завесу снега с дождем и щурился. Я же отсалютовал ему, коснувшись краешка треуголки.

– Светлой зари тебе, Дантон. Папочка в курсе, где ты?

Мертвая девица вышла вперед и мрачным взглядом обве-

ла мои сапоги, пальто и налитые кровью белки глаз.

– В сторону, смертный.

– В сторону? Ты же сама требовала, чтобы я вышел, пиявка.

Она усмехнулась.

– Чтобы мы явились сюда за тобой?

Я удивленно моргнул. Мысли, подгоняемые санктусом в легких, так и завертелись в башке. Мне-то показалось, будто вампиры охотятся на меня, будто Вечный Король наконец одумался и послал сынулю закончить начатую им работу, но одного взгляда в эти кремнево-черные глаза хватило, чтобы понять: Дантон обо мне и не вспоминал.

В конце концов, для него я мертв.

Тогда я вспомнил, что было в таверне накануне, что сказала мне Хлоя: «Среди наших преследователей есть и бессмертные». Вспомнил, как товарищи доброй сестры с жаром схватились за оружие и встали на защиту…

– Мальчишка, – сообразил я. – Диор.

– Приведи его к нам, – приказал птенец, глядя на меня пустыми глазами.

– Я бы просил тебя добавить «пожалуйста», но мальчишки уже и в городе-то нет.

– Посмотрим, сумеешь ли ты лгать так же складно, когда твой окровавленный язык окажется у меня в руке?

– Говорить я, сука, точно стану меньше твоего, *chérie*.

Птенец смерил меня злобным взглядом, плотно сжав чер-

ные губы, а вот Дантон смотрел на меняя осторожнее. Затем его давно мертвые глаза скользнули по зубцам частокола, по ополченцам на стенах. В тишине слышно было только, как стонет ветер; вампир стоял неподвижно, словно каменный.

Его, младшего сына Вечного Короля, прозвали Велленским Зверем. Имя это он заработал семнадцать лет назад, когда армия его папаши сокрушила первую на своем пути столицу к западу от Годсенда. Врата Веллена пали, и Несметный легион вырезал всех его жителей, мужчин и женщин, но Дантон питал особую слабость к юным девам. Такая о нем ходила дурная слава. Слух гласил, будто бы он собственными руками убил в городе всех девочек младше шестнадцати лет.

Я посмотрел на экипаж у него за спиной. На порченых девиц, совершенно покорных своему убийце. А Дантон обратил свой темный взор на меня и заговорил, будто вбивая каждое слово молотом:

– Говори, куда отправился мальчик.

Он вторгся в мой разум, придавил своей волей; его мощь, обретенную за века тьмы, я ощущал душой и шкурой, как покалывание. Противиться желанию подчиняться, угождать было бессмысленно. Хотелось уступить, склониться, но ненависть к этой твари, к его роду, к лишениям, которым они меня подвергли, к тому, чем Дантон был и кем притворялся, пересилила. Я крепко зажмурился и тряхнул головой.

– Ты ведь не ждал, что это сработает на угоднике-сребросносце, да?

Переполненный презрением, Дантон окинул меня беглым взглядом. Выглядел я, должно быть, не очень внушительно: изможденный и грязный; глаза глубоко запали.

– Черное кожаное пальто и легкие, полные крови шавки, не делают угодника из тебя, – сказал он.

Я вынул меч из ножен, и в голове у меня запела серебристая музыка его голоса:

«Мне снился… т-такой с-странный сон…»

– Пора вставать, Пью. Работа ждет.

«Да?.. О… О-о-о-о, да-а-а-а, да-а-а-а…»

Девицы в упряжке заерзали. В раззявленных ртах блеснули острые клыки. Дантон скривил бледные губы и моргнул, освобождая порченых.

Мертвые девчонки побросали крестовины и бурлящим потоком кинулись на меня – злобные, бездушные и быстрые. Их было примерно столько же, сколько и мертвяков накануне, когда я потерял беднягу Справедливого и бежал, спасая собственную никчемную жизнь. Вот только сегодня я был не пешим странником и легким ужином. В моих жилах гремел санктус, а моя рабочая рука была тверда, как сталь. И когда Пьющая Пепел нестройно затянула у меня в голове старую колыбельную, я устремился на них; меч начал свой танец, и их взгляды наполнились удивлением.

Странно это – биться, когда ты во власти кровогимна. Мгновения кажутся десятками лет, но в то же время весь мир размывается в кроваво-красном тумане. Этих мертвя-

ков я располосовал, как бритва – шелк, а после моего меча в воздухе витал пепел, за что он и получил свое имя. Блаженное освобождение было единственным даром, который я мог преподнести бедным девушкам, и я преподнес его каждой из них. Закончив же, встал посреди раскисшей дороги: пальто, кожа, клинок – все в липких разводах красного и потеках серого. И на какой-то ужасный миг даже удивился: зачем бросил все это?

– Господь всемогущий, – прошептал кто-то на стене.

– Великолепно, – пробормотал капитан.

Чувства обострились, как лезвие клинка у меня в руке; пульс грохотал громом. Я стряхнул кровь с Пьющей Пепел прямо в холодную грязь. Смахивая серые хлопья с лацкана пальто, посмотрел Велленскому зверю прямо в глаза.

– На что тебе мальчишка, Дантон?

Вампир молча обвел быстрым взглядом следы бойни и окровавленный меч у меня в руке. Я же всматривался в его черные глаза, ища хоть капельку намека на ответ.

– Я слышал бредни о чаше Спасителя.

Девчонка-вампир усмехнулась:

– Ты ничего не знаешь, смертный.

– Знаю, что ты ошиблась, придя сюда, пиявка: в небе еще висит солнце.

Этот мой удар попал в цель. Что-то такое промелькнуло в темных, как сумерки, глазах Дантона, когда он стрельнул ими в акварельное небо. Велленский Зверь был сыном само-

го могущественного вампира на земле. Он наверняка прибыл к этим стенам, рассчитывая пройти сквозь них и крестьян в ополчении, а встретил меня.

Птенец прищурился и сверкнул клыками.

– Кто ты такой?

– Должно быть, ты совсем никто, *chérie*, – хмыкнул я, – раз даже не знаешь обо мне.

«Покажи им, Габриэль», – прошептало серебро.

Я развязал шнуровку на воротнике. Девчонка даже не моргнула, а вот черный лед в глазах Дантона раскололся. Зверь узнал меня. Он снова посмотрел на сломанный меч, на пустое место у меня на груди, где прежде была вышита семиконечная звезда. Облизнул кончик клыка.

– Де Леон. Живой?

– Как ни печально.

– Как же так? – прошипел он.

– Бог не принял меня, а дьявол побоялся открывать дверь. – Я сделал шаг к нему, прищуриваясь. – Да и ты напуган, Дантон.

– Людей я не боюсь, – усмехнулся он. – Ибо я принц вечности.

Я от души расхохотался:

– Никто так не боится смерти, как те, кто считает себя бессмертными. Этому меня научила твоя старшая сестра.

Вампир яростно сверкнул глазами:

– Ты влез в дела, в которых ничего не разумеешь.

Я пожал плечами.

– Чужие дела – мои любимые.

Они перешил к действиям. Замелькали черные одежды и мраморная кожа. Я мигом выхватил пистолет и прицелился в бегущую на меня девчонку. Да, двигалась она резво, но пуля летит быстрее птенчика, бьет в десять раз сильней любой стрелы, а уж с такого расстояния, да когда у меня в жилах течет свежая порция санктуса, я не мазал.

Серебряная пуля ударила прямо в лицо – ровно в царапину, оставшуюся от стрелы, – и девчонка кубарем, захлебываясь криком, отлетела.

Дантон двигался быстрее, застав меня врасплох. Налетел, что твое пушечное ядро, поскольку был старше и сильнее девчонки. У меня перед лицом мелькнули мертвые глаза и острые зубы, молнией сверкнула сабля – удары посыпались с ураганной скоростью. Один такой чуть не оставил меня без челюсти: по щеке побежала горячая струйка красной крови. Сапог вампира врезался мне в живот: внутренности взорвались болью, а сам я, отлетев футов на тридцать, упал в замерзающую грязь.

Все холоднокровки крепки, точно гвозди. Как и бледнокровки, они не думаю о ранах, которые осиротили бы почти любого ребенка, но плоти вампиров клана Восс еще и серебро нипочем. Их старожилам не страшны даже поцелуи огня. Я бы мог съязвить, но этот ублюдок был смертоносен, и я знал: стоит оступиться всего разок, и он мой зад порежет

на ломтики, будто буханку картофельного хлеба.

Я перекатился и встал, уходя от ударов; в жилах у меня гудел кровогимн. Как я и говорил, отрава, которую я выкурил, не была первосортной, но хоть вы, холоднокровки, теперь разгуливаете по земле днем, это не отменяет того, что опаснее всего вы именно ночью. Свет солнца, может, и потускнел, но Дантона он делал слабее. За эту-то соломинку я и хватался.

Из кармана в бандольере я достал фиал и бросил его в лицо вампиру. Сверкнула вспышка, когда заряд черного игниса и серебряного щелока взорвались на воздухе. Одной бомбы не хватило бы даже опалить вампиру кожу, но кое-что из заряда все же попало ему в глаза. Дантон отпрянул, всплеснув руками, а я со всей силы обрушил на него клинок.

Пьющая Пепел рассекла воздух, продолжая нестройно напевать у меня в голове, и отрубила рабочую руку Дантона по локоть. Его плоть была тверда, как сталь, но дневной свет, а также ненависть и гнев, которые я вложил в удар, помогли моему клинку справиться с ней. Отсеченная рука Дантона взорвалась пеплом, когда обманутые годы взяли свое. Вампир зарычал, и его когти с шипением полоснули по воздуху у меня перед самым лицом, а я разбил о его морду фиал со святой водой. Тогда рычание перешло в визг; глаза полезли из орбит от страшной боли, и из них потекла кровь.

– Как смеешь…

Я же отчаянно попытался ухватить его за глотку – мне бы

этого хватило, но пальцы сомкнулись в воздухе. Велленский Зверь уже стоял в сорока футах от меня, под сыплющим с неба мокрым снегом, хватаясь за обрубок руки. Культя дымилась, а сабля лежала в грязи. Тогда я сунул руку за пазуху и достал посеребренный кистень. Сам же я задыхался и исходил кровью. Сломанные ребра впивались во внутренности при каждом вдохе.

– Не останешься на похороны? – просипел я.

Шагнул к нему, но вампир в мгновение ока отскочил еще на двадцать футов. Велленский Зверь прикинул шансы, и, пускай он задал мне трепку, перевес в его пользу был незначителен. В небе светило солнце, а сам он оказался не готов ко встрече с таким противником. Нетерпеливые веками не живут.

Время у Дантона было, не то что у меня.

Позади раздался крик, и, обернувшись, я увидел, как птенец насилу поднимается из пропитанной кровью грязи. В голове у вампирши была сквозная рана, неровная черная дыра. Единственный уцелевший глаз смотрел на создателя.

– Хозяин?

Я вернулся к ней, и она завопила голосом, срывающимся от страха и боли. При этом она все так же смотрела на темного отца.

– Хозяин!

Птенец попытался бежать. Мой кистень оплел девчонке ноги, и она снова плюхнулась в жижу. Поползла, загребая

руками, но я воткнул ей в спину Пьющую Пепел, пригвождая к застывающей земле. Вампирша извернулась, она хотела укусить меня, и тогда я наступил ей на голову, вжимая лицом обратно в грязь. Снял с пояса нож из чистой сребростали, с парящим ангелом воздаяния на рукояти.

– Нет, что ты делаешь, что ты д…

Чудовище завопило, когда я вогнал клинок ей в спину и стал пилить ребра под левой лопаткой. Она, может, и была птенцом, но все же принадлежала клану Восс: брыкалась, извивалась и выла. С меня семь потов сошло, пока я закончил.

– Дантон, помоги!

«Она не девочка, Габриэль. Не человек. Просто ч-ч-ч-ч-ч-ч-чудовище, как и остальные».

Я стиснул зубы. В лицо мне летели пепел и брызги гнилой крови; из несравненного мечника я превратился в мясника. Я работал, перепиливая твердые, как железо, ребра, ощущая старый знакомый восторг, мрачное веселье, которое поднялось во мне, когда я заглянул в глаза твари и увидел в них осознание: после всех убийств, ночей, полных крови, красоты и блаженства, пришел конец.

«Оставим страх».

– Прошу, – взмолилось чудовище, когда я достал пустой флакон. – Прошу…

«И п-примем ярость».

Я запустил пальцы ей между ребер. Мольбы сменились воплем, а я ухватился за сердце и вырвал его. Едва оказав-

шись на воздухе, орган истлел, застигнутый наконец мстительными обманутыми годами. Впрочем, я успел сцедить из него в сосуд сладкую темную кровь. Вампирша выгнула спину – время вором добралось до нее и забрало причитающееся. Один момент – и все закончилось; в красивом платье, которое так нравилось чудовищу, остались хлопья праха, не больше.

Серое и красное. Я со вздохом опустил взгляд на вампиршу, ее жалкие останки, эту девочку у моих ног, а затем посмотрел в глаза ее убийце.

– Ты говорил ей, что любишь, Дантон? Обещал вечность?

Велленский Зверь пристально смотрел на меня, цепляясь за обрубок руки и глядя на погубленных детей. Его глаза превратились в тлеющие угли.

– Страдать тебе за это, угодник. Муки твои войдут в легенды. – И, прошептав это, он превратился в облачко тумана.

X. Красный снег

«Они п-пришли днем, Габриэль».

– Знаю, – сказал я, возвращаясь к вратам Гахэха.

«К-какая-то дыра, но принц вечности рискнул и пришел сюда, п-посреди бела дня… Д-должно быть, отчаянно хотел он этого отрока отыскать, опередить других. Надо их выследить. Н-н-н-н-надо выяснить, в чем же истина, в ч-чем истина».

– Люблю, – сказал я, глядя на клинок, – когда ты трешь мне про то, что я и так знаю.

«Следовало прислушаться к Хлое, Габриэль. И тогда, и сейчас, с-сейчас и тогда. Сколько мы избежали бы, когда бы т-ты…»

– Заткнись, Пью, – предупредил я.

«В-вина на мне, как и н-н-н-н-на…»

Я вогнал Пьющую Пепел в ножны, заглушив ее голос, а ворота города тем временем распахнулись. За ними меня встречали ополченцы, девица из таверны и прочие горожане – все смотрели на меня с ужасом и благоговением. Дю Лак спустился со стены, и я взглянул на колесо у него на шее, потом – ему в глаза.

– *Merci* за содействие, ваша милость.

Выглядел дю Лак пристыженным, на это ему достоинства хватило.

– Мне показалось, вы владеете ситуацией…

– В какую сторону они поехали?

– О ком вы?

– В таверне прошлой ночью, ты, напудренный хлыщ, – прорычал я. – Там были невысокая женщина с копной волос. С нею священник, мальчишка… Они правда поехали на север, как собирались?

– Прошу вашего прощения, но…

– *Oui*, шевалье, – сказала девица из таверны, – они отправились на север.

– *Merci,* мадмуазель Нахия. – Я кивнул, проходя мимо. – Повторюсь, твою кровь я бы выкурил. – Взглянув наверх, на мостки, я крикнул командиру ополченцев: – Если не возражаете, капитан, я оставлю ваше огниво себе.

Седеющий муж кивнул.

– И мои благословения, шевалье. Ступайте с Богом.

– Лучше бы Он, сука, не лез не в свои дела, толку все равно нет.

Я пошел в конюшни и там прикупил, поторговавшись, седло, припасов и упряжь взамен той, которая пропала вместе с бедолагой Справедливым. Город я, наверное, покидал, потратившись чуточку сильней, чем хотелось бы, но я торопился и не стал ворчать по этому поводу.

Пьющая Пепел, может, была сломана и соображала не совсем ясно, но говорила верно: вампиры живут вечно, если умеют верно разыграть карты. Старожили редко поступают

глупо, а уж опрометчиво – совсем никогда. Мне с трудом верилось, что старый вампир Дантон вот так взял и подставился. И если этот мальчишка, Диор, так важен, раз в погоню за ним пустился сын самого Вечного Короля…

Я оседлал Шлюху и во весь опор помчал из города через северные ворота. Хлоя с отрядом получили хорошую фору, так что мне нужно было спешить. Порез, которым меня наградил Дантон, постепенно затягивался, а вот ребра все еще не срослись и болели при каждом вдохе. Темное солнце слабо освещало дорогу впереди; осенний день выдался таким же блеклым, как и зимний закат.

Прежде здесь был пшеничный край, и всюду волновались золотые колосья. Нынче же немногие оставшиеся на плаву фермы растили то, что могли: картошку и прочие корнеплоды да целые поля грибов. Грибы росли всюду: светящиеся звероморы коркой покрывали заборы и камни, бледные побеги душильника обволакивали сухие деревья, а плотные заросли огромных поганок лезли на раскисшую дорогу.

Гниль. Она набухала. Распространялась.

Мы ехали на север, а действие санктуса постепенно заканчивалось, ему на смену спешили похмелье вместе с упадком сил и болью от тумаков. Фермы остались позади, и мы со Шлю оказались на открытой дороге. Вдали серебристо поблескивала речка Юмдир, и сквозь мглу на востоке проглядывала чаща мертвых деревьев, холм, увенчанный руинами сторожевой башни. Мы миновали знак, приколоченный к за-

росшему грибами мертвому вязу.

«Впереди нежить».

Тяжесть Пьющей Пепел у пояса грела мне душу, но еще больше согревала мысль о крови, сцеженной из сердца птенца. Ко мне уже кралась на красных и скользких лапах жажда. Близилась ночь, впереди уже шумела Юмдир. Я прищурился, вглядываясь во тьму, и сердце у меня упало…

– Твое же шлюхородие…

– Дай угадаю, – рискнул Жан-Франсуа. – Жители Гахэха обрушили мост?

– *Oui*, – сердито подтвердил Габриэль. – Этот козел епископ мог бы и предупредить. Подъехав ближе, я увидел только швартовные камни да несколько опор, торчащих из воды посреди потока. По пути мне порченых не встретилось, а значит, обрушили мост не зря: мертвяки в провинцию не проникли. Вот только река была слишком быстра и глубока для Шлю.

И в довершение всего повалил снег.

Я натянул треуголку пониже и скорбно похлопал Шлю по шее.

– Прости, девочка. Надо было тебя предупредить, что Боженька любит мне поднасрать при первой возможности.

Кобыла в ответ заржала.

Хлои и ее отряда нигде видно не было. Я сверился с картой и, отыскав на ней ближайшую переправу, поехал в сгущающейся тьме по грунтовой дороге к холму посреди чащи.

Вспомнил лицо святой сестры, как она шептала, стиснув мне руку: «Это Грааль, Габриэль. Я тебе, дураку, о Граале толкую».

Да, я повел себя с ней по-скотски, но я был подавлен гибелью Справедливого, да к тому же пьяным и уставшим. Но это лишь полбеды. Дело в том, что при виде старого друга во мне всколыхнулись воспоминания, которые, казалось, я похоронил давно и глубоко. Прошлое восстало, совсем как нежить.

На кой черт мальчишка сдался Дантону?

Почерневшее солнце низко опустилось к горизонту, да и снег валил все сильнее, когда я въехал в мертвую рощу. Я кое-как зажег фонарь и повесил его на седло, но знал, что стоит раз оступиться, и повторятся вчерашние похороны.

– Возможно, нам лучше встать на ночлег, девочка?

В этот момент сквозь непогоду до меня долетел пронзительный звук. Я склонил голову набок и сморгнул снег с ресниц. Я готов был поклясться, что слышал выстрел из пистолета. Последовал другой звук: длинная нота, высокая и приглушенная, которая в прежние времена несла меня на крыльях прямо в пасть преисподней. И я вспомнил Хлою в таверне вчерашней ночью. У нее за спиной висело ружье, а на поясе – окованный серебром рог.

– Дерьмо, – прошипел я.

Я хлопнул Шлю по крупу, и мы поскакали вверх по неровному склону. Кобылка мне досталась не самая проворная,

но, несясь галопом во тьму, она проявила недюжинную выносливость. Снова пропел рог, и во рту стало кисло от адреналина, нахлынули воспоминания о ночах в Сан-Мишоне: клятва на моих устах, я в кругу братьев; любовь – мой щит, а вера – меч.

Пред ликом Господа и семерых Его мучеников клянусь: да узнает тьма имя мое и устрашится. Покуда горит она – я есмь пламень. Покуда истекает кровью – я есмь клинок. Покуда грешит она – я есмь угодник Божий.

И я ношу серебро.

Издали донесся крик, передо мной поднимались развалины башни, к которой через безжизненную рощу спешили темные фигуры: безжизненные глаза, острые клыки. Над топотом ног вознеслось серебристое пение рога. А ведь то правда были мертвяки, и бежали они быстро: к людям, которых я наконец разглядел сквозь снегопад, ломилось где-то с десяток порченых.

Удерживая поводья Шлю одной рукой, другой я выхватил и ножен Пьющую Пепел.

«Г-где мы, Габриэль?»

– В жопе, Пью, – прошипел я.

«Ох-х-х-х, то есть ничего не изменилось? Н-ничего?»

У основания башни я увидел Хлою: мечом она рубила набегающих порченых, как дровосек – дерево. Билась сестра с адской яростью, но в конце концов она была монахиней, а клинок – слишком для нее велик. Рядом стоял бард: щети-

на в снегу, в одной руке – горящий факел, в другой – длинномерный меч. У них за спинами жался к разрушенной стене башни мальчишка по имени Диор. Он сжимал пальцами острый серебряный кинжал, губами – нераскуренную сигариллу. В его глазах застыл холодный гнев.

– А ну назад, вы, ублюдки нечестивые! – орал бард.

– Хлоя! – проревел я.

Где оссийка с ее львицей и священник, я понятия не имел.

Зато эти трое вляпались в дерьмо как нельзя глубоко. Бард резво орудовал факелом: бил им порченых по головам и победно вскрикивал, когда трупаки загорались. Хлоя рубила мечом всякого, кто подбирался слишком близко: лезвие из сребростали рассекало мертвую плоть, точно солому. Однако тварей набежало слишком уж много.

Шлю оказалась либо храброй, либо глупой. Или же просто неслась слишком быстро и не успела затормозить. Мы врезались в ряды порченых, раскидывая их в стороны, но стоило мертвякам обернуться и ощерить смердящие клыки, как кобыла потеряла выдержку. Встала на дыбы и чуть не сбросила меня.

Зато хотя бы Пьющая Пепел включилась в игру.

«Она не боевая лошадь, дундук! Во имя богов, за кого ты ее принял?»

Только я высвободил ноги из стремян, и на меня из темноты вылетел мертвяк. Жажда вернулась, а фонарь дико раскачивался и мерцал. Расклад был дурной, но выбора не оста-

валось: только рубиться или сдохнуть.

– Габи, берегись! – прокричала мне Хлоя.

«Сзади!» – предупредила Пьющая Пепел.

Я развернулся как раз вовремя: отбил протянутые ко мне руки и вспорол машущему культями холоднокровке грудь. Даже в такой ситуации у меня еще оставался в запасе трюк-другой. Сломав печать на фиале, я бросил его в толпу мертвых: двое рухнули, когда взрыв серебряной бомбы озарил ночь, а от щелока у них почернела шкура и закипели глаза.

Эти мертвяки были еще совсем птенцы, но когда муравьев много, они и льва завалят. Пьющая Пепел снова прошептала, предупреждая, что из темноты на меня летит мертвый – старик с примятыми и окровавленными волосами. Он мог умереть в постели, в кругу любимых, а вместо этого сгинул под стенами разрушенной башни к югу от Юмдира, когда мой меч сверкнул во мраке и его голова слетела с плеч. Я метнул сосуд со святой водой. Стекло разбилось, мертвая плоть зашкворчала, и вновь запел рог Хлои.

Какой-то мужчина с диким взглядом сумел проскочить мимо барда и ударил Хлою сбоку. Она выронила сребростальной меч и завопила, когда в руку ей впились клыки.

– Хлоя! – вскричал Диор.

– Сестра! – взревел певун.

Он бросился на выручку, но в спину ему вцепился другой порченый. Диор подобрал упавший факел и ударил им холоднокровку. По чаще пронесся вопль боли бездушного

чудовища, оно загорелось и, размахивая руками, рухнуло. А я в изумлении смотрел, как мальчишка раскрутил факел на пальцах и прикурил от него. Потом я метнул последний фиал со святой водой и выстрелил из пистолета в лицо другому порченому. Однако противников было слишком много, да и жажда разыгралась не на шутку, и мне уже начинало казаться, что нам пришел каюк.

И тут я услышал шепот. Вспышкой мелькнуло размытое иссиня-черно пятно и полоска красного. Один порченый упал без головы, другой – забился в конвульсиях, а из глаз у него повалил багряный дымок. Среди чудовищ замелькала фигура: свирепая, словно северный ветер, неуловимая, словно молния в бурю над Вечным морем. Я разглядел длинные черные волосы и красный меч, косящий трупаков, как порция отравы.

«Что ты встал, раз-зинув рот, Габриэль?! Бейся!»

Я взялся за дело, рубя холоднокровок, а незнакомец мелькал среди мертвых деревьев, раскидывая порченых, точно ветер – цветочные лепестки. Когда мы разделались с последней пиявкой, я уже понял, что это за чудовище.

Среди разбросанных по снегу трупов стояла высококровная. Она даже не запыхалась, потому что вообще не дышала. На ней был длинный красный кафтан и черные кожаные брюки, шелковая блуза с декольте, в которое проглядывала оголенная белая, точно кость, грудь; шею окутывал красный шелковый шарф. Телом она походила на девушку, хотя со-

вершенно точно ею не была. С очень длинного, изящного, как она сама, клинка в алый снег капала кровь. Иссиня-черные волосы струились до пояса, разделяясь у лица, словно занавес, из-за которого на меня смотрели безжизненные глаза. Само же лицо скрывалось за бледной фарфоровой маской, раскрашенной под образ благородной дамы в зимнем макияже: черные губы и подведенные темным глаза.

Я через плечо оглянулся на Хлою: истекая кровью, та хватала ртом воздух.

– Она с тобой?

– Боже Всемогущий, нет, – ответила Хлоя, поднимая с земли меч.

Незнакомка протянула Диору изящную руку и обратилась к нему голосом мягким, как трубочный дым; впрочем, говорила она довольно необычно, шипя, с присвистом:

– Идем с-с-с нами, дитя. Или умрешь.

«Берегись ее, Габриэль. Она к-какая-то… странная».

Пьющая Пепел зашептала у меня в голове, а я встал между вампиршей и остальными. Только сейчас холоднокровка обратила свой взор на меня. Радужки у нее напоминали линялый лен. В морозном воздухе мое дыхание вырывалось изо рта бледными облачкам:

– Назад.

– В с-с-сторону, – тихо и ядовито скомандовала она.

Меня, точно свинцовым грузом, придавило ее волей, но я не отступил.

– Я за твоим видом охочусь с детства, пиявка. Придется тебе постараться сильнее.

Она окинула меня взглядом, задержав его на сломанном мече.

– Мы с-с-слышали, что ты погиб, Угодник.

– Кто это – мы, сучка ты нечестивая?

Высококровная слегка хмыкнула, будто услышала нечто забавное. Потом она снова посмотрела своими мертвыми глазами на Диора и сверкающим острым коготком поманила его.

– Идем с-с-с нами, ди…

Тьму между деревьями пронзила яростная вспышка яркого, призрачного света. Оглянувшись через плечо, я увидел, как в нашу сторону, спотыкаясь и сжимая в руке колесо, висевшее на шее, идет священник. Он высоко поднял священный символ и сыпал строками из Писания, как матрос изрыгает ругательства:

– Се, стою, аки лев среди агнцев!

Свет струился из его колеса, точно из зеркальца, отражающего свет лампы, и когда он ударил в высококровную, та вздрогнула, сощурив мертвенно-бледные глаза. На миг я испытал благоговение, вспомнив ночи, когда моя собственная вера сияла столь же ярко, как и вера этого священника, когда одного вида татуировок у меня на теле хватало, чтобы слепить мертвяков. Старик устремился к нам, и тут среди деревьев раздался рев. Из тьмы вылетела давешняя рыжая льви-

ца и с перекошенной, покрытой шрамами мордой обнажила клыки. Следом по снегу бежала рубака-оссийка: на голове – рогатый шлем, в руках – прекрасная секира.

При виде львицы и обжигающего света в руке священника высококровная зашипела. Взгляд ее бледных глаз все еще был прикован к Диору, но страх перед праведником пересиливал. И когда наконец священник выбежал на прогалину, мороз отступил.

– Изгоняю тебя! – проревел старик. – Именем Вседержителя, изыди!

– Поганый с-с-священник, – презрительно бросила тварь, заслоняясь от света рукой. – Ты н…

– «Говорю вам, дети Мои, Я есмь свет и истина!» – Священник сделал шаг вперед, сжимая колесо в морщинистой руке. – Нет здесь твоей власти!

Из-за холодной раскрашенной маски вновь раздалось шипение. Львица зарычала, подскакивая ближе, и холоднокровка едва заметно затряслась. А когда зверюга кинулась на нее, выпростав когтистые лапы, вампирша запахнулась в кафтан и обернулась бурлящим облаком крошечных крылатых созданий: во тьму, скрываясь в снегопаде, устремилась тысяча кровокрасных мотыльков.

Я тяжело сглотнул, ощущая во рту привкус праха и костей.

Все кончилось.

Я оглядел остальных: Хлоя, кривясь от боли, хваталась за прокушенную руку. Рядом опустился на колени побледнев-

ший от беспокойства бард. Рубака пристально смотрела на меня; лезвие ее секиры поблескивало в угасающем свете колеса священника.

Я же таращился на мальчишку. Тот опустился на корточки в грязи; в руке он сжимал факел – так крепко, что побелели костяшки пальцев, – а изо рта у него свисала дымящаяся сигарилла.

*«Бестолочь, пятно конч*и*, из-за тебя нас ч-чуть не порешили. О чем, во имя Бога, т-ты только д…»*

Я заткнул Пьющую Пепел, спрятав ее в ножны. Оглядел мальчишку с ног до головы. В нем не было ничего примечательного, но, что бы там ни говорил меч, дураком я не был.

– Говори, сука, кто ты такой.

XI. Из бури

– Ничего ему не говори, Диор, – предупредила женщина-горец.

– Я и не собирался, Сирша, – ответил, сердито глядя на меня, мальчишка.

– Сестра, ты как? – спросил припавший на колени возле Хлои молодой бард. – Глубоко задело?

– Все хорошо, Беллами, – ответила она, отворачивая пропитанный кровью рукав. – Царапина.

Мне же хватило одного взгляда, чтобы понять: дело серьезное. Из глубокого укуса на плече у Хлои сочилась кровь, а на коже, там, где ее с нечестивой силой ухватил мертвяк, выступили синяки.

– Рот у порченых – помойка, – сказал я. – Если не заняться раной, она загноится. У меня в седельных сумках завалялся «Кронощит» и нитки. А еще крепкий спирт.

Диор затянулся сигариллой.

– Нам бы жутко не хотелось лишать тебя средств увеселения, герой.

– Это медицинский спирт, малец. Пьют его те, у кого свинячье дерьмо вместо мозгов.

– А ты, смотрю, ничем не брезгуешь.

– Слушай, ты что за хрен такой?

– Думаю, знакомство может и обождать. – Хлоя поморщи-

лась и жестом окинула снегопад и окружающее нас побоище. – Даже если не считать смрада от расчлененных трупов, тут становится только хуже.

– Храбрая женщина только рада поцелуям дикой природы, сестра, – заметила рубака.

– А мудрая знает, что, когда льет дождь, надо идти в дом, – улыбнулся священник.

Бард кивнул в сторону разрушенной башни.

– Укроемся внутри.

Отряд собрал пожитки, а повеса помог Хлое встать, пока я ходил за Шлюхой. Кобылу я нашел под прикрытием голого вяза в нескольких сотнях ярдов от места сражения. Я нежно похлопал ее по шее и тщательно осмотрел, но она, похоже, отделалась испугом. И, взяв ее под уздцы, я пошел назад к башне.

Приближаясь к руинам, я присмотрелся к ним получше: три этажа, темный камень, сломанные зубцы бойниц. На стенах цвел старый лишайник и свежий гриб; сухой раствор крошился. Башня, похоже, простояла тут многие века, построенная зюдхеймцами, еще когда Элидэн состоял из пяти воюющих королевств, а святая Мишон затеяла крестовый поход, неся Единую веру во все уголки страны.

Отряд к тому времени расположился внутри, постаравшись как можно лучше укрыться от дождя. Рубака хмуро взглянула на меня из тени, убрав с татуированного лица косички; в ногах у нее свернулась калачиком львица. Диор

стряхивал снег с краденого кафтана. Священник и повеса промывали Хлое рану. Я турнул эту парочку и опустился на колени рядом со старым другом. Поставил на камень бутылек с чистым спиртом и фиал с бледно-желтым порошком.

– Будет жечь, как в манде у портовой шлюхи вечером, когда флот возвращается в порт, – предупредил я. – Но это, сука, лучше, чем гангрена.

– *Merci, mon ami*, – кивнула Хлоя.

Действуя быстро и уверенно, я занялся раной: промывал ее и обрабатывал, пока Хлоя тихонько шипела от боли.

– Короче, кто вы, народ? Ну, если не считать того, что вы магнитом притягиваете к себе нежить?

– Д-друзья, – поморщилась Хлоя.

– Избранные, – ответила рубака.

– Верующие, – пробормотал священник.

– Ох, спасите меня, семеро мучеников, – вздохнул я.

– Меня зовут Беллами Бушетт, – с легким поклоном представился повеса. – Бард, авантюрист, любитель женщин и автор песен для ублажения слуха императоров. – Он смахнул со лба влажные каштановые кудри. – Очень приятно познакомиться с тобой, Угодник. Я слышал о твоих подвигах от Ашеве до берегов Моря-Матери. Боюсь, легенды несколько… замалчивают твои истинные способности.

– *Oui*, – подумал я. Ну точно дрочила.

– А это – добрый отец Рафа Са-Араки, – сказал Беллами, кивая в сторону священника-зюдхеймца. – Ученый, астролог

и преданный член ордена Святого Гийома. Мир еще не знал того, кому больше других полагается воспеть славу: он просто шикарный малый, но очень сдержанный.

Старик-священник заговорил голосом, который с любой кафедры мира звучал бы музыкой:

– Благодарю вас за помощь, шевалье. Да благословят вас семеро мучеников.

– Наш мастер на все руки, – Беллами сделал жест в сторону оссийки, – мадемуазель Сирша а Риган. И если в мирных профессиях мастерство ее оставляет желать лучшего, то военный талант с лихвой окупает этот недостаток. И ее четвероногая спутница Феба. Если тебе хоть сколько-нибудь дороги пальцы, я бы не советовал гладить эту паршивку.

Рубака молча смотрела на меня, положив руки на секиру. Львица облизывалась.

– Нашу добрую сестру Саваж ты уже знаешь, – продолжал Беллами. – Значит, остался самый молодой член отряда. – Бард махнул рукой в сторону мальчишки с пепельными волосами. – Габриэль де Леон, позволь представить тебе Диора Лашанса, Князя воров, Владыку лгунов и неисправимого мелкого мерзавца.

– Забыл сказать, что я еще и сын шлюхи, – выпустив дым, пробормотал мальчишка.

– Благовоспитанный мужчина, Диор, никогда не отзовется о даме честной профессии как о шлюхе.

– Моя мать дамой не была, а ты – не благовоспитанный,

Беллами.

– Вы меня оскорбляете, мсье, – осклабился малый, коснувшись своей идиотской шляпы.

Я к тому времени закончил промывать рану Хлои и, зажав в зубах стальную иглу, искал катушку ниток из кишок.

– Ладно, имена я ваши узнал, но кто вы, сука, такие, не понял. – Я обвел взглядом группу странников и остановился наконец на мальчишке. – Особенно ты.

– Я самый обычный.

– Правда, что ли? – Я взглянул на Хлою в надежде раскусить это вранье. – Когда вы уехали, в Гахэх кое-кто заявился, и он искал мсье Самого Обычного. Если бы не я, он бы этот городишко насквозь прошел.

– Говорила же. – Сирша оглядела группу. – Феба их за милю чуяла. Холоднокровки за нами аж от самого Лашаама тащатся.

– Это был не просто холоднокровка, – заметил я. – Сам Дантон Восс.

– Кто?

– Святая Дева-Матерь, да вы же нихера не знаете, во что ввязались.

– Следи за языком, Угодник, – презрительно бросила мне рубака.

– Дантон Восс – младший наследник Фабьена, прямой потомок самого могущественного вампира на земле. Если Вечному Королю надо кого-то отыскать, он посылает за ним

Дантона, и тот еще ни разу не подвел папочку. – Я хмуро посмотрел на Хлою, одновременно зашивая ей рану. – Не желаешь поведать мне, что вы такого натворили, раз Вечный Король отправил по вашему следу своего самого преданного ищейку?

– Семеро мучеников. – Хлоя осенила себя колесным знамением. – Велленский Зверь.

– Я его спровадил, – сказал я, с трудом веря собственным словам. – Но только потому, что он явился к стенам городка средь бела дня и застал меня вместо вас. С какой стати такому древнему существу, как Дантон, так сильно рисковать собой, Хлоя? Все дело в этой чуши про Грааль, которую ты вчера несла?

Отряд изумленно уставился на Хлою.

– Растрепала? – зло спросила Сирша.

– Не все. – Морщась от боли – я все еще зашивал ей руку, – Хлоя оглядела своих. – Начнем с того, что на этом пути я оказалась благодаря Габи. Еще много лет назад. Бог неспроста свел его с нами. Он величайший из мечников за всю историю Серебряного ордена.

– Отплатили ж тебе добром эти мечники Серебряного ордена, сестра.

– Он нужен нам, Сирша.

– На кой?

– Зверь еще вернется. И в следующий раз – ночью.

– На что Воссу сдался мальчишка? – твердо спросил я. –

И нефига мне врать про детские сказочки.

– Грааль – вовсе не детские сказочки, Угодник, – вмешался отец Рафа, очищая стекла очков от грязи. – «Из чаши священной изливается свет, и верные руки избавляют от бед. Перед святыми давший обет, один человек, что вернет небу цвет».

Я перевел взгляд на Хлою.

– Кое-кого на вирши потянуло?

– Это не просто стихи, – сказал священник.

– Габи, это пророчество, – добавила Хлоя. – Вечный Король, Несметный легион, мертводень… Грааль положит всему этому конец.

– Хлоя, это тебе не книжки из библиотеки. Я думал, ты переросла эту хрень. Лучше начинайте говорить прямо и ясно, обмудки двинутые.

– Чаша с кровью Спасителя положит конец этой тьме, – не уступал священник.

– Бред, – бросил я. – Чаша утеряна вот уж много веков как! Но даже будь она у вас, все равно к северу от Августина собралась тьма нежити, Нордлунд пал, а северную часть Дилэнна владыки крови порвали в лоскуты! И как же сраная чаша это исправит?

– В ней кровь Спасителя. Рожденного сына Божьего, принявшего смерть на к…

– Избавь меня от этого, поп.

– Габриэль, спроси себя сам, – сказала Хлоя, – если Гра-

аль – это такая чушь, а пророчество – пустышка, зачем тогда Вечному Королю отправлять за нами в погоню своего сына?

– С хрена ли мне знать?! Как вы вообще связаны с Граалем?

– Он знает, где его отыскать.

Я посмотрел на рубаку – та посмотрела на меня, точно ястреб на зайца, из-за рыжевато-белокурых косичек, а потом стрельнула взглядом на Диора.

Снаружи танцевали в воздухе снежинки.

– Малой, – сказала она, – знает, где его отыскать.

Я посмотрел на паренька, а тот с укоризной – на рубаку и Хлою.

– Знаешь, где Грааль? – набросился я на него.

Мальчишка пожал плечами и выдул струю бледно-сизого дыма.

– Серебряная чаша святой Мишон, – фыркнул я. – Чаша, за которой солдаты-праведники шли на Войны веры и ковали из пяти королевств единую империю.

Мальчишка затоптал каблуком окурок ловикорневой сигариллы.

– Так сказано в Заветах.

– Да он мудак, – бросил я, зло посмотрев на Хлою.

– Нет, Габи. – Та поморщилась, когда я бинтовал ей руку. – Он может найти Грааль, и Вечный Король знает об этом. Иначе зачем, по-твоему, Велленский Зверь нас преследует?

Я уставился на мальчишку, а в голове одни мысли боро-

лись с другими. Это походило на крепчайшее безумие. Подобной хренью потчуют попы испуганных ночным мраком детишек. Нет такого волшебного заклинания, священного пророчества, которое оборвало бы эту бесконечную тьму. Она стала нашим здесь и сейчас, она пришла к нам навеки.

А вот Фабьен Восс, похоже, в сказки верил, раз так отчаянно рассылал детей на поиски мальчишки…

Хлоя, морщась, встала и пошевелила забинтованной рукой. Шепнула мне слова благодарности. Потом нежно взяла меня под локоть и отвела в сторонку, туда, где нас не слышали бы остальные.

– Это пустая затея, Хлоя Саваж.

– Значит, я дура, Габриэль де Леон.

– Не просто дура… Куда же ты ведешь свой отряд слабоумных?

– В Сан-Мишон.

– Сан-Мишон? Ты что, из ума выжила? Тащить, сука, эту детвору в Нордлунд? До зимосерда вам к монастырю ни за что не успеть. Дантон вас настигнет, и уж тогда…

– Ты нужен мне, Габриэль. Я же говорю, мы неспроста встретились. Чтобы мы вот так нашли друг друга после стольких лет, да посреди такой тьмы… Уж ты-то должен увидеть в этом руку Вседержителя, ты…

– Твою ж налево, Хлоя, я тебя умоляю! С тех пор как Астрид затащила тебя в библиотеку семнадцать лет назад, ты только об этом и лопочешь.

Она посмотрела на меня еще злее.

– Бог видит, жаль, что ее здесь нет. Аззи умела заставить тебя, придурка и хлыщеныша упертого, открыть глаза.

Я невольно усмехнулся этим оскорблениям и уныло поскреб подбородок.

– Видимо, удел каждой жены – заставить мужа открыть глаза.

Хлоя так и вытаращилась на меня.

– Так вы… женаты?

Я вскинул руку, показывая серебряное обручальное кольцо.

– Одиннадцать лет как.

– О, Габриэль… – прошептала Хлоя. – А дети…

Я кивнул, блеснув глазами.

– Дочка.

– Благой Спаситель. – Скользкими от крови пальцами Хлоя взяла меня за руки. – Господи Боже, я так рада за вас обоих, Габи.

В ее улыбке я увидел искреннюю радость. Такую, которую с тобой разделяет только истинный друг, а при виде слез я вспомнил, какое у нее доброе сердце, у этой Хлои Саваж.

Мне до нее всегда было далеко.

А потом ее улыбка медленно угасла. Плечи поникли, и она обвела взглядом свой небольшой, окровавленный и ютящийся во мраке отряд. Я видел, как она страшится предстоящего пути: раздираемые войной пустоши Оссвея, а за ними

– бесплодный ад Нордлунда. Растущее море тьмы, в котором огонек человечества трепещет пламенем свечи, готовой вот-вот погаснуть.

Хлоя понурила голову.

– Не могу просить тебя рисковать всем этим.

Она отпустила мои татуированные руки.

– Передавай привет Аззи. Скажи… скажи, что я рада за нее. – Хлоя шмыгнула носом и сглотнула. На веснушчатое лицо ей упали влажные кудряшки. – *Adieu, mon ami* [14].

Она уже отвернулась…

– …Хлоя.

…и удивленно вскинула брови, посмотрев на меня. Я же открыл рот, еще толком не сообразив, что говорить. На мгновение все застыло, будто на кончике ножа. Такие моменты случаются раз или два в жизни. Перед собой я видел два пути, две стороны одного клинка. Первая – где я помогаю своему старому другу. Вторая – где я бросаю ее погибать.

– Могу проехать с вами часть пути. Проводить хотя бы до Вольты.

– Не смею просить тебя об этом, Габриэль.

– Ты и не просила. Вот сам и предлагаю. – Я осмотрел оборванный отряд и задержал взгляд на Диоре. – Кто я такой, чтобы становиться на пути божественного провидения?

– А как же Астрид… ваша дочь…

– Они поймут. Скоро я вернусь к ним.

---

[14] Прощай, мой друг *(фр.)*.

Когда до Хлои дошел смысл моих слов, она облегченно выдохнула: с ее плеч свалился тяжкий груз, который она несла все это время. Сестра всхлипнула и тут же поспешила улыбнуться. Потом бросилась обниматься; правда, для того чтобы обхватить мои плечи, ей пришлось разбежаться и подпрыгнуть – такая она была маленькая. А когда она еще и впечатала поцелуй в мою щеку, я чуть не рассмеялся.

– Ты хороший человек, Габриэль де Леон.

– Сволочь, вот кто я. Ну, хватит уже меня лобызать. Ты же, так-перетак, монахиня.

Хлоя отпустила меня, но напоследок все же пожала мне руку. В ее глазах я вновь увидел свет и жизнь – тот свет, который сиял в них, когда мы были юны. Хлоя возвела очи горе, глядя в обрушенный потолок, и по ее щекам побежали слезы. Она коснулась семиконечной звезды на шее и прошептала:

– Слава Господу Всемогущему.

Она радовалась, ведь ее вера была вознаграждена; и ее не ослабили, не замутили ни испытания, ни время. На кратчайший миг я позавидовал Хлое так, как не завидовал никому.

– Как ее имя?

– А?

– Вашей дочери, – поторопила меня Хлоя. – Как ее имя?

Сделав глубокий вдох, я огладил костяшки пальцев.

– Пейшенс [15].

---

[15] Терпение *(англ.)*.

XII. Два бокала

– Нет, – сказал вампир.

Габриэль поднял взгляд.

– Нет?

– Нет, де Леон, так не пойдет.

– Не пойдет? – вторил ему, выгибая бровь, Габриэль.

– Не пойдет. – Жан-Франсуа раздраженно взмахнул пером. – Последний раз, когда ты упоминал эту Реннье, она была сестрой-новицией в монастыре, где ты обучался. А теперь она, оказывается, уже твоя супруга? И мать твоего ребенка? Моя императрица желает знать всю историю.

Габриэль запустил руку в карман заношенных брюк, порылся там, пока вампир следил за ним, и наконец выудил потускневший рояль.

– На вот.

– На что это? – строго спросил Жан-Франсуа.

– Сходи на базар и купи мне желание прислушаться к ее воле.

– Так истории не рассказывают, Угодник.

– Знаю, и рассчитываю, что ты подохнешь от негодования.

– Ты вернешься к началу. К стенам Сан-Мишона.

– Уверен?

Холоднокровка показал ему фиал с санктусом.

– Уверен.

Габриэль долго и пристально смотрел на него, подергивая челюстью; он так крепко сжал подлокотники кресла, что те затрещали. Мгновение казалось, будто вот сейчас он вскочит, набросится на вампира и высвободит всю ту ужасную ненависть, клубившуюся глубоко во тьме его черепа, но маркиз Жан-Франсуа крови Честейн остался непоколебим.

Габриэль пристально смотрел в глаза кровопийце, потом его взгляд скользнул к флакону, зажатому между указательным и большим пальцами холоднокровки. Кровогимн все еще отчетливо звучал в нем, но это не значило, что жажда унялась. Одной трубки было маловато.

Ее ведь всегда было мало?

По правде, Габриэль просто не знал, готов ли вернуться к началу. Не хотелось извлекать на свет призраки пришлого. Они тоже были голодны. Сидели взаперти у него в голове, за дверью, которую не открывали так долго, что петли проржавели. И если уж ее отворять…

– Прежде чем я вернусь к Сан-Мишону, – заговорил наконец он, – мне нужно выпить.

Жан-Франсуа щелкнул пальцами. Дверь в камеру тут же открылась – рабыня так и ждала на пороге, опустив скрытые за медными косицами глаза.

– Чего изволите, хозяин?

– Вина, – приказал вампир. – Моне, пожалуй. И принеси два бокала.

Взглянув в глаза мертвому мальчишке, женщина неожи-

данно зарделась.

Она присела в низком книксене и, шурша длинными юбками, поспешила прочь. Габриэль прислушался к ее шагам на каменных ступенях, стрельнул взглядом в сторону оставшейся открытой двери. Снизу, из шато, доносились слабые звуки: топот ног, обрывок смеха, тонкий и заливистый вопль. До двери, прикинул Габриэль, шагов десять. Между лопаток скатилась капелька пота.

Жан-Франсуа тем временем рисовал портреты отряда Грааля: отец Рафа в рясе и с колесом на шее; в памяти эхом прозвучало предупреждение священника. Габриэль разглядел Сиршу, ее косички рубаки и взгляд охотницы, похожую на рыжую тень львицу Фебу рядом. Беллами в обалдуйской шапчонке простодушно улыбался; а впереди стояла малышка Хлоя Саваж, вооруженная сребростальным мечом, веснушчатая, а в ее глазах лгуньи сияла вся надежда мира.

Вампир поднял взгляд.

– А, чудесно…

На пороге возникла рабыня с золотым подносом, на котором стояло два хрустальных бокала и бутылка отличного Моне с виноградников Элидэна. В эти ночи такая старина была редкостью вроде серебра. Целой императорской казной в пыльном зеленом стекле.

Рабыня поставила бокалы на столик и щедро плеснула напитка Габриэлю. Вино было красным, точно сердцекровь, а его аромат после запахов заплесневелой соломы да ржавого

железа кружил голову. Второй бокал остался пустым.

Жан-Франсуа молча протянул руку. У среброносца пересохло во рту, пока он смотрел, как рабыня опускается на колени у кресла чудовища. Заливаясь краской и бурно дыша, она вложила свою руку в его ладонь. И снова Габриэль поразился, ведь она годилась вампиру в матери. Его бы замутило от творящегося кругом обмана, если бы не трепет при мысли о том, что готовилось вот-вот случиться.

Глядя на Габриэля, вампир поднес запястье женщины к губам.

– Прошу прощения, – шепнул он и принялся пить

Женщина тихонько застонала, когда в ее бледную кожу, проходя в податливую плоть, впились кинжалы цвета слоновой кости. Какое-то время казалось, что она, подпав под чары этих глаз, губ и зубов, может только дышать.

Они, чудовища в человеческой шкуре, называли это поцелуем. Он дарил удовольствие темнее любого плотского греха, слаще любого наркотика. Женщина отдалась ему, будто подхваченная волнами кровокрасного моря. И как бы ни было это ужасно, Габриэль отчасти вспомнил желание, от которого стучит в висках и набухает в паху. У него самого выросли и заострились зубы, и он даже уколол о кончик клыка язык.

Под кружевным воротником-ошейником у женщины Габриэль разглядел следы укусов. Кровь у него закипела в жилах при мысли о том, где еще на теле у нее имеются шрамы,

оставленные этими тварями в минуты голода. Женщина тем временем запрокинула голову; по ее нагим плечам заструились длинные волосы; она прижала свободную руку к груди, и ресницы ее затрепетали. А Жан-Франсуа продолжал смотреть на Габриэля: чуть зажмурившись от удовольствия, он приглушенно охнул.

Но вот наконец чудовище прервало нечестивый поцелуй, оторвавшись от запястья женщины – между его губами и рукой протянулась тонкая рубиновая струнка, которая тут же лопнула. Все так же неотрывно глядя на угодника, вампир занес руку рабыни над пустым бокалом, сцеживая густую, теплую, багряную кровь в хрустальный сосуд. Комната наполнилась ее запахом; Габриэль задышал чаще, во рту у него сделалось сухо, как в могиле. Он желал ее. Нуждался в ней.

Вампир надкусил кончик собственного большого пальца и прижал его к губам женщины. Та распахнула глаза и ахнула; сунув ладонь себе между ляжек, принялась сосать, как изголодавшийся младенец. Когда же бокал капля за каплей наполнился, вампир убрал ее прокушенную руку в сторону, а потом, точно забывшийся хозяин, предложил Габриэлю:

– Можем разделить ее на двоих. Если тебе так угодно.

Женщина, продолжая бурно дышать и лаская себя, взглянула на него. И тут Габриэль вспомнил: вкус, тепло, темное совершенное удовольствие, с которым не сравнится никакое курево. Жажда разыгралась в нем; трепет он ощущал всем телом: от паха, где щемяще ныло, до кончиков пальцев, в

которых покалывало.

Ему же оставалось только стиснуть острые как ножи зубы и прошипеть:

– Нет, *merci*.

Жан-Франсуа улыбнулся и облизнул сочащееся кровью запястье рабыни, вынул палец у нее изо рта. Тяжелым и плотным, как железо, голосом чудовище велело:

– Оставь нас, милая.

– Как вам угодно, хозяин, – чуть дыша, ответила женщина.

Держась за спинку кресла, она встала на дрожащие ноги. Рана у нее на запястье уже затягивалась. Сделав напоследок неверный книксен, рабыня бросила на Габриэля похотливый взгляд и вышла.

Дверь тихонько затворилась.

Жан-Франсуа поднял бокал, и Габриэль завороженно посмотрел, как чудовище вертит его так и этак, рассматривая на свет лампы. Кровь в бокале была такой красной, что казалась черной. Глядя на угодника, вампир улыбнулся.

– *Santé* [16], – произнес Жан-Франсуа.

– *Morté*, – ответил Габриэль, поднимая тост за его погибель.

Они выпили одновременно: вампир сделал один неспешный глоток, а Габриэль осушил бокал разом. Жан-Франсуа потом, посасывая набухшую нижнюю губу и чуть проколов ее клыком, вздохнул. Габриэль же потянулся за бутылкой и

---

[16] Твое здоровье *(фр.)*.

заново наполнил свой бокал.

– Итак, – пробормотал Жан-Франсуа, оправляя жилет, – ты был пятнадцатилетним мальчишкой, де Леон. Слабокровкой, ребенком с севера, которого из грязной дыры Лорсона вытащили в неприступный монастырь святой Мишон. Там из тебя сделали льва, сотворили легенду, противника, которого стал бояться даже Вечный Король. Как?

Габриэль вновь осушил бокал одним большим глотком, утер потек вина с подбородка и взглянул на гирлянду из роз у себя на правой руке. На восемь букв под костяшками кулаков:

терпение.

– Не делали из меня льва, холоднокровка, – ответил он. – Лев и так жил у меня в крови, как и говорила мама.

Он медленно, со вздохом сжал кулак.

– Мне лишь помогли высвободить его.

Книга третья
Кровь и серебро

Они были диковинкой и редкостью; приблудными братьями дворянских отпрысков, незаконным пометом плотницких жен и дочерей фермеров, воинами, которым, казалось бы, не стоило петь и единой баллады. И как же странно было то, что в темнейший для империи час на их худые и редкие плечи легла столь большая ответственность.
Альфонс де Монфор, «Хроники Серебряного ордена»

I. Успешные начинания

– Прошло полгода с тех пор, как я принес клятву инициата Серебряного ордена, и каждый день брат Серорук гонял меня в хвост и в гриву.

Как и предупреждал Аарон де Косте, Перчатка стала горнилом, в котором мне предстояло либо закалиться, либо расплавиться в шлак. Каждый день меня ждал новый танец, месяцами меня подвергали проверке – либо мой наставник, либо остроумные устройства братьев очага.

Среди них были «Колючие люди» – связка постоянно движущихся тренировочных манекенов, отвечавших на любой твой удар. «Молотилка» – вращающиеся дубовые столбы на

высоте тридцати футов над каменным полом; один неверный шаг во время спарринга на них – и остаток дня заживляешь сломанные кости. Полоса препятствий, которая называлась «Шрам»; забег на скорость, «Коса»… И все это предназначалось для того, чтобы сделать нас тверже, быстрее, сильнее.

Санктус, которым мы причащались на вечерних мессах, пробуждал во мне зверя: повышал силу, ускорял рефлексы, обострял мои чувства бледнокровки… Я ощущал себя клинком, который наконец извлекли из холодного подвала на яркий свет солнца. И все же знал, что я не столь остр, как остальные ребята, и никогда не стану таким.

После испытания крови брат Серорук ни разу не заговорил о моем слабокровном происхождении, но мне хватало издевок от Аарона и его дружков. Инициаты Сан-Мишона приходили и уходили, задерживаясь в монастыре на дни или недели, а потом возвращались на охоту со своими наставниками. Многие из них были благородными, что логично: высококровные предпочитали общество дам им под стать. Но я на них смотрел как на бесконечный поток горделивых дрочил, презиравших меня из-за происхождения и слабой крови. Все они были теми еще засранцами. Дерьма на меня вываливали больше, чем табун коней.

Аарон, когда мог, общался с парнем по имени де Северин – сыном элидэнской баронессы. У де Северина были темные глаза и надутые губы, а вообще мордой он напоминал дохлую рыбину. Был у Аарона еще один приятель, симпатичный

барчук, шатен со злющими голубыми глазами. Слуги в доме его отчима наверняка ходили на цыпочках. Звали его Средний Филипп.

– Средний Филипп? – удивленно моргнул Жан-Франсуа.

– Батюшка императора Александра, Филипп Четвертый, восседал на Пятисложном троне двадцать лет. Некоторые родители своих спиногрызов нарекают в честь прославленных людей, в надежде, что с именем передастся и слава. Среди инициатов оказалось сразу три Филиппа: самого маленького мы прозвали Мелкий, высокого – Здоровый, а того, что был промеж них, – Средний.

– Остроумно, де Леон.

– Уж поверь, подростки могут измыслить прозвища похуже, и я слышал их все. Из двух десятков инициатов, которых я повстречал за те полгода, лишь двое не обращались со мной как с дерьмом. Тео Пети – здоровяк с песочными волосами, защитивший меня от Аарона в первый день в Сан-Мишоне, да жилистый паренек-оссиец по имени Финчер. На лицо Финч был урод редкостный, да еще глаза у него имели разный цвет: один голубой, другой – зеленый. Меня это не особенно волновало, а вот других ребят заставляло нервничать.

– Отчего же? – спросил Жан-Франсуа.

– Суеверие. В некоторых народах считают, что подобный изъян – метка дивного народца, мол, кто-то у тебя в роду сношался с лесными духами. Но мне Финч нравился. В его

жилах текла кровь Воссов, и он был тверд, как гвоздь. А еще он спал, кладя под подушку вилку для мяса. Он даже мылся с ней. Дикий был, точно ведро мокрых кошек.

– Почему именно вилка для мяса?

– Как-то я спросил Финчера об этом. «Бабуля подарила перед смертью, – ответил он, вертя вилку в пальцах. – Чистое серебришко, парень».

Однако даже с Финчем и Тео я не дружил. Они просто не задирали меня, вот и все. Остальные же инициаты избрали путь де Косте: «пейзан», «жоподрал», «котеночек»… Так они меня называли, и Аарон вел себя хуже прочих. То каши в сапоги подложит, то на постель кучу навалит. Я и так всю жизнь не был никем особенным, а тут, оказавшись среди Божьих избранников, и вовсе опустился на самое дно. Сам мой вид говорил о слабости.

Слабокровка.

Жан-Франсуа кивнул:

– Успешным твое начало не назвать, де Леон.

– Домой о таком точно не пишут. Вот я и не писал, совсем, хотя и думал, кто же мой настоящий отец и как они с мамой встретились. Моя сестренка Селин отправляла мне послания каждый месяц, рассказывая, что да как там дома, в Лорсоне. Мелкая чертовка, похоже, отбилась от рук, но я при всем желании не сумел бы этого исправить. Забот и так хватало, вот я и не обращал на нее внимания.

Габриэль покачал головой.

– Сейчас, как подумаю, стыдно становится, но тогда я был молод. Молод и глуп.

– Как такое вообще возможно: Черный Лев, герой Августина, владелец Безумного Клинка и убийца самого Вечного Короля… бесхребетный нюня?

– Некоторые рождаются везучими, холоднокровка. Прочим свою удачу приходится творить самим.

– И однажды ты превзошел ожидания наставников?

– Не сразу. Я неплохо владел клинком, но лишь потому, что папа натаскал меня в фехтовании. В Перчатке мне нравилось. Я обожал изучать гимн клинков, который демонстрировал нам Серорук. Сталь, видишь ли, меня не осуждала. Она была мне матерью. Отцом. Другом. Ни разу в жизни ни одно дело на давалось мне сразу же. Блистать в чем угодно мне помогало одно качество: я был слишком упрямой скотиной, чтобы сразу все бросить.

– Должен признать, де Леон, ты и правда скотина.

– Не люблю проигрывать, холоднокровка.

– Выходит, грех гордыни сослужил тебе добрую службу.

– Вот чего я никогда не понимал: с какой стати на гордыню смотрят как на зло? Упорно трудишься над тем, к чему у тебя нет врожденного таланта? Так тебе, дьявол подери, положено гордиться. Бросишь дело на полпути – ничего и не узнаешь. Только то, что не довел его до конца.

Габриэль покачал головой.

– Это только в сказках все налаживается после волшеб-

ного заклинания или поцелуя принца. Только в сказаниях какой-нибудь мелкий байстрюк хватает меч и работает им так, словно был рожден для этого. А что остается остальным? Рвать жопу. Победы мы, может, и не добьемся, но хотя бы посражаемся за нее. Мы выделяемся среди трусов, которые шепчутся в сторонке о том, как оступились сильные, а сами даже не ступили в круг. Победители – это те, кто, проиграв, не успокоился. Хуже, чем прийти последним, это вовсе не начать. Клади ты на проигрыш!

Вампир посмотрел во тьму у него за спиной, в окно, где простиралась империя.

– А мне показалось, что твой вид уже смирился, де Леон.

– Туше.

– *Merci*.

– Умник херов.

– Значит, прошло полгода, а ты еще не стал полноправным угодником?

– Даже не приблизился к этому. Мне предстояло еще два испытания, и только потом я получил бы основу эгиды. – Габриэль погладил левое предплечье, покрытое серебристыми татуировками. – Эту руку тебе расписывают после испытания охотой… если выживешь. Другую – после того, как собственноручно зарубишь свое первое чудовище. Это испытание клинком.

– Что же ты тогда заслужил после испытания крови?

Габриэль приспустил воротник блузы, под которой угады-

вался край рычащего льва на груди.

– Больно, наверное, было? – задумчиво проговорил вампир.

– Не щекотно. Но я, как обычно, даже не представлял, чего натерплюсь, получая эту метку. – Габриэль со слабой улыбкой покачал головой. – От возбуждения накануне я заснуть не мог. Меня всегда завораживали татуировки Серорука, настоятеля Халида и остальных угодников, и вот мне предстояло получить первую часть собственной эгиды. Первый подлинный знак того, что я – свой.

Когда утром *findi* я под пение хора вошел в большой собор святой Мишон, то застал там у алтаря четверых, омытых мягким светом. Кислую, покрытую шрамами физиономию Шарлотты я узнал даже за вуалью. Она и сестра, стоявшая подле нее, носили черные облачения, их лица были выбелены, а на глазах краснели нарисованные символы семиконечной звезды. Две другие монахини носили белые, как перья голубя, одежды новиций. Одна была низенькой, зеленоглазой и веснушчатой, а из-под чепца у нее торчала непокорная витая прядка мышасто-каштанового цвета.

– Твоя Хлоя Саваж, я полагаю? – спросил Жан-Франсуа.

Габриэль кивнул.

– У второй же были черные дымчатые ресницы, вздернутая бровь и родинка у ехидно изогнутых губ. Это была сестра-новиция, которую я встретил в тот день, когда выбирал себе коня. Та самая, что нанесла мне метку во время моей

первой мессы.

– Астрид Реннье, – подсказал вампир.

– Сними блузу и ляг на алтарь, инициат, – велела мне настоятельница Шарлотта. Я исполнил ее приказ, а сестра-новиция Хлоя пристегнула меня кожаными ремнями с блестящими стальными пряжкам. Я поежился от холода, когда она обработала мне кожу спиртом. Все четыре женщины были служительницами Серебряного сестринства, женами и невестами Господа, и я даже не смел взглянуть на них, поэтому свой взор устремил на скульптуру Спасителя вверху. И все же я ощущал присутствие сестры-новиции Астрид рядом, слышал запах розовой воды от ее волос, нежный шелест ее дыхания, когда она провела лезвием бритвы по мышцам моей груди.

Было в этом нечто невероятно личное, пусть на нас и смотрели другие. От ее легкого, как перышко, прикосновения каждый дюйм моей кожи покрылся мурашками. Сердце сорвалось в галоп, а кровь прилила туда, где ей совсем было не место.

Габриэль тихонько хихикнул.

– У тебя когда-нибудь вставал в присутствии монашек, холоднокровка?

– Нет, не припомню. – Жан-Франсуа слегка нахмурился. – Хотя надо признать, что в присутствии монахинь мне это было без надобности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.